Алтайский юридический вестник

Научный журнал Барнаульского юридического института МВД России

№ 2 (34) 2021

Главный редактор:
Анохин Ю.В., д-р юрид. наук, профессор

Зам. главного редактора:
Плаксина Т.А., д-р юрид. наук, доцент

Ответственный за выпуск:
Авдюшкин Е.Г.

Состав редакционного совета:
Абызов Р.М., д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист РФ
Анисимов П.В., д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист РФ
Аничкин Е.С., д-р юрид. наук, профессор
Арыстанбеков М.А., д-р юрид. наук, доцент
Афанасьев В.С., д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист РФ
Баранов А.М., д-р юрид. наук, профессор
Бекетов О.И., д-р юрид. наук, профессор
Бучакова М.А., д-р юрид. наук, доцент
Васильев А.А., д-р юрид. наук, доцент
Герасименко Ю.В., д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист РФ
Гончаров И.В., д-р юрид. наук, профессор
Деришев Ю.В., д-р юрид. наук, профессор
Ким Д.В., д-р юрид. наук, профессор
Князьков А.С., д-р юрид. наук, доцент
Кодан С.В., д-р юрид. наук, профессор
Корякин И.П., д-р юрид. наук
Кузьмина И.Д., д-р юрид. наук, доцент
Мазунин Я.М., д-р юрид. наук, профессор
Майле А.Д., канд юрид. наук, доктор права, магистр административных наук
Сиземова О.Б., д-р юрид. наук, профессор
Сумачев А.В., д-р юрид. наук, доцент
Филиппов П.М., д-р юрид. наук, профессор
Харитонов А.Н., д-р юрид. наук, профессор
Чечетин А.Е., д-р юрид. наук, профессор
Шарапов Р.Д., д-р юрид. наук, профессор
Шепель Т.В., д-р юрид. наук, профессор

Состав редакционной коллегии:
Арсенова Н.В., канд. юрид. наук
Бачурин А.Г., канд. юрид. наук
Белицкий В.Ю., канд. юрид. наук, доцент
Ботвин И.В., канд. юрид. наук, доцент
Давыдов С.И., д-р юрид. наук, доцент
Кабанова Ю.С., канд. юрид. наук
Овчинникова О.Д., канд. юрид. наук, доцент
Семенюк Р.А., канд. юрид. наук, доцент
Тырышкин В.В., канд. юрид. наук, доцент
Черепанова О.С., канд. юрид. наук, доцент
Шаганова О.М., канд. юрид. наук
Шапорев Д.А., канд. ист. наук, доцент
Шебалин А.В., канд. юрид. наук, доцент
Шмидт А.А., канд. юрид. наук, доцент

Ответственный секретарь:
Жолобова Ю.С.

Редактура: О.Н. Татарниковой, Ю.С. Жолобовой
Компьютерная верстка: О.Н. Татарниковой

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Свидетельство
о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-57487
от 27.03.2014

Журнал включен в Перечень
рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть
опубликованы основные научные
результаты диссертаций
на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой
степени доктора наук

Включен в систему РИНЦ 23.04.2013
(договор № 245-04/2013)

Подписной индекс
распространителя
по договору подписки
с АО «АРЗИ» Э70801

Учредитель: Барнаульский
юридический институт МВД России.
Свободная цена.

Адрес и телефоны редакции, издателя,
типографии: 656038, Алтайский край, г. Барнаул,
Барнаульский юридический институт
МВД России,
ул. Чкалова, 49, (3852) 37-92-70, 37-91-49.
www.http://vestnik.buimvd.ru.
E-mail: altvest@buimvd.ru

Научно-исследовательский
и редакционно-издательский отдел.

Подписано в печать 21.05.2021.
Выход в свет 25.05.2021.
Заказ № 243. Формат 60x84/8.
Ризографирование.
Усл. п.л. 20,0. Тираж 77 экз.

© Барнаульский юридический
институт МВД России, 2021

Altai Law Journal

Science Journal of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

№ 2 (34) 2021

Editor-in-Chief:
Anokhin Yu.V., Doctor of Juridical Sciences, professor

Deputy Editor-in-Chief:
Plaksina T.A., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor

Responsible for Issue:
Avdyushkin Ye.G.

Editorial Advisory Board:
Abyzov R.M., Doctor of Juridical Sciences, professor, Honored lawyer of Russia
Anichkin E.S., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor
Anisimov P.V., Doctor of Juridical Sciences, professor, Honored lawyer of Russia
Afanasiev V.S., Doctor of Juridical Sciences, professor, Honored lawyer of Russia
Arystanbekov M.A., Doctor of Juridical Sciences, professor
Baranov A.M., Doctor of Juridical Sciences, professor
Beketov O.I., Doctor of Juridical Sciences, professor
Buchakova M.A., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor
Chechetin A.E., Doctor of Juridical Sciences, professor
Filippov P.M., Doctor of Juridical Sciences, professor
Gerasimenko Yu.V., Doctor of Juridical Sciences, professor, Honored lawyer of Russia
Goncharov I.V., Doctor of Juridical Sciences, professor
Derishev Yu.V., Doctor of Juridical Sciences, professor
Kim D.V., Doctor of Juridical Sciences, professor
Kharitonov A.N., Doctor of Juridical Sciences, professor
Knjazkov A.S., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor
Kodan S.V., Doctor of Juridical Sciences, professor
Koryakin I.P., Doctor of Juridical Sciences
Kuzmina I.D., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor
Maile A.D., Candidate of Juridical Sciences, Doctor of Juridical Sciences, Master of Administrative Sciences
Mazunin Ya.M., Doctor of Juridical Sciences, professor
Sizemova O.B., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor
Sumachev A.V., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor
Sharapov R.D., Doctor of Juridical Sciences, professor
Shepel T.V., Doctor of Juridical Sciences, professor
Vasiliev A.A., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor

Editorial Review Board:
Arsenova N.V., Candidate of Juridical Sciences
Bachurin A.G., Candidate of Juridical Sciences
Belitskij V.Yu., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Botvin I.V., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Cherepanova O.S., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Davidov S.I., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor
Kabanova Ju.S., Candidate of Juridical Sciences
Ovchinnikova O.D., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Semenyuk R.A., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Tirishkin V.V., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Shaganova O.M., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Shaporev D.A., Candidate of Historical Sciences, assistant-professor
Shebalin A.V., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Shmidt A.A., Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor

Executive Secretary:
Zholobova Yu.S.

Proofreading: O.N. Tatarnikova, Yu.S. Zholobova
Desktop publishing: O.N. Tatarnikova

The journal is registered in Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications. Registration certificate PI No. FS77-57487 dated 27.03.2014.

The journal is included into the List of peer-reviewed scientific journals recommended by Higher Attestation Commission for publishing of major results of dissertations for the degree of Doctor and Candidate of sciences

Journal indexing:
RINTS contract
No. 245-04/2013 (23.04.2013)

Subscription index in the catalog of «ARZI» Agency Ltd is Э70801

Founder: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
Uncontrolled price.

Adress of editor, editor's and printing office: 656038, Altai territory, Barnaul, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Chkalovastr., 49, (3852) 37-92-70, 37-91-49.
www. http://vestnik.buimvd.ru.
E-mail: altvest@buimvd.ru

Research-evaluation and publishing department.

Passed for printing 21.05.2021.
Issue date 25.05.2021.
Order 243. Format 60x84/8.
Conventional printed sheets 20,0.
Issue 77 copies.

© Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021

Содержание

Государственно-правовое регулирование общественных отношений

Анохин Ю.В., Баньковский А.Е. Государственный Совет Российской Федерации и его место в системе органов публичной власти сквозь призму конституционных поправок 7
Баталов Д.Е. Национальная безопасность как объект конституционно-правового регулирования.....11
Беденков В.В. Особенности формирования правовой культуры в России 17
Коновалова Л.Г. Парламентаризм как способ обеспечения оптимального соотношения воли большинства и меньшинства в условиях демократического правления 21
Филимонов А.Г. Природа русского государства и особенности его реформирования 27

Административное право и административный процесс

Антонов Я.А. Особенности деятельности государственных органов и актуальные проблемы правоприменения в сфере противодействия терроризму 34
Бачурин А.Г., Петухов И.П. Отдельные вопросы применения законодательства об административных правонарушениях по ч. 2 ст. 12.27 КоАП РФ 39
Бучакова М.А. Персональные данные и их защита в условиях цифровизации общества.....44
Гришаков А.Г. Профилактический обход административного участка, осуществляемый участковым уполномоченным полиции в жилом секторе: особенности работы с полученной информацией 49
Карнаухов О.П. Отдельные вопросы и перспективы совершенствования правовой защищенности сотрудников полиции при применении огнестрельного оружия 55
Тырышкин В.В., Гумаров И.А., Андреев Д.В. Проблемные вопросы разрешения заявлений и сообщений об административных правонарушениях сотрудниками полиции.....60

Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право

Девятов С.Н. К вопросу о некоторых мерах противодействия незаконному обороту древесины.....65
Ермакова О.В. Общественная опасность преступления и механизма его осуществления как основание выбора модели состава преступления 69
Жукова С.С. Вопросы юридической оценки деяний, совершенных преступным сообществом (преступной организацией).....73
Заварыкин И.Н. Виктимологические аспекты профилактики хищений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий 78
Кобец П.Н. Особенности японской уголовной политики в условиях начала третьего тысячелетия 82
Литовченко В.В. Сравнительный анализ составов преступлений, предусматривающих уголовную ответственность за применение (употребление) в спорте препаратов 87
Мальченкова В.В., Мальченков Е.В., Сологубов А.Ю. Дистанционное мошенничество как новая угроза современному обществу.....92
Набиуллина В.Р. Уголовная ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации (ст. 207.1 и 207.2 УК РФ) 96

Уголовный процесс, криминалистика, судебная экспертиза, оперативно-разыскная деятельность

Белицкий В.Ю. Деятельность следователя (дознавателя) по розыску подозреваемого (обвиняемого) на стадии предварительного расследования 101
Гаас Н.Н. Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон в стадии предварительного расследования: эффективность дискреционного подхода 107
Новичихин П.Г., Корнаухова Н.Г. Особенности применения мер дисциплинарного предупреждения как разновидности ведомственного контроля за оперативно-разыскной деятельностью в органах внутренних дел Российской Федерации 113

Смагоринский Б.П., Батыщева Е.В. Современное состояние оперативно-разыскной деятельности уголовного розыска по противодействию преступности среди несовершеннолетних 118
Сороколетова Н.Э. О понятии оперативно-разыскного мероприятия «исследование предметов и документов» 123
Третьякова Е.И., Крапивин В.С. Следственный осмотр транспортного средства как объекта пожара...127
Удовиченко В.С., Сорокина С.А. Особенности изъятия информации с электронных носителей в досудебном производстве 133

Гражданско-правовые отношения

Алгазин И.И., Лавров Ю.Б. Основания освобождения от ответственности владельца источника повышенной опасности 139
Гаврилов В.Н., Баженова М.Д., Селютина А.И. Сравнительный анализ договора лизинга в России и зарубежных странах.....146
Глебова Е.П. Надлежащий способ защиты имущественных прав потерпевших в результате мошеннических действий, совершенных путем заключения кредитных договоров от их имени.....151
Филиппов П.М., Садков А.Н., Котельников Н.В. Кадастровая деятельность и необходимость совершенствования ее правового регулирования в условиях цифровизации учетов объектов недвижимости...155

CONTENTS

STATE AND LEGAL REGULATION OF PUBLIC RELATIONS

Anokhin Yu.V., Bankovsky A.E. The State Council of the Russian Federation in the System of Public Authorities as a Reflection of Constitutional Amendments 7

Batalov D.E. National Security as an Object of Constitutional and Legal Regulation 11

Bedenkov V.V. Features of the Formation of Legal Culture in Russia 17

Konovalova L.G. Parliamentarism as a Way to Ensure the Optimal Ratio of Wills of Majority and Minority in the Conditions of Democratic Government 21

Filimonov A.G. The Nature of the Russian State and the Peculiarities of its Political Reform 27

ADMINISTRATIVE LAW AND ADMINISTRATIVE PROCESS

Antonov Ya.A. Features of the Activities of State Bodies and Current Problems of Law Enforcement in the Countering Terrorism 34

Bachurin A.G., Petykchov I.P. Separate Issues of Application of the Legislation on Administrative Offenses under Part 2 of Art. 12.27 Administrative Code of the Russian Federation 39

Buchakova M.A. Personal Data and its Protection in the Context of Digitalization of Society 44

Grishakov A.G. Preventive Inspection of the Administrative Area Carried out by the District Police Officer in the Residential Sector: Features of the Work with the Information Received 49

Karnaukhov O.P. Separate Issues and Prospects for Improving the Legal Protection of Police Employees when Using a Fireware 55

Tyryshkin V.V., Gumarov I.A., Andreev D.V. Problematic Issues of Resolution of Applications and Reports on Administrative Violations by the Internal Affairs Bodies 60

CRIMINAL LAW, CRIMINOLOGY, PENAL LAW

Devyatov S.N. Revisiting some Measures of Countering the Illegal Traffic of Wood 65

Ermakova O.V. Public Danger of Crime and Mechanism of its Implementation as the Basis for Choosing the Model of the Corpus Delicti 69

Zhukova S.S. Issues Related to Legal Assessment of Criminal Acts Committed by the Criminal Community (Criminal Organization) 73

Zavarykin I.N. Victimological Aspects of Preventive Measures of Thefts Committed by Means of Information and Telecommunication Technologies Application 78

Kobets P.N. Features of Japanese Criminal Policy in the Conditions of the Beginning of the Third Millennium 82

Litovchenko V.V. Comparative Analysis of the Elements of Crimes that Provide for Criminal Liability for the Use Prohibited Drugs in Sports 87

Malchenkova V.V., Malchenkov E.V., Sologubov A.Yu. Remote Fraud as a New Threat to a Modern Society ..92

Nabiullina V.R. Criminal Liability for Public Dissemination of Deliberately False Information (Art. 207.1 and 207.2 of the Criminal Code of the Russian Federation) 96

CRIMINAL PROCEDURE, CRIMINALISTICS, FORENSICS ENQUIRY, INVESTIGATIVE ACTIVITY

Belitsky V.Yu. Activities of the Investigator (Inquirer) on the Search Suspect (Accused) at the Stage of Preliminary Investigation 101

Gaas N.N. Termination of a Criminal Case in Connection with the Parties' Reconciliation at the Stage of the Preliminary Investigation: the Effectiveness of a Discretional Approach 107

Novichikhin P.G., Kornaukhova N.G. Features of the Application of Disciplinary Warning Measures as a Type of Departmental Control over Operational and Investigative Activities in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation 113

Smagorinsky B.P., Batyshcheva Ye.V. The Current State of the Operational Inspection Activities of the Criminal Inquiry for Countering to Crime among Minors 118

Sorokoletova N.E. On the Concept of Operational-Search Measures «Research of Objects and Documents»....123
Tretyakova E.I., Krapivin V.S. Investigative Inspection of the Vehicle as a Fire Object....127
Udovichenko V.S., Sorokina S.A. Peculiarities of Withdrawal of Information from Electronic Media in Pre-Trial Proceedings....133

CIVIL LEGAL RELATIONS

Algazin I.I., Lavrov Yu.B. Conditions of Release from Liability of the Owner Source of Increased Danger ...139
Gavrilov V.N., Bazhenova M.D., Selyutina A.I. Comparative Analysis of the Lease Agreement in Russia and Foreign Countries....146
Glebova E.P. Proper Way to Protect the Property Rights of Victims as a Result of Fraudulent Actions Committed by Concluding Loan Agreements on their Behalf....151
Filippov P.M., Sadkov A.N., Kotelnikov N.V. Cadastral Activity and the Need to Improve its Legal Regulation in the Context of Digitalization Accounting of Real Estate Objects....155

Государственно-правовое регулирование общественных отношений

УДК 342
Ю.В. Анохин, *доктор юрид. наук, профессор*
Барнаульский юридический институт МВД России
E-mail: anohinuv@buimvd.ru;
А.Е. Баньковский, *канд. юрид. наук*
Барнаульский юридический институт МВД России
E-mail: arturbank@mail.ru

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЕГО МЕСТО В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПОПРАВОК

В представленной статье рассматривается история возникновения, развития и становления Государственного Совета Российской Федерации как координационного органа государственной власти. С использованием методов исторического анализа и сравнения в работе отражена эволюция правового статуса Государственного Совета Российской Федерации от органа, носящего совещательный характер, до органа, имеющего непосредственное конституционное закрепление, деятельность которого направлена на выполнение стратегических задач, и интегрирующего в себе все уровни публичной власти, посредством изменения подхода к его составу и порядку формирования. Отдельно в статье рассмотрены новые полномочия Государственного Совета Российской Федерации после принятия поправок к Конституции России в 2020 г.

Ключевые слова: конституционная реформа, модернизация, федерализм, система органов публичной власти, координация деятельности органов государственной власти, Государственный Совет России.

Yu.V. Anokhin, *Doctor of Juridical Sciences, professor*
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: anohinuv@buimvd.ru;
A.E. Bankovsky, *Candidate of Juridical Sciences*
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: arturbank@mail.ru

THE STATE COUNCIL OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE SYSTEM OF PUBLIC AUTHORITIES AS A REFLECTION OF CONSTITUTIONAL AMENDMENTS

The article deals with the history of the emergence, development and formation of the State Council of the Russian Federation as a coordinating body of state power. Using the methods of historical analysis and comparison, the article reflects the evolution of the legal status of the State Council of the Russian Federation from an advisory body to a body with direct constitutional consolidation. The authors stress that its activities are aimed at fulfilling strategic tasks and integrating all levels of public power by changing the approach to its composition and the order of formation. Additionally, the article studies the new powers of the State Council of the Russian Federation after the adoption of amendments to the Constitution of Russia in 2020.

Key words: constitutional reform, modernization, federalism, the system of public authorities, coordination of the activities of state authorities, the State Council of Russia.

Обновление конституционных основ в деятельности органов государственной власти Российской Федерации в результате внесения поправок в Конституцию России в июле 2020 г. с новой силой оживило дискуссию о роли и месте Государственного Совета Российской Федерации в системе органов публичной власти. В частности, после внесенных в Конституцию России поправок Государственный Совет Российской Федерации приобрел конституционный статус, т.к. получил закрепление непосредственно в ст. 83 Конституции России, а именно в главе 4, посвященной статусу Президента России. В пункте е. 5 ст. 83 указывается, что Президент России формирует Государственный Совет Российской Федерации в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти, определения основных направлений внутренней и внешней политики Российской Федерации и приоритетных направлений социально-экономического развития государства. Согласно данной норме Конституции детальная регламентация конституционно-правового статуса Государственного Совета Российской Федерации осуществляется в специальном федеральном законе. Именно такой закон и был принят 8 декабря 2020 г. [5].

Однако Государственный Совет России как один из высших органов государственной власти не представляет собой совершенно нового государственно-правового явления, а имеет определенную историю развития. Прежде всего необходимо отметить, что ещё в начале XX в., а именно 23 апреля 1906 г., в соответствии с принятыми нормативными актами законодательная власть делилась между императором и двумя палатами – Государственным советом и Государственной думой. Они формально пользовались равными правами. При определении ключевых положений реформы Государственного совета ряд царских министров высказывались о необходимости предоставить ему отлагательное вето как особое полномочие. Однако большая часть высших должностных лиц отождествляли такой порядок с однопалатной системой, а также указывали, что с ограниченными правами Совет не сможет выполнить свою основную задачу – предотвращать прямые столкновения Думы и императора [4, с. 12]. Именно здесь впервые мы встречаем подход к Государственному Совету России как к органу, одной из задач которого является координация и согласование. При этом данная задача была первостепенной в начале XX в., особенно в 1906 г., после того как Россия пережила первую русскую революцию 1905 г. Обществу и государству требовался орган, который мог бы выступать в качестве балансира для системы органов государственной власти Российской империи.

Именно поэтому структура Государственного совета после 1906 г. была существенно скорректирована. В нем, помимо Общего собрания и Государственной канцелярии, было два департамента, а также увеличилось число постоянно действующих комиссий. Заседания Общего собрания Госсовета теперь стали публичными, на них могли присутствовать представители широкой общественности и средств массовой информации. Председатели и члены департаментов назначались императором на 1 год (с 1 января каждого года) из числа членов Государственного совета по назначению (на практике – из числа присутствующих членов Государственного совета, до 13 человек в каждом департаменте). Проекты соответствующих указов представлял Государственный совет. В их составлении могли участвовать и отдельные министры, что придавало большую значимость и обеспечивало широкое представительство в Государственном совете [1, с. 36-37].

В период существования советской власти Государственный Совет как один из высших органов власти отсутствовал, что было обусловлено сращиванием партийного и государственного аппарата. Собственно и в изначальной версии Конституции России 1993 г. данный орган в системе власти не был предусмотрен. Однако центробежные процессы 90-х годов XX в. в России требовали от власти создания органа, способного координировать действия глав субъектов Российской Федерации и вырабатывать единые позиции, согласованные с центром. Более того, требовался орган, способный обеспечить воплощение в жизнь принципа единства государственной власти, ибо в 90-е годы XX в. она не была таковой.

В.Г. Анненкова подчеркивает, что, рассматривая российскую действительность, вполне уместно говорить о реализации принципа единства государственной власти как по вертикали, так и по горизонтали. Причем в первом случае реализация принципа единства системы государственной власти выражается в том, что федеральные органы государственной власти и органы государственной власти субъектов Федерации, действуя в духе разделения властей как самостоятельные органы, одновременно выступают в качестве единой государственной власти [2, с. 5]. Это достигается единством ключевых принципов функционирования, производностью полномочий, наличием совокупности организационно-правовых сдержек и противовесов, при которых все органы каждого уровня публичной власти сообразно своим функциям в различных формах участвуют в выработке государственной политики, принятии законов и их осуществлении, а также наличием органа власти, который в ходе своей деятельности мог бы всё это координировать.

Собственно, по мнению большинства известных ученых и политологов, появление Указа Президента от 1 сентября 2000 г. № 1602 «О Государственном совете Российской Федерации» стало следствием компромисса, которым закончилось противостояние главы государства и губернаторов в вопросе укрепления государственной власти, удовлетворившим обе стороны; данный государственный институт стал эффективным инструментом реализации президентской политики [3, с. 23-24]. Государственный Совет России, действовавший до 2020 г. на основании вышеназванного Указа Президента, состоял из представителей Федерального Собрания Российской Федерации, высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации, а также лиц, ранее замещавших должности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и имеющих большой опыт публичной (государственной и общественной) деятельности. Таким образом, в первую очередь Государственный Совет России оказывал содействие в реализации полномочий главы государства при использовании им согласительных процедур для разрешения разногласий между федеральными органами власти и органами государственной власти субъекта Российской Федерации.

Не менее значимым аспектом деятельности Государственного Совета России стали вопросы кадровой политики Российской Федерации, а также ключевые проекты федеральных законов и указов Президента России, которые имеют общегосударственное значение и предполагают значительную роль субъектов Российской Федерации в их участии. Вместе с тем полномочия Государственного Совета ограничивались тем, что он был лишь небольшим совещательным органом, который мог инициировать предложение отдельных решений Президенту Российской Федерации, а в случае его согласия оказывать содействие в процессе воплощения их в правовую действительность. Очевидная неполнота функций, выражавшаяся в наделении исключительно совещательными функциями, снижала положительный эффект его деятельности, а также не позволяла проводить широкомасштабные мероприятия по приведению нормативных и исполнительно-распорядительных актов региональных властей в строгое соответствие с федеральными требованиями, препятствовала полноценному участию в федеральной общественно-политической жизни. Более того, со временем стало очевидно, что, исходя из распределения полномочий в системе публичной власти, значительный пласт компетенции оказался в руках местного самоуправления, а его представители в деятельности Государственного Совета России участия не принимали. Именно по этой причине в научной литературе ещё в 2008-2010 гг. стали звучать призывы о наделении Государственного Совета России конституционным статусом с одновременным расширением полномочий и представительства [3, с. 23-24].

В результате произошедших изменений в правовом статусе Государственного Совета России, обусловленных поправками к Конституции и принятием соответствующего специального федерального закона, его функции были расширены, а состав изменен исходя из существенного обновления понимания места данного органа в системе публичной власти. В настоящее время Государственный Совет является конституционным государственным органом, формируемым Президентом Российской Федерации в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной власти, определения основных направлений внутренней и внешней политики Российской Федерации и приоритетных направлений социально-экономического развития государства. Государственный Совет в пределах своей компетенции участвует в разработке стратегических задач и целей внутренней и внешней политики Российской Федерации, в формировании государственной политики в области социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, способствует согласованному функционированию и взаимодействию органов, входящих в единую систему публичной власти, в целях соблюдения и защиты прав и свобод граждан Российской Федерации. Подобное определение Государственного Совета России и его места в системе публичной власти положительным образом сказалось и на изменении порядка его формирования.

Теперь в соответствии с федеральным законом членами Государственного Совета являются по должности Председатель Правительства Российской Федерации, Председатель Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Председатель Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, Руководитель Администрации Президента Российской Федерации, высшие должностные лица субъектов Российской Федерации (руководители высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации). Вместе с тем по решению Президента Российской Федерации в состав Государственного Совета могут быть включены представители политических партий, имеющих фракции в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации, *представители местного самоуправления*. По решению Президента Российской Федерации в состав Государственного Совета также могут быть включены

иные лица. Подобная норма позволяет утверждать, что в нынешнем виде Государственный Совет получил поистине широкое представительство и по праву включил в свою работу представителей местного самоуправления, являющихся низовым (но вместе с тем крайне важным) звеном в процессе осуществления публичной власти в России.

Что же касается полномочий Государственного Совета в их новой интерпретации, то они в значительной мере были расширены и дополнены такими положениями, как:

- определение социально-экономического развития государства, в т.ч. основных направлений регионального и муниципального развития;
- взаимодействие государственных органов с органами местного самоуправления и определение возможной передачи полномочий между ними;
- анализ практики государственного и муниципального управления, разработка предложения по их совершенствованию;
- определение, согласование и утверждение критериев и показателей эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления;
- разработка и определение мер поощрения субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в целях содействия достижению ими наилучших значений (уровней) показателей деятельности.

Соответственно, на основании вышеизложенного представляется логичным сделать следующий вывод. В результате проведенной реформы Государственный Совет России приобрел статус самостоятельного конституционного органа, реализующего свои собственные специфические функции и задачи, отличающиеся от любого другого органа. Деятельность Государственного Совета направлена на выполнение стратегических задач, решение которых относится в основном к функциям высших органов власти. Данный вывод также подтверждается правовой позицией Конституционного Суда РФ, который в Заключении от 16 марта 2020 г. № 1-З обосновал, что закрепление полномочия Президента РФ по формированию Государственного Совета направлено на обеспечение взаимодействия и согласованного функционирования всех ветвей власти. Кроме того, целью деятельности Государственного Совета является работа по подготовке определения приоритетных направлений экономического развития страны и основных направлений внешней и внутренней политики. Как заключил орган конституционного контроля, становление полномочий и основных функций Администрации Президента РФ, Совета Безопасности и Государственного Совета не ведет к пересечению сферы ответственности этих институтов в соответствии с компетенцией органов государственной власти, определенной в ч. 1 ст. 11 Конституции РФ. Они корреспондируют обязанности обеспечивать согласованные действия органов публичной власти Президента РФ. В связи с этим Государственный Совет становится оптимальным балансиром в действующей системе публичной власти России.

Литература

1. Алиева З.И. Второй департамент – административный орган Государственного совета Российской империи 1906-1917 гг. // История государства и права. 2015. № 8. С. 36-37.

2. Анненкова В.Г. Проблемы обеспечения конституционного единства системы органов государственной власти в Российском государстве // История государства и права. 2005. № 1. С. 5-6.

3. Гончаров В.В. Роль и место Государственного совета Российской Федерации и полномочных представителей Президента России в федеральных округах в координации системы исполнительной власти в стране и преодолении центробежных политических тенденций // Юридический мир. 2008. № 3. С. 23-24.

4. Демин В.А. Соотношение Государственного Совета и Государственной Думы в законодательном процессе начала XX века // История государства и права. 2007. № 3. С. 22-24.

5. О Государственном Совете Российской Федерации: федеральный закон от 08.12.2020 № 394-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 50 (часть III). Ст. 8039.

УДК 342

Д.Е. Баталов
адъюнкт Омской академии МВД России
E-mail: BaDa4815@yandex.ru

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье исследуется национальная безопасность как необходимый элемент укрепления российской государственности. Автор обосновывает необходимость включения данного феномена в систему объектов конституционно-правового регулирования. На основе анализа доктринальных подходов, а также положений отечественного и зарубежного законодательства подчеркивается конституционная природа данного правового явления. Отмечается, что национальная безопасность как объект конституционного права имеет сложноорганизованную структуру, элементы которой представляют собой относительно обособленные группы общественных отношений, выражающиеся в ее отдельных видах и требующие дополнительного научного изучения.

Ключевые слова: безопасность, национальная безопасность, Конституция Российской Федерации, конституционно-правовые отношения, объекты конституционно-правового регулирования, конституционная природа национальной безопасности, субъекты обеспечения национальной безопасности.

D.E. Batalov
postgraduate student of Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia
E-mail: BaDa4815@yandex.ru

NATIONAL SECURITY AS AN OBJECT OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL REGULATION

The national security as a necessary element of strengthening the Russian statehood is investigating in this article. The author substantiates the necessity of including this phenomenon to the system of objects of constitutional and legal regulation. Based on the analysis of doctrinal approaches, as well as the provisions of domestic and foreign legislation, the constitutional nature of this legal phenomenon is emphasized. The national security as an object of constitutional law has a complex structure, which elements are relatively separate groups of public relations, expressed in its separate types and requiring additional scientific study.

Key words: safety, national security, Constitution of the Russian Federation, constitutional legal relations, the objects of the constitutional legal regulation, the constitutional nature of national security, subjects of ensuring national security.

Национальная безопасность выступает основой стабильного развития государства и общества. Угрозы национальной безопасности имеют не только внутригосударственный, но и международный характер. Национальная безопасность представляет собой «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз» [12], негативное воздействие которых может нанести существенный вред всем перечисленным объектам. Положения Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. [7] декларируют верховенство прав и свобод человека и гражданина в качестве высшей ценности (ст. 2), что позволяет по-иному подойти к существующей триаде отношений личности, общества и государства и в качестве основных объектов выделить интересы личности и общества. Государство же в данной системе отношений в первую очередь выступает «гарантом успешной реализации и охраны прав личности посредством деятельности органов публичной власти» [2, с. 58], обладающих властными полномочиями и необходимыми ресурсами.

Справедливо будет заметить, что национальная безопасность, имеющая социально-политическую природу, не может существовать вне правового поля, т.к. наравне с иными сферами жизни общества и государства регулируется нормами права. В систему источников правового регулирования обеспечения национальной безопасности входит обширный массив правовых актов, главным из которых выступает Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» [10], условия и порядок реализации норм которого раскрываются в иных подзаконных актах. Однако краеугольным камнем данной системы является Конституция Российской Федерации. Основной Закон содержит в себе нормы, которые направлены на урегулирование наиболее значимых правоотношений в сфере безопасности. Сложность в исследовании национальной безопасности как объекта конституционно-правового регулирования обусловлена тем, что на доктринальном уровне до настоящего времени отсутствует единое понимание системы объектов конституционных правоотношений.

Первостепенной задачей видится необходимость в определении того, что понимается под объектом правового регулирования в целом, без преломления данного вопроса на конституционно-правовую почву. Н.И. Матузов, рассуждая над данной проблемой, в качестве объектов выделяет «материальные блага, нематериальные личные блага, поведение, действия субъектов, разного рода услуги и их результаты, продукты духовного творчества, а также ценные бумаги и официальные документы» [14, с. 530].

Стоит констатировать, что каждой отрасли права присуще свое многообразие объектов правового регулирования. Так, О.Е. Кутафин выделяет следующий объем объектов конституционно-правового регулирования: «предметы или явления, с которыми нормы конституционного права связывают поведение участников правоотношений: государственную территорию; государственную власть; местное самоуправление; имущественные блага; поведение людей; действия органов государства, органов местного самоуправления и общественных объединений» [3, с. 369]. Данный подход характеризуется отнесением к сфере конституционно-правового регулирования отношений, которые складываются по вопросам организации основ конституционного строя государства, а также формирования органов государственной власти. В связи с вышеупомянутым считаем целесообразным обратиться к мнению ученых, которые более гибко подходят к кругу объектов конституционно-правового регулирования. В частности, А.И. Казанник относит к объектам конституционно-правового регулирования «публичную власть, государственную территорию, материальные блага, личные неимущественные права, поведение субъектов конституционно-правовых отношений, результаты поведения субъектов конституционно-правовых отношений» [6, с. 89]. В.Н. Карташов в систему объектов конституционно-правовых отношений включает «не только политические, но и экономические, социальные, духовно-культурные и иные отношения, а также личные, экономические, социальные и культурные права, свободы и обязанности людей» [4, с. 13]. Таким образом, подход, в котором объект трактуется достаточно широко, на наш взгляд, характерен для конституционных правоотношений, которые складываются сегодня в так называемых конституциях современного поколения. И.А. Конюхова, рассуждая о проблеме расширения объекта конституционно-правовых отношений, констатирует, что это «обусловлено общими тенденциями возрастания роли государства в экономике, политике и социальной сфере, международными договоренностями о правах и свободах человека и гражданина (в частности, принятие ООН Всеобщей декларации прав человека 10 декабря 1948 г.)» [8, с. 31].

В контексте рассматриваемого вопроса о расширении пределов конституционного регулирования интерес представляет опыт иностранных государств, т.к. в ряде конституций выделены отдельные главы, посвященные вопросам безопасности. В Конституцию Финляндии от 11 июля 1999 г. включены главы о государственных финансах, обороне, международных отношениях, соблюдении законности, а в Конституции Швейцарии от 18 апреля 1999 г. отражена глава о «Социальных целях», разделы «Безопасность, национальная оборона, гражданская оборона», «Окружающая среда», «Экономика», «Энергия

и транспорт» [5, с. 9]. Это связано с тем, что нормы современных конституций наравне с основами организации государства регулируют и те отношения, которые складываются по вопросам, имеющим для человека и общества немаловажное значение. К таковым, на наш взгляд, можно отнести общественные отношения, складывающиеся в процессе обеспечения национальной безопасности с целью формирования механизма противодействия новым вызовам и угрозам. Н.С. Бондарь, рассуждая над конституционной природой национальной безопасности, утверждает, что «безопасность – категория конституционная, нормативно-правовое содержание которой пока не получило должного научного обоснования» [1, с. 9].

Соглашаясь с данной точкой зрения, стоит отметить, что слово «безопасность» в положениях Основного Закона встречается более 20 раз, что подчеркивает значимость данного явления. Необходим комплексный анализ положений данного нормативного правового акта, и начать следует с преамбулы. Конституционное положение о том, что «многонациональный народ Российской Федерации, соединенный общей судьбой на своей земле… принимает Конституцию Российской Федерации», свидетельствует о том, что существует связь между народом и территорией, на которой он проживает, это выступает одной из основ национальной безопасности, т.к. люди, учреждая государство, осознают себя нацией. Положения о «возрождении суверенной государственности России» и о «стремлении обеспечить благополучие и процветание России» выступают одной из основополагающих задач обеспечения национальной безопасности как конституционной ценности. Идея о том, что народ России «осознает себя частью мирового сообщества», подтверждает, что сегодня безопасность Российской Федерации должна обеспечиваться не за счет и не в ущерб иным нациям и народностям, а также что национальная безопасность является частью всеобщей безопасности.

Признание прав и свобод человека в ст. 2 Конституции Российской Федерации высшей ценностью, а также то, что государство берет на себя обязанность признавать, соблюдать и защищать данные права и свободы, свидетельствуют о том, что первоочередным объектом обеспечения национальной безопасности является человек, т.е. каждый, кто находится на территории Российской Федерации. Интересы человека превалируют над интересами государства. Однако из положений ст. 17 Основного Закона, где зафиксировано, что «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц», следует, что безопасность одного человека не должна обеспечиваться за счет интересов другого человека, а данные объекты равны между собой.

Тем не менее не исключены случаи, когда под предлогом обеспечения безопасности могут ограничиваться права и свободы. Чтобы не допустить этого, в Конституции предусмотрена норма, закрепившая в ч. 3 ст. 55 следующее: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». Следовательно, для такого рода ограничений необходима ситуация, имеющая чрезвычайный характер, перечень которых является исчерпывающим. Необходимость принятия отдельного федерального закона выступает своего рода гарантией от произвола со стороны органов власти. Условия чрезвычайного положения могут выступать примером той ситуации, когда государство способно ограничить права и свободы граждан «для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя в соответствии с федеральным конституционным законом». Таким образом, охрана и реализация прав и свобод человека со стороны государства выступают не только конституционно-правовой ценностью, но и своего рода лакмусовой бумажкой уровня национальной безопасности. Нарушение норм Конституции Российской Федерации в данной области общественных отношений влечет угрозу утраты безопасности государства.

Охрана целостности территории Российской Федерации также выступает объектом конституционно-правового регулирования, что входит в систему национальной безопасности в качестве ее составной части. Так, согласно п. 3 ст. 4 Основного Закона «Российская Федерация обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории». Следовательно, любые попытки, носящие деструктивный характер, нарушить территориальную целостность государства являются проявлением угроз национальной безопасности.

Выделяемая в теории национальной безопасности триада «человек-общество-государство» в качестве основного объекта обеспечения безопасности нашла свое закрепление в тексте Конституции РФ. Положение ч. 5 ст. 13 устанавливает запрет на создание общественных объединений, чья деятельность способна отрицательно повлиять на основы безопасности государства. Исключительная значимость данного объекта подкрепляется положениями ч. 3 ст. 55, которые были раскрыты нами ранее. Здесь подчеркивается приоритет государственной безопасности в тех ситуациях, когда отдельные деструктивные силы, которые выражают интересы малочисленной группы граждан, пытаются дестабилизировать обстановку внутри государства. Безопасность лично-

сти гарантируется ч. 1 ст. 56, которая реализуется в условиях возникновения чрезвычайного положения, обстоятельства и порядок введения которого раскрываются в отдельном федеральном конституционном законе [13] путем ограничения отдельных прав и свобод с целью скорейшей ликвидации причин и условий возникновения такой ситуации. Вводимые ограничения не имеют абсолютного характера и, как следует из положения обозначенной нами ранее статьи, могут устанавливаться «с указанием пределов и срока их действия».

Важное значение безопасности личности подчеркивает Н.С. Бондарь, отмечая что «широкая, в данном случае интегральная, основа юридической и, соответственно, конституционной безопасности личности воплощается в категории национальной безопасности» [1, с. 9]. Общественная безопасность как вид национальной безопасности также входит в пределы конституционно-правового реагирования. Данный тезис находит свое отражение в ч. 1 ст. 72 Основного Закона. Обеспечение безопасности данного объекта находится в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов. Это, на наш взгляд, является рациональным подходом, т.к. в систему субъектов обеспечения данного вида безопасности с учетом государственно-территориального устройства Российской Федерации вовлечены не только федеральные органы государственной власти, но и органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, а также общественные объединения. Подводя промежуточный итог, следует констатировать, что правовой основой обеспечения трех основных объектов безопасности (человек-общество-государство) выступает Конституция Российской Федерации, условия и порядок реализации норм которой раскрываются в иных федеральных законах.

Принимая во внимание вышеизложенное, необходимо отметить, что нормы Конституции РФ, помимо трех основных объектов, регулируют обеспечение отдельных видов безопасности. К таковым можно отнести информационную безопасность, что подтверждается ст. 24, а также ч. 4 и 5 ст. 29 Конституции РФ. Экономическая безопасность выступает конституционной ценностью и одновременно объектом, что нашло закрепление в ст. 34 и 35, которые гарантируют право на свободное использование своих способностей и имущества для осуществления правомерной предпринимательской деятельности, а также охрану частной собственности как основы экономического развития. Неотделимым от экономической безопасности является право на безопасность труда, что закреплено в ч. 3 ст. 37 Конституции. Данный вид безопасности стал объектом правового регулирования в связи с активным развитием капиталистических отношений, где главной целью выступало получение прибыли любой ценой, не считаясь с интересами работника. Однако в связи с усложнением процесса производства и возросшим недовольством представителей рабочего класса встал вопрос о необходимости закрепления гарантии на безопасный труд. Стоит отметить, что в систему национальной безопасности входит достаточно большое количество объектов, помимо тех, которые нашли закрепление в Основном Законе, что связано с высокой значимостью данного явления для жизни общества. То, что ряд объектов был урегулирован нормами Конституции РФ, говорит только о их высокой ценности, это не умоляет важности и целесообразности обеспечения иных объектов.

Естественно, сложно представить систему, в которой отсутствовал бы субъект деятельности. В рассматриваемом нами феномене безопасность тех или иных объектов обеспечивает достаточно широкий круг субъектов, которым присущ свой объем полномочий и ресурсов. Следовательно, для того чтобы подтвердить тезис о том, что национальная безопасность является объектом конституционно-правового регулирования, необходимо вычленить те нормы Конституции РФ, которые регулируют деятельность тех или иных органов государственной власти в рассматриваемой нами сфере.

Глава 4 Конституции Российской Федерации посвящена конституционно-правовому статусу Президента Российской Федерации. В данной главе в первую очередь интерес представляет статья 80, которая содержит положения о том, что глава государства «является гарантом Конституции Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина. Президент Российской Федерации принимает меры по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, поддерживает гражданский мир и согласие в стране». Следовательно, данное должностное лицо берет на себя ответственность за обеспечение безопасности основ конституционного строя, гарантирует соблюдение прав и свобод, что непосредственно влияет на безопасность человека и гражданина, а также обеспечивает государственную безопасность, это подтверждается содержанием текста присяги Президента Российской Федерации при его вступлении в должность (ч. 1 ст. 82).

Высокая значимость данного субъекта обеспечения национальной безопасности подчеркивается содержанием его полномочий, которые отражены в ст. 83. Здесь особый интерес представляет п. «д.1», который указывает на ряд субъектов обеспечения национальной безопасности, к которым относятся руководители «федеральных органов исполнительной власти (включая федеральных министров), ведаю-

щих вопросами обороны, безопасности государства, внутренних дел, юстиции, иностранных дел, предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий, общественной безопасности», что, в свою очередь, раскрывает систему взаимодействия между Президентом Российской Федерации и теми субъектами, которые призваны обеспечивать национальную безопасность. Стоит отметить, что содержание рассматриваемого нами положения первостепенно посвящено процедуре назначения отдельных министров и руководителей ведомств.

В данной процедуре задействован Совет Федерации, что позволяет нам отнести верхнюю палату Федерального Собрания к субъектам обеспечения национальной безопасности. Высокое значение данного субъекта также подтверждается иными положениями Конституции, а именно ст. 102 и 106. В целом Федеральное Собрание Российской Федерации активно вовлечено в обеспечение национальной безопасности, т.к. путем принятия нормативных правовых актов, а также ратифицируя международные договоры, непосредственно влияет на жизнь отдельного человека, общество и государство.

Правительство Российской Федерации, представляя исполнительную власть и обладая значительными материальными ресурсами, обеспечивает должное функционирование системы обеспечения национальной безопасности. В состав Правительства РФ входят отдельные министерства, чья деятельность всецело направлена на обеспечение безопасности государства, общества и отдельного человека. Круг таких министерств нашел свое закрепление в уже отмеченном нами ранее п. «д.1» ст. 83, а также в п. «к» ст. 102 Конституции Российской Федерации.

Отдельно необходимо обратить внимание на Совет Безопасности Российской Федерации. Данный конституционный орган реализует свою деятельность, как это закреплено в п. «ж» ст. 83, «...в целях содействия главе государства в реализации его полномочий по вопросам обеспечения национальных интересов и безопасности личности, общества и государства, а также поддержания гражданского мира и согласия в стране, охраны суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, предотвращения внутренних и внешних угроз». Деятельность данного органа сложно переоценить. Выступая координирующим звеном в системе обеспечения национальной безопасности, он формирует и реализует государственную политику в данной сфере, проводит анализ и дает оценку деятельности федеральных органов исполнительной власти, а также занимается прогнозированием и выявлением угроз национальной безопасности. Более детально нормы Конституции о деятельности Совета Безопасности Российской Федерации раскрыты в Федеральном законе «О безопасности» [10], а также в Указе Президента Российской Федерации от 7 марта 2020 г. № 175 [11].

Таким образом, анализ положений Конституции Российской Федерации сквозь призму рассматриваемой нами проблемы свидетельствует о том, что вопросы национальной безопасности имеют конституционно-правовую основу. Проведенное исследование позволяет рассматривать национальную безопасность как конституционно-правовую категорию, сущность которой заключается в динамичном развитии общества, при котором создаются условия для защиты государства от внутренних и внешних угроз, обеспечиваются права и свободы личности, а также стабильное состояние институтов гражданского общества и их взаимодействие с органами публичной власти. Основной Закон государства содержит в себе те структурные элементы правоотношений, сложившиеся в сфере обеспечения национальной безопасности, а именно объекты и субъекты, которые в данном случае имеют конституционный характер. Стоит также отметить конституционное закрепление основных видов национальной безопасности, взаимосвязь которых позволяет говорить о национальной безопасности как о сложном социально-правовом институте. Конституция Российской Федерации априори не содержит исчерпывающих положений, которые бы регулировали систему обеспечения национальной безопасности в целом. Однако в силу «верховенства, прямого действия и системообразующего влияния на весь механизм правового регулирования» [9, с. 115] данного нормативного правового акта необходимо признать наличие в нем тех положений, которые выступают фундаментальными началами системы обеспечения национальной безопасности. К тому же сам факт принятия федеральных конституционных законов, федеральных законов и иных подзаконных правовых актов в данной сфере общественных отношений основывается на положениях Конституции Российской Федерации.

Литература

1. Бондарь Н.С. Конституционный Суд – гарант конституционной безопасности личности, общества и государства // Проблемы права. 2004. № 1. С. 9-13.

2. Бучакова М.А., Дизер О.А. Взаимодействие полиции и общества // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2015. № 2. С. 58-63.

3. Государственное право Российской Федерации: курс лекций / под ред. О.Е. Кутафина. М., 1993. Т. 1. 235 с.

4. Карташов В.Н. Инновационные и традиционные подходы к исследованию конституционных правоотношений // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 3. С. 12-16.

5. Конституции зарубежных государств. М., 2003. 592 с.

6. Конституционное право: Университетский курс: учебник: в 2 т. / С.В. Арбузов, Т.В. Бережная, И.А. Володько и др.; под ред. А.И. Казанника, А.Н. Костюкова. М.: Проспект, 2015. Т. 1. 428 с.

7. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Конюхова (Умнова) И.А. Конституции нового поколения: состояние и перспективы развития // Современное конституционное право: сборник научных трудов. Серия: Правоведение / отв. ред. Е.В. Алферова. М., 2010. С. 29-52.

9. Ланцман Е.М. Окружающая природная среда – объект конституционно-правового регулирования // ИзвестияАлтГУ. 2011. № 2. С. 113-115.

10. О безопасности [Электронный ресурс]: федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. О некоторых вопросах Совета Безопасности Российской Федерации» (вместе с «Положением о Совете Безопасности Российской Федерации», «Положением об аппарате Совета Безопасности Российской Федерации») [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 07.03.2020 № 175. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. О чрезвычайном положении [Электронный ресурс]: федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Теория государства и права: курс лекций / под общ. ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 2007. 771 с.

УДК 340.114
В.В. Беденков
Алтайский государственный университет
E-mail: bedenkov-1989@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ

Статья посвящена особенностям формирования правовой культуры российского общества. Анализируется зависимость уровня правовой культуры в России от эффективности осуществления механизма правового регулирования и деятельности государства в целом. Предметом данного исследования являются: основные подходы к пониманию правовой культуры, особенности правовой культуры российского общества, факторы, влияющие на ее состояние, а также меры, способствующие повышению уровня правовой культуры. Делается вывод о том, что только при системном применении указанных мер возможно преодоление правового нигилизма, формирование высокого уровня правосознания общества, а также повышение уровня правовой культуры в России. Результатом работы стал комплекс предложенных общих и специальных мер, которые будут способствовать повышению уровня правовой культуры в России с учетом действующего российского законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: правовая культура, правосознание, государство, общество, правовые ценности, правовые установки, правовое воспитание.

V.V. Bedenkov
Altai State University
E-mail: bedenkov-1989@mail.ru

FEATURES OF THE FORMATION OF LEGAL CULTURE IN RUSSIA

The article is devoted to the peculiarities of the formation of the legal culture of the Russian society. The article analyzes the dependence of the level of legal culture in Russia on the effectiveness of the implementation of the mechanism of legal regulation and the activities of the state as a whole. The subject of this research is: the main approaches to understanding the legal culture, features of the legal culture of Russian society, factors affecting its state, as well as measures to improve the level of legal culture. It is concluded that only with the systematic application of these measures is it possible to overcome legal nihilism, form a high level of legal awareness of society, as well as increase the level of legal culture in Russia. The research result is a set of proposed general and special measures that will contribute to raising the level of legal culture in Russia, taking into account the current Russian legislation and law enforcement practice.

Key words: legal culture, legal consciousness, state, society, legal values, legal principles, legal education.

Правовая культура – это сегмент (разновидность) общей культуры общества. С латинского языка cultura переводится как возделывание, обрабатывание, воспитание. Культура – это совокупность искусственных идеальных и материальных объектов, созданных человечеством в процессе освоения природы. Ряд современных авторов понимают под правовой культурой совокупность обычаев, технологий и разного рода других социальных норм, а также морально-ценностных мировоззренческих установок, определяющих правовое поведение человека, что дает основание выделить перечисленные выше нормативно-ценностные компоненты, входящие в данное понятие.

1. В.П. Сальников под правовой культурой понимает разновидность общественной культуры, отражающей определенный уровень правосознания, законности и юридической практики. В общее понятие культуры также вкладывается важный оценочный аспект, т.е. слово «культура» означает уровень развития, степень совершенства [5, с. 42].

В отличие от правовой системы общества правовая культура – понятие оценочное, оно не просто констатирует наличие законодательства, правовой деятельности, правовых учреждений и правосознания, а характеризует их качественное состояние.

2. Профессор А.П. Семитко, говоря о критериях развития правовой культуры в своей работе «Развитие правовой культуры как правовой прогресс», пишет, что основным критерием оценки уровня развития правовой культуры следует считать степень свободы и автономии отдельной личности [6, с. 7].

Автор провозглашает специфику развития правовой культуры, говоря об особом цивилизационно-историческом типе культуры – о западноевропейском (по терминологии Н.Я. Данилевского – романо-германском культурно-историческом типе).

3. Некоторые современные авторы больший акцент делают на принципе цивилизационного плюрализма. Так, например, французский мыслитель, антрополог Клод Леви-Стросс критикует абстрактный гуманизм и утверждает следующее: «Человек реализует свою сущность не в недрах абстрактного человечества, а в рамках своей национальной культуры» [3, с. 2]. Поэтому реальный гуманизм предполагает признание права каждой культуры и цивилизации на формирование собственной правовой культуры.

В современной российской юридической науке всё больше предпочтения отдается направлению, ориентированному на формирование собственной российской правовой культуры. Детерминанты правовой культуры российского общества и его характерные черты привлекли интерес таких авторов, как А.А. Васильев, А.М. Величко, В.В. Сорокин, В.Н. Синюков, О.И. Цыбулевская и др. В научной литературе пока распространен механистический взгляд на правовую культуру, когда уровень правовой культуры определяется лишь качеством состояния её отдельных элементов. На самом деле правовая культура – это органическая система, и уровень её развития зависит не только от её отдельных элементов, но и от соответствия законодательства, правовых учреждений и правосознания друг другу.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что правовая культура представляет собой исторически сложившийся вариант общей культуры, который находит свое выражение в совершенствовании качественного состояния правовой системы, а также степень правового развития общества и отдельной личности. Правовую культуру формируют такие явления, как правосознание, юридическая наука, юридическая деятельность, материальные предметы, служащие методом обеспечения и сопутствия юридической работы, правовые акты.

Правовая культура формируется государством через воспитание, образование, науку, культуру, традиции, средства массовой информации и должна иметь способы защиты от внешних и внутренних посягательств. Государство должно осуществлять воспитание правовой культуры в соответствии с духовно-нравственными ориентирами. Государство взаимодействует с семьей, системой образования, трудовыми коллективами, общественными объединениями, средствами массовой информации, демонстрируя тем самым принцип целостности воспитания правовой культуры на протяжении всей жизни человека.

Система российского образования должна способствовать подготовленности человека к жизни, в т.ч. профессиональной, для этого прививать знания, навыки и умения, так или иначе воспитывать личность обучающегося в духе патриотизма, трудолюбия, взаимной поддержки, милосердия.

Государство несёт ответственность за культурный уровень граждан России и сохранение культурного достояния России. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации исходит из той угрозы, что в мире создана мощная неофициальная мировая сеть, которая поддерживает глобалистский мировой порядок и систему, продуцирующую каноны безнравственности. Современная образовательная парадигма основана на признании самоценности человека, его права на субъективное восприятие жизненных процессов и явлений, оформлении собственных смыслов в ценности и утверждении их в практической деятельности. Признание за ребёнком права «самостоятельно реагировать на жизненные обстоятельства и поступать так, как он считает нужным» [2, с. 11].

В связи с этим можно согласиться с мнением профессора В.В. Сорокина о том, что нравственная норма поведения не может вырабатываться самим воспитуемым субъектом в силу неготовности, эгоизма, порочности, а в связи с отрицанием абсолютных критериев воцаряется неопределённость в представлениях о добре и зле, правомерном и противоправном. Культивируемая свобода от духовно-нравственных ориентиров позволяет личности в силу ничем не сдерживаемого эгоизма рассматривать своё противоправное поведение как доблесть. Высокомерное пренебрежение абсолютными запретами и дерзкое своеволие значительного числа людей – это серьёзная проблема для правовой системы любого современного общества. Пагубно на правовой культуре общества отражается не только распространяемая эгоистичность, но также апатия и равнодушие общества. Авторы обстоятельного исследования под названием «Нравственность современного российского общества: психологический анализ» под руководством А.Л. Журавлёва отмечают усиление безнравственности, когда нарушение норм становится всё более радикальным, а население привыкает к подобным нарушениям. «При этом среди некоторых идеологов наших реформ всё чаще распространено представление о том, – указывает коллектив учёных Института психологии РАН, – что нравственность не способствует эффективному развитию рыночной экономики, а в пример России ставятся западные страны, которые добились высоких экономических показателей благодаря игнорированию нравственных начал» [4, с. 87].

Правовая культура глубоко пронизывает правосознание общества и каждого его члена, правоотношения, законность и правопорядок, законотворческую, правоприменительную и любую иную деятельность в сфере права, служит регулятором поведения людей, учитывая социокультурные, исторические и иные особенности, а также выступает одним из способов достижения социальной стабильности, интегрирования общества. При наличии у граждан высокого уровня правовой культуры, социально-правовой активности и инициативы происходят повышение качества правотворчества и эффективности реализации норм права, ограничение произвола со стороны властных структур, установление надлежащей регламентации деятельности органов публичной власти при выполнении ими своих задач и функций.

В нравственно-религиозной сфере российская правовая культура впитала в себя ценности православия, что способствовало включённости церкви в процессы формирования и укрепления государственности в России.

4. Религиозному человеку присуща высокая правовая культура. Это связано с тем, что у него особый строй мировосприятия, ему присущи страх божий, чуткая совесть, не позволяющие его свободе превращаться в произвол. Верующий человек находится в соответствующей церковной среде, которая благотворно влияет на его мысли и чувства. Религиозный человек регулярно участвует в таинствах исповеди и причащения, за которыми скрывается напряженная работа над собой и преодоление греховных наклонностей и соблазнов. С какими глазами религиозному человеку в очередное воскресенье идти на исповедь к священнику, если придется повторять тот же самый грех? Испытывая чувство стыда и опираясь на внутренний регулятор – свою совесть, человек начинает внутреннюю работу над собой, сдерживает зло, не дает ему шансов укорениться в душе, тем самым избегает рецидива, что является идеальным алгоритмом укрепления высокой правовой культуры, но пока не используемым государством в должной мере. Юристам известно, что безопасности и правопорядку верующие люди никогда не представляли угрозы, исходя из этого силы, реально заинтересованные в повышении правовой культуры общества, должны понять, что безопасность и правопорядок зависят от степени религиозности населения, и вплотную заняться данным направлением [7, с. 249].

5. Российское правосознание как элемент правовой культуры российского общества характеризуется консервативно-правовыми воззрениями. Если говорить об охранительной правовой доктрине, можно сделать вывод о том, что консервативные и правовые институты, выработанные народной верой, духом и обычаями, играют существенную предопределяющую роль в формировании правовой культуры российского общества [1, с. 29].

Говоря о современном этапе развития российской правовой культуры, можно отметить, что она демонстрирует устойчивость её системообразующих качеств, отображающих тесное взаимодействие общества и государства. Ключевое отличие российской правовой культуры от западноевропейской состоит в том, что в России правовая культура складывается в процессе взаимодействия государства и общества, где в условиях взаимодополняемости их совместной деятельности общественный прогресс не утратит своего значения, а индивидуальные интересы никогда не будут стоять выше общественных и государственных.

В современной российской правовой культуре сосредоточены разноплановые явления, процессы и характеристики. Российское общество многонационально, а это объективно требует, чтобы правовая культура опиралась на эффективные механизмы сосуществования различных социальных групп населения, но при этом следует констатировать тот факт, что, несмотря на разные национальные и религиозные принадлежности, обыденное правосознание

российского общества подпитывается такими ценностями, присущими всем народам нашей страны, как поиск справедливости, взаимопомощь, гостеприимство, соборность, солидарность, а приоритетом направления государственной политики должны быть духовно-нравственные установки, основанные на принципах справедливости, добросовестности и милосердия.

Укреплению правовой культуры современного российского общества будет способствовать совершенствование отечественной правовой системы и условий регулирования общественных отношений, где право будет функционировать не только через нормативные тексты, но также в сфере обыденного правосознания, когда конкретные субъекты превращают предписания норм в свое достояние, изнутри запуская механизм действия права. Это предполагает восприятие нормы права субъектом как внутренней установки на ее соблюдение, подкрепленное волевым усилием, осознанием необходимости и чувством долга. Повышение правовой культуры – это сложный и длительный процесс, который не дает немедленного результата, т.к. затрагивает все сферы общественной жизни. В современных условиях развития общества, решая задачу повышения правовой культуры, правоведы и правоприменители должны сделать акцент на том, чтобы индивид проводил регулярную работу над внутренним состоянием своей души, т.к. укрепление правосознания и правовой культуры будет реализовываться через призму саморегуляции, а не через внешнее принудительное воздействие со стороны государства.

Литература

1. Васильев А.А. Консервативная правовая идеология России: сущность и государственно-правовой идеал / под ред. А.А. Васильева. М., 2016. 264 с.

2. Гребенюк О.С. Правовая культура детей и молодежи. СПб., 2018.

3. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1985.

4. Нравственность современного российского общества: психологический анализ. М., 2012.

5. Сальников В.П. Социалистическая правовая культура. Саратов, 1989. 167 с.

6. Семитко А.П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс: проблемы теории и методологии: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1997. 288 с.

7. Сорокин В.В. Учение о духе права. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. 382 с.

УДК 342.53

Л.Г. Коновалова, *канд. юрид. наук, доцент*
Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: vaskova82@yandex.ru

ПАРЛАМЕНТАРИЗМ КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОПТИМАЛЬНОГО СООТНОШЕНИЯ ВОЛИ БОЛЬШИНСТВА И МЕНЬШИНСТВА В УСЛОВИЯХ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ПРАВЛЕНИЯ

В статье рассматриваются представления о демократии как о соотношении воли большинства и меньшинства населения страны при принятии государственно-властных решений. Отмечается смещение акцентов с восприятия демократии как правления большинства на понимание демократии как волеизъявления большинства с учетом мнения меньшинства и в условиях гарантированности прав меньшинства. Обращается внимание на значимость юридической конструкции парламентаризма для обеспечения баланса соотношения воли большинства и меньшинства населения в том или ином государстве, поскольку парламентаризм предлагает правовые средства обеспечения эффективной дискуссионности в процессе выявления общей воли народа как внутри парламента, так и во взаимодействии парламента с иными органами государственной власти, с учетом форм прямого волеизъявления граждан. При этом подчеркивается, что оптимальность соотношения воли большинства и меньшинства населения существенно отличается в разных странах с учетом национальной, исторической, культурной и иной самобытности народов. В работе анализируется опыт различных государств (США, Германии, Дании, Нидерландов, России) и складывающаяся международная практика по проблемам контрмажоритаризма.

Ключевые слова: демократия, парламентаризм, мажоритаризм, контрмажоритаризм, права меньшинства.

L.G. Konovalova, *Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor*
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Altai branch
E-mail: vaskova82@yandex.ru

PARLIAMENTARISM AS A WAY TO ENSURE THE OPTIMAL RATIO OF WILLS OF MAJORITY AND MINORITY IN THE CONDITIONS OF DEMOCRATIC GOVERNMENT

The article examines the idea of democracy as a correlation between the will of the majority and the minority of the country's population when making government decisions. There is a shift in emphasis from the perception of democracy as the rule of the majority to the understanding of democracy as an expression of the will of the majority, taking into account the opinion of the minority and in conditions of guaranteed minority rights. Attention is drawn to the importance of the legal structure of parliamentarism for ensuring the balance of the ratio of the will of the majority and minority of the population in a particular state, since parliamentarism offers legal means of ensuring effective debate in the process of identifying the «common will» of the people, both within parliament and in the interaction of parliament with others state authorities, taking into account the forms of direct expression of the will of citizens. At the same time, it is emphasized that the optimal ratio of the will of the majority and minority of the population differs significantly in different countries, taking into account the national, historical, cultural and other identity of peoples. The paper analyzes the experience of various states (USA, Germany, Denmark, the Netherlands and Russia) and the emerging international practice on the problems of counter-majoritarianism.

Key words: democracy, parliamentarism, majoritarianism, counter-majoritarianism, minority rights.

В современном государстве остается открытым вопрос о соотношении воли большинства и меньшинства в условиях демократического правления. В конституционно-правовом дискурсе этот вопрос ставится через специальную терминологию: соотношение мажоритаризма (отражения воли большинства при принятии государственно-властных решений) и контрмажоритаризма (обеспечения прав меньшинств в политике государства). В рамках данной проблематики проведено достаточно много исследований. Конституционалисты убедительно доказывают, что на начальных этапах становления теории демократии перед государствами ставилась задача обеспечения мажоритаризма, а к настоящему времени более актуальными становятся тенденции контрмажоритаризма при осуществлении государственной политики [2, с. 16-35; 4, с. 26-30; 15, с. 103-125].

Дело в том, что концепция демократии зарождалась в то время, когда большинство населения – низшие сословия и классы – угнеталось привилегированным меньшинством, обладавшим значительными ресурсами, и выражала стремление к преодолению такой несправедливой ситуации. Самым верным способом обеспечить интересы большинства признавалось вовлечение его в управление с тем, чтобы носители соответствующих социальных интересов имели возможность добиваться их реализации в рамках демократических политических процедур. Такие задачи мажоритаризма нашли свое конституционно-правовое оформление через учреждение парламентов, призванных выявить и отразить волю большинства населения при принятии законов и осуществить контроль за правительством; через расширение избирательного права, через формирование практики использования форм непосредственного волеизъявления населения, включая референдумы [2, с. 16-19]. Эти способы позволили снизить конфронтационность в обществе, введя вместо силового способа обеспечения подчинения меньшинства большинству способ договоренности о согласии с результатами выборов [22, с. 26]. Благодаря непрерывному процессу политической инклюзии в развитых странах большинство перестало быть явно угнетаемым, произошло освобождение большинства от эксплуатации меньшинства. Однако возникла другая проблема – угроза диктатуры большинства [2, с. 19-20], связанная с тем, что стали использоваться технологии манипулирования волей большинства, пришедшее к власти большинство стало фактически меньшинством и продолжило принимать государственно-властные решения, появились массовые случаи дискриминации уязвимых меньшинств [14, с. 26].

Поэтому на сегодняшний день принцип большинства перестал отождествляться с демократией. Пришло понимание того, что большинство не имеет права делать то, что ему заблагорассудится. Не может быть морального оправдания большинству, которое одаривает своих сторонников привилегиями и устанавливает для них особые правила. Демократия не есть неограниченное право правительства большинства. Она должна предполагать гарантии индивидуальной свободы. У меньшинства должны быть равные с большинством права, гарантированные одинаковыми законами. Власть большинства приемлема лишь тогда, когда меньшинство на основе принципа мажоритарности имеет шансы стать большинством, а также когда деятельность меньшинства не ведет к подавлению последнего [14, с. 28].

Контрмажоритарная демократия формируется через такие юридические рычаги, как: усиление судебной ветви власти в государственном механизме, конституционализм, уважение к правам человека, разделение властей с использованием системы сдержек и противовесов, приоритет международного права [2, с. 19]. Некоторые авторы к способам поддержания контрмажоритаризма относят также пропорциональную избирательную систему, дальнейшее расширение избирательного права, введение совещательных органов и квот для отдельных социальных групп в парламенте и других органах власти, федерализм, политический плюрализм и др. [26, с. 15-31; 16, с. 5-16; 1, с. 80-91; 9, с. 78]. В отдельных исследованиях особо превозносится роль парламентаризма как фактора, одновременно выявляющего волю большинства, и как фактора ограничения власти большинства, поскольку его механизмы должны обеспечить адекватность деятельности парламентского большинства мнению общества. Однако подчеркивается деликатность и сложность подобного проявления конституционализма [4, с. 28].

В то же время дискуссия о пределах контрмажоритарной политики и конкретных способах ее обеспечения применительно к отдельно взятой стране и к отдельно взятой проблеме остается актуальной. Можно заметить многовариантность решения этих вопросов в разных странах и в складывающейся международно-правовой практике.

Например, по мнению ученых из США, американская демократия не является мажоритарной ни по замыслу, ни по функционированию благодаря следующим юридическим рычагам: коллегии выборщиков, равному представительству штатов в Сенате, прямому избранию только членов Палаты представителей, избирательному принципу «победитель получает все», срокам пребывания в должности, предусматривающим ротацию. «Эти черты способствуют тому, что одержимое политическими страстями большинство оказывается лишенным возможности избирать все государственное руководство, особенно посредством одних выборов. Дополнительные искаже-

ния в мажоритарную модель вносят обструктивизм Сената, мощь лоббистских групп и комитетов Конгресса». Авторы подчеркивают, что «приравнивать результат избирательного и законодательного процессов в США к воле большинства – абсурд, равно как и абсурдно считать суд исключительно антимажоритарным» [15, с. 107].

В Германии основным препятствием диктатуре большинства считается создание равных шансов для других. Как писал К. Хессе, «конституция рассматривает меньшинство не как группу, заблуждающуюся в своем поиске истинного и правильного и потому должную быть исключенной из политического процесса или подавленную от имени фиктивной общей воли». Она, напротив, создает гарантии обеспечения «равных шансов, позволяющих меньшинству стать в определенный момент времени большинством» [29, с. 29]. Поэтому в ФРГ особое внимание уделяется регулированию правового статуса оппозиции, равноправия, свободе слова и свободе образования партий и союзов. Считается, что формирование политической воли возможно лишь при наличии публичной дискуссии, при столкновении различных мнений и устремлений [13, с. 82-84].

В Дании, Нидерландах, Австрии и Швейцарии против мажоритаризма призвана выступать практика коалиционных правительств или правительств меньшинства, которые должны обеспечивать ситуативное большинство голосов в парламенте с участием партий, не входящих в правительство. Подобная конструкция получила название консенсусной демократии и была учреждена в том числе из стремления ограничить желания отдельных партий инициировать референдумы и другие формы непосредственного волеизъявления населения [22, с. 33].

Мировой тенденцией последних лет можно считать защиту прав отдельных общностей людей, которых стало принято причислять к меньшинствам или уязвимым социальным группам, – женщин, молодежи, иностранцев, религиозных общин, малочисленных народностей и т.д. Эта тенденция находит отражение в международных актах, практике Европейского Суда по правам человека, в национальном законодательстве многих стран. Так, на международном уровне действуют Декларация ООН о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным, языковым меньшинствам 1992 г. [7, с. 170-173], Декларация ООН о правах коренных народов 2007 г. [8], Рамочная конвенция Совета Европы о защите национальных меньшинств 1995 г. [20], Конвенция ООН о статусе беженцев 1951 г. [11]. Законодательство Китая, Эфиопии, Бельгии устанавливает особые правила представительства национальных меньшинств. Швеция, Дания, Финляндия допускают при определенных условиях участие в выборах иностранцев [2, с. 23-32]. Аргентина, Бельгия, Польша, Франция предусматривают избирательные гендерные квоты [24, с. 108-117]. Европейский Суд по правам человека принял уже целую серию решений, констатирующих нарушения разными странами прав меньшинств, в т.ч. Болгарией прав македонцев [26, с. 15-32], Турцией прав мусульманских общин [27, с. 23] и т.д. Контрмажоритарные цели имеет деятельность Верховного комиссара ОБСЕ по делам национальных меньшинств [23, с. 99].

Вместе с тем национальные особенности правового отношения к меньшинствам не отличаются унификацией и изменяются с течением времени. Так, на рубеже XX-XXI вв. конституционные суды земель и Федеральный конституционный суд Германии признавали положения законодательства земель о позитивных действиях в отношении женщин противоречащими принципу равноправия. В настоящее время практика поменялась: в Германии, Испании, Европейском Суде по правам человека появляются судебные решения, признающие квоты необходимой мерой обеспечения эффективного равенства мужчин и женщин [1, с. 84].

Совершенно по-разному решается вопрос об обеспечении прав религиозных меньшинств. В одних делах Европейский Суд по правам человека обязывает страны обеспечить некоторые преференции негосударственным или недоминирующим религиям, вплоть до запрета вмешательства в их деятельность и обязывания организовать альтернативную военную службу, в других – суд признает правомерность ограничения свободы религии во имя светскости, государственного нейтралитета или общественной безопасности [27, с. 14-33]. В каких-то странах полностью отсутствует специальное правовое регулирование для религиозных меньшинств, в то время как в других – устанавливаются особые юридические гарантии их деятельности, включая сбор налогов на их содержание (ФРГ, Финляндия, Швеция, Испания, Италия), квоты в парламенте (Иран, Пакистан) и т.п. [3, с. 117-136].

Для многих европейских стран вошло в практику признание гендерного равенства, однополых браков, избирательных прав за лицами, осужденными к тяжким уголовным наказаниям. Хотя Россия не признает особые права ЛГБТ-сообщества, она отказалась исполнять решение Европейского Суда по правам человека о предоставлении избирательных прав заключенным, в карательной и социальной политике предоставляет по сравнению с европейскими странами больше преференций женщинам [17, с. 73-91; 5, с. 140-144; 18; 21, с. 45].

Поэтому вопрос о пределах признания и защиты прав меньшинств остается преимущественно национально решаемым. И особо значимую роль

в этом процессе играют национальные парламенты и суды. В свою очередь, оптимальное соотношение народного волеизъявления по проблемам мажоритаризма и контрмажоритаризма через парламентскую и судебную деятельность призвана решать научная теория парламентаризма, которая рассматривает орган народного представительства многоаспектно и с учетом взаимодействия с иными ветвями государственной власти.

Идея парламентаризма стала результатом развития парламентского права как науки. Дело в том, что конституционно-правовая практика показала разные варианты устройства и функционирования парламентов. Оказалось, что при достаточно похожем на первый взгляд правовом регулировании парламенты могут играть различную роль в государственном управлении, начиная от реализации верховенства закона, признания достоинства человека и заканчивая легализацией фашистских режимов. Такая ситуация подтолкнула юристов к формированию теории парламентаризма, характеризующей реальный статус парламента и нюансы правового регулирования его статуса в той или иной стране. То есть в этом плане парламент и парламентаризм разводятся учеными. Концепция парламентаризма связывается не с формальным наличием в стране парламента, а с его позитивной деятельностью. Сам термин «парламентаризм» встречается в трудах и дореволюционных авторов, и в работах советских ученых, и в современной юриспруденции, и в зарубежной литературе. Однако какого-либо универсального определения этого понятия до сих пор не выработано.

Достаточно часто парламентаризм определяется как особая система организации государственной власти, структурно и функционально основанная на принципах разделения властей, верховенства закона при ведущей роли парламента в целях утверждения и развития отношений социальной справедливости и правопорядка [6, с. 416; 14, с. 5; 25, с. 45].

Уязвимым местом в подобных определениях является указание на ведущую роль парламента, что может вызывать ассоциацию или с парламентарной формой правления, или с неким доминированием парламента над иными ветвями власти. К примеру, Г.Н. Чеботарев поясняет, что принцип разделения властей не допускает верховенства парламента, поскольку верховенство предполагает подчиненность, которая не может иметь места при признании самостоятельности ветвей власти [30, с. 7]. М.Н. Пригон также подчеркивает, что трудно найти государство, где парламент играет главенствующую роль в государственной системе, но о парламентаризме в США, Франции, Англии можно говорить. «Парламентаризм связывается с таким состоянием, к которому общество должно стремиться, но нет четкого представления о парламентаризме как существующей в государствах государственно-правовой реальности» [19, с. 14].

При этом многие авторы связывают парламентаризм с демократизацией государственности, особенно с представительной демократией. Так, А.Д. Керимов рассматривает парламентаризм как принимаемую властью и обществом систему взаимодействия определенным образом сформированного, структурированного и реально работающего парламента с другими государственными органами, обеспечивающую его адекватное положение в государственном механизме и выступающую в качестве основного способа организации и функционирования представительной демократии [10, с. 79].

Зачастую в конституционно-правовой науке называются признаки парламентаризма, пересекающиеся с признаками демократии. На основе анализа значительного объема научной литературы можно прийти к выводу, что квалифицирующими признаками парламентаризма являются: 1) верховенство закона; 2) разделение властей с четко обозначенными и реальными полномочиями парламента; 3) участие парламента в формировании органов исполнительной, судебной и иных ветвей власти; 4) подотчетность исполнительной власти парламенту; 5) многопартийность, право на политическую оппозицию и обеспечение связи населения с механизмом государства; 6) особый статус депутата со свободным мандатом и ответственностью перед законом; 7) независимость судебной власти и ее взаимодействие с законодательной и исполнительной властью для обеспечения баланса государственно-правового устройства. Именно эти признаки характеризуют эффективное исполнение полномочий парламентом, позволяют ему во взаимодействии с иными ветвями власти обеспечить устойчивый внутренне регулируемый механизм стабильного развития государства, в т.ч. находить баланс в сложнейшем вопросе соотношения воли большинства и меньшинства применительно к отдельно взятому государству.

Таким образом, парламентаризм можно рассматривать как один из юридических способов обеспечения оптимального соотношения воли большинства и меньшинства в условиях демократического правления. Парламентаризм неразрывно связан с концепцией демократии через общие признаки, способствующие поиску баланса в мажоритарной и контрмажоритарной политике государства: политический плюрализм, разделение властей, многопартийность, независимость суда. Парламентаризм в первую очередь ассоциируется с представительной демократией, однако предполагает тесное переплетение и с институтами непосредственной демократии, поскольку через выборы формируются представительные учрежде-

ния, а другие формы прямого волеизъявления граждан способны оказывать влияние на качественное осуществление полномочий парламентом и выявление им воли большинства и меньшинства населения. Парламентаризм не мыслим вне условий демократического государства. В то же время юридическая концепция парламентаризма способна обогатить теорию демократизма, обозначив практические рекомендации по совершенствованию правового статуса парламента, по повышению эффективности отношений народного представительства. Это связано с тем, что реально работающий парламент выступает ареной для дискуссий, поиска компромисса и выражения воли народа по отдельным вопросам соотношения мажоритаризма и контрмажоритаризма.

Значимость концепции парламентаризма к настоящему времени возрастает с учетом трансформации представлений о демократии как о способе правления большинства с учетом гарантированного учета мнения и прав меньшинства. В частности, повышается роль парламента в определении комбинации использования форм представительной и непосредственной демократии в конкретном государстве, в установлении правил выявления воли большинства населения и способах защиты прав меньшинства. Актуализируется теория парламентаризма и в связи с усилением судебной власти в современном государстве, с необходимостью комплексного восприятия парламента во взаимодействии с иными органами власти, поскольку народовластие перестало восприниматься как процесс определения общей воли исключительно через выборы и голосование в парламенте. Сегодня признается, что общая воля формируется через дискурс в парламенте, в обществе, между органами власти и что судебная власть имеет возможности скорректировать представления парламентариев об интересах населения, в т.ч. по вопросам соотношения воли большинства и меньшинства.

Литература

1. Алебастрова И. Гендерное равноправие и гендерные привилегии: цели и средства // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 1 (104). С. 80-91.

2. Алебастрова И. Политическая инклюзия меньшинств как фактор мажоритаризма и контрмажоритаризма (размышления конституционалиста) // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 4 (125). С. 16-35.

3. Алебастрова И. Процессы секуляризации и клерикализации в современном мире: поиски конституционного баланса // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 5 (114). С. 117-136.

4. Арутюнян А. Правило большинства против свободы или борьба меньшинства с меньшинством: кризис армянского конституционализма // Сравнительное конституционное обозрение. 2010. № 2 (75). С. 26-30.

5. Боднар А., Следзиньская-Симон А. Слишком много стандартов? // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 3 (64). С. 140-144.

6. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. М., 2004.

7. Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам от 18 декабря 1992 г. // Московский журнал международного права. 1993. № 2.

8. Декларация ООН о правах коренных народов от 13 сентября 2007 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml.

9. Ионин Л.Г. Восстание меньшинств. СПб., 2012.

10. Керимов А.Д. Современное государство: вопросы теории. М., 2008.

11. Конвенция о статусе беженцев от 28 июля 1951 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

12. Кравец И. Конституционализм в сравнительном изучении и преподавании // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 6 (73). С. 72-82.

13. Невинский В.В. Немецкие граждане в зеркале основополагающих принципов конституции ФРГ. Барнаул, 1994.

14. Парламентское право России: учебное пособие / под ред. И.М. Степанова, Т.Я. Хабриевой. М., 1999.

15. Перетти Т. Политическое толкование прав человека в США // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 6 (73). С. 103-125.

16. Пименова О.И. Федерализм и субсидиарность в системе внутригосударственных отношений: некоторые теоретико-практические аспекты их взаимодействия (на примере Российской Федерации) // Государство и право. 2017. № 4. С. 5-17.

17. Подоплелова О. Гендерные стереотипы в конституционном праве России: ловушка «особого отношения»? // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 3 (124). С. 73-91.

18. По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией РФ постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против Рос-

сии» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации: постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016 г. № 12-П // Собрание законодательства РФ. 2016. № 17. Ст. 2480.

19. Пригон М.Н. Конституционно-правовой статус Парламента России: теория, практика, перспективы: дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2004.

20. Рамочная конвенция Совета Европы о защите национальных меньшинств от 1 февраля 1995 г. // Собрание законодательства РФ. 1999. № 11. Ст. 1256.

21. Романовский Г.Б. «Дело Анчугова и Гладкова» и решения Конституционного Суда РФ, органов конституционного контроля зарубежных стран // Lex russica. 2017. № 2. С. 45-49.

22. Румянцев А. Минимальная теория демократии: смысл и пределы возможного // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 3 (100). С. 24-28.

23. Садурский В. Защита прав меньшинств в Центральной и Восточной Европе: роль конституционных судов и присоединения к Европейскому Союзу // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 1 (58). С. 90-101.

24. Следзинская-Симон А., Боднар А. Избирательные гендерные квоты в Польше: теория и практика гендерного равноправия // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 1 (92). С. 108-117.

25. Современный парламент: теория, мировой опыт, российская практика / под общ. ред. О.Н. Булакова. М., 2005.

26. Стойков С., Бутусова Н. О проблемах гарантирования прав македонского национального меньшинства в Болгарии // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 3 (124). С. 15-32.

27. Уитц Р. Религия и равенство: от обеспечения плюрализма к европейскому требованию нейтральности государства // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 2 (123).

28. Федералист: политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона, Дж. Джея. М., 1994.

29. Хессе К. Основы конституционного права ФРГ. М., 1981.

30. Чеботарев Г.Н. Принцип разделения властей в государственном устройстве РФ. Тюмень, 1997.

УДК 342:340.12
А.Г. Филимонов, *канд. юрид. наук, доцент*
Омская академия МВД России
E-mail: fag55.55@mail.ru

ПРИРОДА РУССКОГО ГОСУДАРСТВА И ОСОБЕННОСТИ ЕГО РЕФОРМИРОВАНИЯ

За последний век Россия дважды теряла свою государственность в результате проводимых реформ. Потеря государственности сопровождалась огромными потерями во всех сферах общественной жизни, народам России приходилось с нуля строить свою государственность и решать много сложных задач. Почему происходит развал государства, в чем причина неэффективных реформ, проводимых политической элитой государства? Эти и ряд других вопросов анализируются в статье. Одну из главных причин автор видит в механическом копировании опыта западных государств и отрицании опыта российской истории. Русское государство имеет свою природу бытия, следовательно, реформы должны быть проведены с учетом характерных черт Русского государства, а не западного. С этих позиций и рассматриваются особенности политического реформирования Российского государства и общества.

Ключевые слова: государство, договорное государство, Русское государство, реформа, общество открытого доступа, демократия, делегативная демократия.

A.G. Filimonov, *Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor*
Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia
E-mail: fag55.55@mail.ru

THE NATURE OF THE RUSSIAN STATE AND THE PECULIARITIES OF ITS POLITICAL REFORM

Russia has twice lost its statehood as a result of ongoing reforms over the past century. The loss of statehood was accompanied by huge losses in all spheres of public life, the peoples of Russia had to build their statehood from scratch and solve many complex problems. Why is the state collapsing, and what is the reason for the ineffective reforms carried out by the state's political elite? These and a number of other issues are analyzed in the article. The author sees one of the main reasons in the mechanical copying of the experience of Western states and the denial of the experience of Russian history. Russian state has its own nature of being, therefore, the reforms should be carried out taking into account the characteristics of the Russian state, and not the Western one. From these positions, the features of the political reform of the Russian state and society are considered.

Key words: state, treaty state, Russian state, reform, open access society, democracy, delegative democracy.

На современном этапе своего развития Россия столкнулась с рядом вызовов, ответы на которые нельзя найти простым механическим переносом опыта стран западной цивилизации. Необходим глубокий анализ исторических традиций русского народа и русской власти, которые сформировали базовые ценности, определявшие и определяющие магистральное развитие. В литературе анализируется «русская колея», «имперская телега» [3, с. 30-50; 4, с. 6-13]. Все эти концепции сходятся в одном – какие бы реформы в России ни проводились, все вернется в конечном счете к укреплению институтов центральной власти и ограничению полномочий гражданского общества. Построить демократическую Россию по образцу и подобию стран западной цивилизации ни у кого не получилось. Это не получилось у Временного правительства в 1917 г., когда Россия скатилась к большевистской диктатуре, это не получилось у реформаторов-либералов группы Б. Ельцин – Е. Гайдар. Современная Россия все больше отдаляется от либерального пути развития, предложенного группой президента Б. Ельцина, и выстраивает новую систему политической власти, которая пытается учесть ее исторический опыт. В. Сурков, например, пишет, что «современная модель Русского государства начинается с доверия и на доверии держится. В этом ее коренное отличие от модели западной, культивирующей недоверие и критику. И в этом ее сила» [17]. Здесь имеется в виду доверие к власти и президенту.

На разных исторических этапах своего развития в России политическая власть была представлена в разных ее формах. Только в период Киевской Руси политическая власть была комбинацией разного рода взаимоотношений между субъектами политического процесса. Исследователи отмечают такие формы власти, как власть князя – элемент монархический, власть боярства – элемент аристократический, власть вече – элемент демократический, власть церкви – элемент теократический. Например, Киевское княжество было представлено сильной княжеской властью, элементом монархическим; Галицко-Волынское княжество – единством княжеской и боярской власти, элементом аристократическим; Новгород – вечевой властью, элементом демократическим. Церковь играла роль духовного наставника и духовного пастыря в системе политической власти Киевской Руси [6].

Кроме этих черт власти Киевской Руси, которые имели много общего с властью знати в странах Запада, ряд исследователей отмечают иную, зарождающуюся в северо-восточных княжествах тенденцию взаимодействия между княжеской властью и другими субъектами политического процесса. Здесь князья рассматривают себя как полновластных хозяев своей земли, где жизнь общества развивалась при их прямом участии, поэтому и делиться властью на своей земле они не хотели. Этот процесс не был характерен для других княжеств Киевской Руси, а в северо-восточных княжествах он набирал обороты. В дальнейшем объединение русских земель под руководством князей северо-восточной Руси скажется на формировании природы новой власти. Такую природу власти американский исследователь Р. Пайпс называет вотчиной. Так, например, он пишет, что собственность в Средневековой Руси обозначалась термином «вотчина» – между различными видами собственности не проводили никакого различия, вотчиной было и поместье, и рабы, и ценности, и право на рыболовство и разведку недр, и даже предки или родословная. Еще важнее, что ею была и политическая власть, к которой относились как к товару [12, с. 60].

Вотчинный характер русской власти, который начал складываться в северо-восточных землях Киевской Руси после ее покорения монголами, не только не ослабел, а напротив, начал набирать обороты и становиться определяющим в политическом устройстве ряда княжеств. Особенно это было характерно для Москвы, которая и организовала борьбу русских княжеств за освобождение от Золотой Орды. Обеспечив победу над монголами, Москва предложила отличное от Запада политическое устройство своего государства.

Во-первых, если на Западе сохранялись многообразие форм собственности, а вместе с ней и субъекты политического процесса, то в Московском государстве процессы пошли по образцу Орды. Великий князь начинает консолидировать земли как главную собственность вокруг себя и давать наделы земли за службу государству. Это позволило расширить круг преданных ему людей и ограничить влияние боярства на общественные процессы, происходящие в обществе. На всем протяжении постордынской истории мы видим, что преобладающим вектором в развитии государства была линия контроля над собственностью. Неразделенность власти и собственности – характерная черта Русского государства [14, с. 8-34].

Во-вторых, на Западе сформировалась договорная власть. Ядро этой власти составляют собственники, которые представлены в лице государства, церкви, крупных и мелких землевладельцев, ремесленников, имеющих свои интересы, а также ресурсы по их защите. Субъекты политического процесса, имеющие возможность опоры на собственные, независимые ресурсы, могут формировать государство именно как договорное. Такой тип государства способен создать механизм политической власти, который будет учитывать интересы большинства. То есть в основе существования такого государства лежит та или иная мера согласия между собственниками, которая и находит свое воплощение в договорном государстве.

В России власть носит характер моноцентричности: царь, император, генсек или президент в лице государства как основной собственник, контролирующий базовые ресурсы, способен остальным субъектам навязать свою волю и заставить их подчиниться. Такая власть по своей природе не может быть никакой другой, кроме как моноцентричной, самодержавной. Здесь согласие реализуется лишь по поводу власти, согласен ты с ее политикой или не согласен, другого выбора не дано. Давая характеристику такой особенности русской власти, Ю. Пивоваров и А. Фурсов пишут, что «природа русской власти – это моноцентризм… и властецентризм, в котором один субъект имеет бесконечные права, а все другие "несут тягло". Все "несли тягло" – кроме Власти» [13, с. 37-49].

В-третьих, в таком обществе не могут быть сформированы институты гражданского общества, характерные для западного общества, которые выступают там как добровольный союз самостоятельных собственников, объединенных по своим интересам и способных защитить эти интересы от посягательств государства. Гражданское общество при этом не выступает только как оппонент государства, но и это является более важным, члены общества выбирают власть, контролируют власть и переизбирают власть. Гарантиями этих процессов выступают принцип разделения властей и система их сдержек и противовесов. Природа русской власти не только исключает возможность функционирования такого типа гражданского общества, но даже его появление в принципе невозможно в русском обществе. Никакие добровольные, свободные союзы граждан не способны защитить интересы своих членов перед государством, т.к. государство, обладая абсолютным превосходством в области контроля ресурсами в обществе, не потерпит давления с чьей-либо стороны на свои интересы. Здесь могут функционировать только те добровольные организации, которые являются либо проводниками политики государства в обществе, либо занимают нейтральные позиции и не вмешиваются в политические процессы.

В-четвертых, в русском обществе складывается социальная структура, где авторитетом и поддержкой пользуются только те социальные группы, существование которых полностью зависит от государства. Социальные группы, самостоятельно определяющие свой общественный выбор, материальное положение которых не зависит от государства, как правило, находятся под его пристальным вниманием и давлением. Ю. Пивоваров и А. Фурсов выделяют такие социальные группы: «представители власти» (власть), «популяция» и «лишние люди» [13, с. 37-49]. Социальная группа, представляющая интересы власти, – это государственная бюрократия, находящаяся на службе у государства. Популяция – социальная группа, не имеющая собственности, субъектность которой отрицается властью по определению. Представители ее работают на объектах государственной собственности, их материальное положение зависит от социально-экономического развития государства. Государство в отношении этой группы проводит патерналистскую политику. Название третьей социальной группы говорит само за себя, это «лишние люди». Однако они «лишние» для власти, но не для общества. Это активные, творческие, самостоятельные субъекты общества, способные обеспечить удовлетворение собственных интересов и потребностей без помощи государства, выступающие самостоятельными субъектами общественного процесса. Эта социальная группа не только не поддерживается государством, их полномочия ограничиваются, а в отдельные периоды истории, например в период гражданской войны и раскулачивания, их просто уничтожают.

В-пятых, Русская православная церковь в результате проводимых реформ оказалась полностью зависимой от власти, она стала органом в аппарате правительства без права проводить независимую от государства политику, в результате чего потеряла авторитет среди большей части православных людей.

Таким образом, константами Русского государства выступают: моноцентризм власти (единоначалие в управлении); контроль над собственностью со стороны государства, распределение земли за службу своим подданным, бессобственность большей части населения, что определило бессубъектность значительного числа граждан [5, с. 130-174]. Бессубъектность – это неспособность субъекта исторического процесса осознавать свои интересы, на их основе формировать свою повестку дня по отношению к власти и принимать активное участие в борьбе за реализацию этой повестки в политике государства. Миллионы представителей русского общества были лишены субъектности, у них формировались патерналистская психология и слепая вера в государство. Единственным гарантом их существования было государство, поэтому любой кризис как государственности, так и социально-экономического развития значимо отражался на жизни народа [8, с. 135-151].

Любое реформирование российского общества должно исходить из природы Русского государства и менталитета русского народа. Поэтому вряд ли можно согласиться с мнением А.В. Оболонского, когда он пишет, что «внедрение в массовое сознание представлений об "особой цивилизации" и ее "особом пути" должно выполнить функцию санитарного кордона, препятствующего проникновению в Россию "чуждых" ей либеральных и демократических веяний» [11, с. 22]. Осознание особенностей Русского государства, по нашему мнению, не выполняет роль

санитарного кордона и дискредитации либерализма и демократии в обществе, а ведет к поиску модели реформирования, которая способствовала бы развитию государства и общества, а не его уничтожению, как это происходило дважды в XX в.

Мировой исторический процесс с большой долей достоверности доказал, что успешно решают сложные исторические задачи те народы, которые смогли сформировать в обществе инклюзивные институты, выступающие гарантом развития творческих, созидательных сил человека [1, с. 93-102, 124-125].

Россия не раз в своей истории приступала к реформированию российского общества с разными целями. Например, в эпоху Петра I была необходимость создать мощную военную промышленность и обеспечить геополитический суверенитет России в Европе. Петр III и Екатерина II провели ряд реформ, которые позволили ослабить контроль государства над дворянством, предоставив ему больше свободы и возможность раскрыть свой творческий потенциал. Отмена крепостного права Александром II, а также его последующие реформы способствовали развитию капитализма в России, появлению мелкой и крупной буржуазии, рабочего класса, выходу России из состояния кризиса, а в первые десятилетия XX в. показали неплохие результаты своего экономического и социального развития.

Однако в XX в. с Россией злую шутку сыграла ее природа власти, которую так и не поняли элиты русского общества. Политические элиты, приступив к реформированию русского общества в феврале 1917 г. и советского общества в 1989 г., брали за образец буржуазные реформы стран западной демократии. Особое внимание уделялось таким направлениям реформирования Русского государства, как разделение властей, выборы и перевыборы властей всех уровней, плюрализм общественного мнения, ограничение влияния государства на социально-экономические и социально-политические процессы в стране, развитие гражданского общества и т.д. Однако и русскими, и советскими реформаторами не учитывался факт разной природы русского и западного государства. Как было отмечено, главным институтом в русском обществе, который отвечает за все, выступает государство, и поэтому любая потеря контроля со стороны государства над общественными процессами приводит общество к глубоким кризисам, которые сопряжены, как показала история, с потерей государства и государственности.

Отстранение императора от власти и реформы, проводимые Временным правительством России в 1917 г., привели к уничтожению Российской империи, установлению диктатуры пролетариата и учреждению нового государства. Советская власть довела до совершенства природу Русского государства, когда централизация власти была вне всяких пределов, а «лишние люди» были почти ликвидированы как паразитирующий класс в обществе, их количество свели к минимуму. Однако столкнувшись с новыми вызовами и неспособностью их разрешить в рамках советской системы, советское руководство, приступив в 1985 г. к реформированию общества, вновь за основу берет опыт стран западной демократии и не учитывает роль Советского государства в жизни общества, а также изменившийся менталитет советского человека. Если после Революции 1917 г. в России были социальные группы так называемых лишних людей, их представителями выступали мелкая и крупная буржуазия, зажиточные крестьяне, интеллигенция, которые являются объективными носителями демократических ценностей, то в Советской России таких социальных групп не было. Все они были уничтожены, следовательно, в обществе не существовало социальных групп, которые не только выступили бы социальной основой для либерализма и демократии, но и были бы последовательными проводниками этих идей в обществе.

Драматические события 90-х годов прошлого столетия еще раз показали, что уход государства от активной роли в жизни общества и передача ряда своих полномочий институтам гражданского общества не способствуют быстрому решению сложных вопросов, с которыми сталкивается российское общество. Российское гражданское общество не имело опыта функционирования в договорном государстве, не имело практики самостоятельного решения сложных общественных задач, оно очень поверхностно относилось к поиску решения сложных задач. Противостояние исполнительной и законодательной ветвей власти закончилось в октябре 1993 г. расстрелом Верховного Совета Российской Федерации. Законодательная власть была дискредитирована в глазах общественного мнения средствами массовой информации. Представительный орган власти стал обвиняться во многих просчетах верховной власти, все это не укрепляло авторитет демократических институтов в российском обществе. В декабре 1994 г., не найдя мирного способа урегулирования конфликта с Чеченской Республикой, центральная власть начала вооруженный конфликт с сепаратистами. В 1998 году произошел дефолт, после которого российское правительство было неспособно платить как по внешним, так и по внутренним займам. В 1999 году последовало нападение чеченских боевиков на Дагестан, что означало прямой вызов суверенитету Российского государства. Таким образом, новое государство продемонстрировало неспособность, опираясь на демократические процедуры, решать сложные вопросы российского бытия. Общество и сама государственность вновь, как это было

не раз в ее истории, оказались перед новой угрозой существования.

Переизбрание Президента Российской Федерации в 2000 г. и вступление в эту должность В.В. Путина привели, как показали дальнейшие события, к изменению функционирования современного Российского государства. Президент В.В. Путин, опираясь на полномочия, предоставленные ему Конституцией Российской Федерации, начал укреплять власть центра. Однако создать модель развития России с опорой на ее исторический опыт ни президент, ни политический класс до сегодняшнего дня так и не смогли.

Ряд исследователей считают, что в обществе отсутствуют объективные и субъективные предпосылки для развития демократических процессов, и современный этап не оставляет другого пути, кроме как авторитарного [9, с. 84-97]. Кроме того, они указывают на ряд стран, которые, используя механизмы авторитарного управления обществом, смогли добиться значительных успехов в решении социально-экономических проблем и затем, опираясь на новый фундамент, обеспечить господство демократических институтов в государстве. Приводятся примеры: Чили и реформы, которые провел генерал Пиночет; Сингапур и реформы, которые провел Ли Куан Ю; а также Польша, Китай, Южная Корея. Успешность реформ в этих государствах имеет одну особенность, характерную для всех, а именно наличие определенных групп в обществе, которые напрямую не были встроены в государственное управление, но в то же время имели возможность оказывать большое влияние на принятие правительством тех или иных решений. Такие группы называются селекторатом, в них включают, например, военных в Чили, католическую церковь в Польше, военно-промышленные группы в Южной Корее, императора и его семью в Японии, а также группы влиятельных ученых, деятелей искусства и др. [15].

Для России этот опыт, по нашему мнению, не подходит, т.к., во-первых, у нас нет своего селектората, все олигархические группы 90-х годов были устранены от принятия политических решений. Военные не имеют исторического опыта борьбы за власть, у церкви нет авторитета, который позволил бы ей диктовать власти свои условия. Во-вторых, исторический опыт Российского государства таков, что, встав на авторитарный путь развития, оно не сможет из него выйти, потому что без давления селекторальных групп у него будут присутствовать иллюзии, что все вопросы решаются в рамках этого политического режима и что демократия – это вопрос вкуса, а не выбора. В то же время современное Российское государство должно реализовывать ту модель, которая развивает инициативу и творческий потенциал человека, и, что очень важно, общество должно видеть эти реформы и сравнивать их с предложенной моделью. И такой моделью для современной России может выступать только демократическая модель развития.

В современной политологии выделяют несколько моделей демократического развития государства – полиархии (Р. Даль), сообщительной демократии (А. Лапхарт) и делегативной демократии (Г.О. Доннелл) [7, с. 191-197]. Все эти модели демократических форм правления предоставляют гражданам право участвовать в выборах в представительные органы власти всех уровней. Им также предоставлено право контроля над деятельностью как государственных, так и муниципальных органов власти, гарантированы конституционность законодательства, функционирование оппозиционных политических партий и общественных движений.

Каждая из этих моделей имеет свои особенности, которые могут быть реализованы только в государствах, достигших определенного уровня социально-экономического развития и имеющих исторический опыт демократического обустройства своего общества. Так, например, полиархия и сообщительная демократия как модели демократического режима могут реализовать свои преимущества только в обществах открытого доступа. Такими обществами в современном мире выступают государства западной демократии. Западные государства после успешных буржуазных революций провели ряд радикальных реформ и обеспечили утверждение в общественном сознании основополагающих ценностей либеральной демократии: равенство всех граждан; отсутствие ограничений на занятие экономической, политической, религиозной и образовательной деятельностью; открытая для всех поддержка организационных форм в любом виде деятельности, безличный обмен и др. При этом действие принципа верховенства права беспристрастно обеспечено всем гражданам [10].

Современная Россия как по объективным, так и по субъективным основаниям не принадлежит к таким обществам открытого доступа. Сбросив оковы тоталитаризма и являясь наследницей авторитарных принципов обустройства общественной жизни, она должна решать вопросы создания условий для продвижения к обществу открытого доступа и развивать демократические процедуры, не свалившись при этом в пропасть тоталитаризма.

Оптимальной моделью общественного развития для решения этих задач, по нашему мнению, выступает делегативная модель демократии, теория которой разработана аргентинским политологом Г.О. Доннеллом. В его модели доминирующее положение в обществе занимает президент. Президент выбирается всеобщим голосованием граждан государства, следовательно, его легитимность более

значима, чем легитимность других выборных органов власти. Это как раз и налагается на традицию русской государственности, которая позволяет продолжить ее традицию, когда власть олицетворяется с первым лицом в государстве, при этом на него возлагается большая ответственность за все процессы, происходящие в обществе. Все политические институты общества действуют на легальной основе, их полномочия защищены конституцией, и они могут работать в границах государства. Взаимодействие субъектов политического процесса происходит на основе законодательства и по правилам и нормам, которые закрепляет государство [2]. Развивая эти и ряд других положений делегативной демократии, российское общество способно шаг за шагом на протяжении долгого исторического пути создавать фундамент инклюзивных институтов общества, которые не позволят свернуть с этого пути и вновь скатиться на привычную «русскую колею» авторитаризма.

О долгом пути движения российского народа к обществу открытого доступа и к полиархии как модели демократии пишет и В. Сурков, когда в современной модели государства выделяет следующие черты. Во-первых, все в ней подчинено одной цели – доверительному общению и взаимодействию президента и граждан Российского государства. Во-вторых, ветви власти не строятся на принципах разделения властей, как на Западе, они не являются ценностью сами по себе, они существуют только для того, чтобы обеспечить связь граждан с лидером страны. В-третьих, перенятые у Запада политические учреждения у нас считаются ритуальными. Особенность современной российской модели демократии состоит в том, что она направлена на «умение слышать и понимать народ, видеть его насквозь, на всю глубину и действовать сообразно… Она адекватна народу, попутна ему, а значит, не подвержена разрушительным перегрузкам от встречных течений истории. Следовательно, она эффективна и долговечна» [17]. По мнению автора, форма государственного правления сегодня такова, что она отвечает потребностям современного российского общества. Дальнейшее определение пути развития России будет зависеть от творчества российских масс, но то, что на этот выбор будут оказывать влияние политические традиции русского народа и природа Русского государства, сомнений не вызывает.

На особенности природы Русского государства и его определяющего воздействия на выбор политического курса указывают и Т. Сергейцев, Д. Куликов, П. Мостовой, когда утверждают, что «русское суверенное народовластие представляет собой цивилизационную альтернативу управляемой демократии. Именно его гарантом является современный русский государь, президент России Владимир Путин» [16, с. 27]. Западная демократия, представляя частные интересы собственников, фиксирует власть большинства, которое не может учитывать интересы всех, меньшинство должно подчиняться большинству и выполнять его волю. В отличие от западного государства, основанного на воле победившего большинства в ходе избирательных кампаний в институты государственной власти, Русское государство представляет интересы большинства в силу объективной природы своего существования, большинство не определяется выборами, оно выступает как основа народного государства. «Политика народного государства, – пишут Т. Сергейцев, Д. Куликов, П. Мостовой, – должна обеспечить устойчивое (иногда квалифицированное) большинство, которое всегда есть эффект признания политического авторитета народа его народным государством. Системная лояльность народа народному государству основана на признании последнего инфраструктурой исторического существования народа, системой его жизнеобеспечения» [16, с. 28].

Таким образом, формирование инклюзивных институтов в российском обществе на современном этапе развития возможно только с опорой на институт государства. Укрепление института государства – это не покушение на демократию, как пишут некоторые авторы, а учет исторических особенностей Русского государства, политической психологии народов России, в первую очередь русского народа. Будущее России будет определяться наличием успешного формирования инклюзивных институтов общества, развитие которых обеспечит появление в России нового человека, творческого, инициативного и ответственного за свою страну гражданина. Делегативная демократия позволит обеспечить реализацию в российском обществе не принципа разделения властей, как в договорном государстве, а принципа дополнения властей, реализация которого определяется самой природой Русского государства и отвечает современным требованиям развития российского общества. Реализация этого принципа позволит обеспечить в столь сложный период развития не борьбу властей, а поиск согласия и солидарности в решении сложных современных задач, с которыми сталкиваются как Российское государство, так и российское общество.

Литература

1. Аджемоглу Д., Робинсон Д.А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М., 2015.

2. Доннелл Г.О. Делегативная демократия. URL: https://info.wikireading.ru/241640 (дата обращения: 14.12.2020).

3. Ильин В.И. Структура исторической колеи в России: проблемы методологии // Мир России. Социология. Этнология. 2017. Т. 26. № 4. С. 30-50.

4. Макаренко В.П. Имперская телега, ее возницы и смазчики // Политическая концептология. 2017. № 1. С. 6-13.

5. Макаренко В.П. «Свой чужой»: концепт русской власти // Политическая концептология. 2010. № 2. С. 130-174.

6. Махнач В. Историко-культурное введение в политологию. URL: http://www.kadet.ru/library/public/Machn/08.htm. (дата обращения: 07.11.2020).

7. Мухаев Р.Т. Политология: учебник. М., 2015.

8. Никольский С.А. Об архитектуре российской власти и общества, или Игры со Змеем Горынычем // Политическая концептология. 2017. № 3. С. 135-151.

9. Нисневич А.В., Рябов А.В. Постсоветский авторитаризм // Общественные науки и современность. 2017.

10. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. URL: https://royallib.com/get/fb2/nort_duglas/nasilie_i_sotsialnie_poryadki.zip (дата обращения: 15.10.2020).

11. Оболонский А.В. Идеологема особого пути, или «Особый путь» в цивилизованный тупик // Политическая концептология. 2018. № 2. С. 18-31.

12. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993.

13. Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. «Русская Система» как попытка понимания русской истории // Полис. Политические исследования. 2001. № 4. С. 37.

14. Плискевич Н.М. Трансформация системы власти-собственности в России: региональный аспект. Реформы и качество государства // Мир России. 2015. Т. 24. № 1. С. 8-34.

15. Розов Н.С. Будущее российской политики: глубокая колея авторитаризма и трудные перевалы восхождения к демократии. URL: https://politconcept.sfedu.ru/2009.3/14.pdf (дата обращения: 15.01.2021).

16. Сергейцев Т., Куликов Д., Мостовой П. Идеология русской государственности. Континент Россия. СПб., 2021.

17. Сурков В. Долгое государство Путина. URL: https://aurora.network/articles/10-vlast-i-obshhestvo/65230-dolgoe-gosudarstvo-putina/ (дата обращения: 15.12.2020).

Административное право и административный процесс

УДК 342.52:343.341

Я.А. Антонов
Барнаульский юридический институт МВД России
E-mail: antonovyan9089@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ

В статье рассмотрены особенности деятельности государственных органов в условиях особых правовых режимов. Также исследованы актуальные проблемы правоприменения в сфере противодействия терроризму как в теории, так и в практической деятельности правоохранительных органов.

Отражены проблемы как теоретического, так и прикладного характера, связанные с эффективностью функционирования государственной системы обеспечения основных прав и свобод граждан в период введения на всей территории Российской Федерации или её части особых правовых режимов. Проведен анализ некоторых основополагающих нормативных актов, регулирующих деятельность государственных органов власти и местного самоуправления на уровне муниципальных образований в сфере противодействия террористической угрозе. Обусловлена необходимость совершенствования единой системы противодействия терроризму и ее практического применения государством в интересах обеспечения конституционных прав и основных свобод, в т.ч. посредством четкого взаимодействия всех без исключения субъектов и институтов гражданского общества.

Ключевые слова: специальные правовые режимы, правовое регулирование, органы государственной власти, органы местного самоуправления, права и свободы граждан, противодействие терроризму.

Ya.A. Antonov
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: antonovyan9089@mail.ru

FEATURES OF THE ACTIVITIES OF STATE BODIES AND CURRENT PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT IN THE COUNTERING TERRORISM

The article considers the features of the activities of state bodies in the conditions of special legal regimes. The article also examines the current problems of law enforcement in the counter-terrorism sector, both in theory and in practice of law enforcement agencies. The article aims to systematize the norms of law in the countering terrorism.

The article reflects the problems of both theoretical and applied nature related to the effectiveness of the state system of ensuring the fundamental rights and freedoms of citizens during the introduction of special legal regimes in the Russian Federation or its part. The analysis of some fundamental normative acts regulating the activities of both state authorities and local self-government at the level of municipalities, as well as assistance to the authorities of individual citizens in the field of countering the terrorist threat, is carried out. It is pointed out that it is necessary to improve the unified system of countering terrorism and its practical effective functioning in the national interests of ensuring the constitutional rights and fundamental freedoms of the state through clear interaction of all subjects and civil society without exception.

Key words: special legal regimes, legal regulation, state authorities, local self-government bodies, civil and political rights, counter-terrorism.

В настоящее время в Российской Федерации благодаря сохранению и укреплению силовой составляющей борьбы с конкретными террористическими проявлениями особую значимость приобретает повышение эффективности деятельности государственных органов в условиях специальных правовых режимов.

По мнению Н.И. Матузова и А.В. Малько, правовой режим понимается как специфический механизм правового регулирования, особый порядок его функционирования, направленный на конкретные виды субъектов и объектов, применяемый не столько к отдельным ситуациям, сколько к более широким общезначимым социальным процессам (состояниям), в рамках которых данные субъекты и объекты взаимодействуют [19, с. 29].

Совершенствование государственной системы противодействия терроризму происходит благодаря деятельности специализированных профессиональных органов, которые осуществляют непосредственную борьбу с таким социальным феноменом, как терроризм. Так, одним из ключевых органов правоохранительной направленности в сфере борьбы с терроризмом выступает Национальный антитеррористический комитет, который учрежден по решению Президента Российской Федерации в 2006 г. Комитет возглавляется председателем в лице директора Федеральной службы безопасности России [7]. Главной задачей названного органа является координация и организация антитеррористической деятельности на всех уровнях. Кроме него, вопросами противодействия терроризму занимаются Федеральная служба безопасности России, Министерство обороны РФ, Министерство внутренних дел РФ, а также Федеральная служба войск национальной гвардии РФ. В частности, одним из последних актуальных примеров противодействия террористической угрозе является следующий: 01.04.2021 Федеральной службой безопасности Российской Федерации в Тверской области предотвращена подготовка террористического акта, планировавшегося членом запрещенной в Российской Федерации МТО «Исламское государство» на одном из объектов топливно-энергетического комплекса.

О существовании проблемы терроризма свидетельствуют данные официальной статистики, согласно которым мы и устанавливаем серьезность и опасность той или иной проблемы. Так, в соответствии с статистическими данными Министерства внутренних дел РФ за январь-декабрь 2018 г. было выявлено 2227, а раскрыто 735 преступлений террористического характера; а с января по декабрь 2019 г. тенденция совершения преступлений такого характера пошла на спад и составила: 1871 зарегистрированных и 843 раскрытых преступлений соответственно [5]. Эти данные говорят о том, что терроризм и сейчас является весьма злободневным явлением современности.

Говоря об общегосударственной системе противодействия терроризму, важно обозначить и ее правовую основу, поскольку это имеет определенное значение для осуществления деятельности по противодействию терроризму соответствующими субъектами.

Рассматривая нормативную правовую базу обеспечения государственной системы противодействия терроризму в РФ, необходимо в первую очередь упомянуть Конституцию Российской Федерации, в которой выделяются различные виды безопасности, например государственная и общественная безопасность, безопасность граждан.

Кроме того, важно подчеркнуть, что большой вклад в становление и развитие системы правового обеспечения национальной системы противодействия терроризму в РФ внесли и международные правовые акты, которые Россия ратифицировала, т.к. благодаря им нормы международного права легли в основу как Конституции РФ, так и всего законодательства страны касательно базовых прав человека и гражданина, а также их ограничений в сфере противодействия терроризму в РФ.

Так, среди основополагающих международных договоров в этой области можно назвать Декларацию о мерах по ликвидации международного терроризма 1994 г. [2], Международную конвенцию о борьбе с финансированием терроризма 1999 г. [4], Глобальную контртеррористическую стратегию Организации Объединенных Наций 2006 г. и некоторые другие [1].

Кроме того, правовая основа общегосударственной системы противодействия терроризму постоянно совершенствуется в целях повышения эффективности мер защиты человека, общества и государства от проявлений терроризма. В связи с этим в ходе осуществления своих функций по противодействию терроризму органы исполнительной власти РФ, государственной власти субъектов РФ, а также местного самоуправления принимают нормативные правовые акты, которые направлены на совершенствование деятельности субъектов по противодействию терроризму [20].

Так, существует ряд конституционных и федеральных законов, затрагивающих вопросы обеспечения противодействия терроризму в РФ. Среди них следует отметить Федеральный конституционный закон «О военном положении» [9], Федеральный конституционный закон «О чрезвычайном положении» [15], законы Российской Федерации «О средствах массовой информации» [13], «О государственной тайне» [10], федеральные законы «О противодействии терроризму» [11], «О связи» [12], «Об оборо-

не» [17] и ряд иных законов. Можно отметить, что ключевым является Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» [8], принятие которого ознаменовало значимый этап в становлении нормативного правового обеспечения противодействия терроризму в РФ. Именно в нем впервые были перечислены виды безопасности и обозначена правовая основа, а также механизм ее обеспечения.

Впоследствии в целях совершенствования правоотношений в данной сфере был издан Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (далее – Стратегия) [14], регулирующий вопросы планирования и развития системы национальной безопасности нашей страны. Данная Стратегия рассматривается как основа для взаимодействия органов государственной власти, организаций и общественных объединений Российской Федерации в области защиты национальных интересов и обеспечения безопасности личности, общества и государства от террористических угроз.

Кроме того, такой программный документ, как Концепция противодействия терроризму (далее – Концепция) [3], регламентирует функционирование в Российской Федерации на общегосударственном уровне единой системы противодействия терроризму.

Главная задача существующей системы в соответствии с Концепцией заключается в обеспечении единой государственной политики в сфере противодействия терроризму и национальной безопасности РФ, а также в защите основных прав и свобод человека и гражданина.

В ходе проведенного анализа закрепленной в Концепции единой общегосударственной системы противодействия терроризму можно сделать вывод, согласно которому данная структура представляет не простую совокупность организационно-структурных компонентов, образованную из субъектов противодействия террористической угрозе, а действующий механизм, направленный на защиту общества и государства от террористической угрозы.

В данный механизм наряду с субъектами, которые в соответствии со своими правовыми статусами осуществляют свою профессиональную деятельность по противодействию террористическим угрозам, входит разработанный комплекс мер по противодействию терроризму.

Указанные меры включают профилактику террористических угроз, выявление и пресечение террористической деятельности, минимизацию и ликвидацию последствий террористических актов.

Отметим, что под субъектами противодействия терроризму следует понимать органы государственной власти и местного самоуправления, уполномоченные на проведение необходимых комплексных мероприятий по противодействию терроризму. Также к ним следует отнести иных субъектов, в т.ч. негосударственные объединения и граждан, которые на добровольной основе оказывают как гласное, так и негласное содействие органам государственной власти в осуществлении необходимых мероприятий в сфере противодействия терроризму и защиты граждан [7].

В ходе анализа научной литературы выяснилось, что в науке не отражаются проблемные моменты и дискуссии, связанные с определением понятия субъектов противодействия терроризму, поскольку многие ученые полагают, что законодательная формулировка данного понятия весьма четко характеризует и в полной мере раскрывает его содержание [6, с. 32].

Можно определить и значение субъектов противодействия терроризму, которое включает, на наш взгляд, два аспекта. Во-первых, значение субъектов противодействия терроризму выражается в выявлении, предупреждении (профилактике), пресечении, раскрытии и расследовании преступлений террористического характера, а также в минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма. Во-вторых, их деятельность заключается в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации.

Система противодействия терроризму действует на трех уровнях – федеральном, уровне субъектов РФ и органов местного самоуправления. На федеральном уровне это уже упомянутый Национальный антитеррористический комитет. На уровне субъектов Российской Федерации деятельность по противодействию терроризму выполняют антитеррористические комиссии, возглавляемые высшими должностными лицами субъектов Российской Федерации. Их основной задачей является координация деятельности территориальных органов государственной власти, региональных органов исполнительной власти, а также местного самоуправления по профилактике терроризма и минимизации или ликвидации его последствий.

В настоящее время система работает эффективно как на федеральном, так и на региональном уровнях. Ярким примером работы региональной подсистемы противодействия терроризму является функционирование в Алтайском крае антитеррористической комиссии [16]. Она возглавляется губернатором края В.П. Томенко. Антитеррористическая комиссия Алтайского края создана распоряжением Администрации Алтайского края от 22.03.1999 № 249-р.

Наконец, на уровне местного самоуправления деятельность по противодействию терроризму выполняют антитеррористические комиссии соответствующих муниципальных образований, которые возглавляются должностными лицами этих же муниципальных образований.

Например, в городе Барнауле Алтайского края на основании решения Барнаульской городской Думы от 28.08.2013 № 159 «Об утверждении Положения о полномочиях органов местного самоуправления по участию в профилактике терроризма и экстремизма, а также в минимизации и (или) ликвидации последствий проявления терроризма и экстремизма на территории города Барнаула» органы местного самоуправления при участии в профилактике терроризма и экстремизма, а также в минимизации и (или) ликвидации последствий проявления терроризма и экстремизма на территории города Барнаула выполняют следующие задачи:

1) осуществление противодействия терроризму в пределах своих полномочий;

2) участие в противодействии экстремистской деятельности в пределах своих полномочий;

3) информирование населения города Барнаула о возможности совершения (совершении) террористического акта;

4) содействие правоохранительным органам в выявлении правонарушений и преступлений данной категории, а также участие в минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма и экстремизма;

5) пропаганда толерантного поведения людей различных национальностей и религиозных конфессий;

6) воспитательная работа среди детей и молодежи, направленная на устранение причин и условий, способствующих совершению действий экстремистского характера;

7) осуществление иных профилактических, в т.ч. воспитательных и пропагандистских, мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности.

Для решения указанных выше задач органы местного самоуправления города Барнаула вправе принимать решение о привлечении граждан к выполнению на добровольной основе социально значимых для города работ, например дежурств граждан, при необходимости участия в мероприятиях по профилактике терроризма и экстремизма, а также в целях минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма и экстремизма на территории города Барнаула [18].

Таким образом, система субъектов противодействия терроризму является весьма структурированной и логичной, поскольку органы и организации различных уровней выполняют одни и те же функции, которые зависят от масштаба их деятельности, преследуя одинаковые цели.

Обобщая положения настоящей статьи, отметим, что вопросы, связанные с системой противодействия терроризму, имеют четкое законодательное закрепление, отраженное в выстроенной функциональной структуре действующих субъектов. Данное утверждение, на наш взгляд, является весьма значимым, поскольку в таких важнейших вопросах, как борьба с терроризмом, нельзя допускать законодательных пробелов, которые могут привести к неоднозначному толкованию, в т.ч. и при классификации системы и уровней функционирования субъектов противодействия терроризму со стороны ученых-исследователей.

Литература

1. Глобальная контртеррористическая стратегия Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 8 сентября 2006 г. № 60/288. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

2. Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма: одобрена резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 49/60 от 9 декабря 1994 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

3. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации: утв. Президентом РФ 05.10.2009 // Российская газета. 2009. 20 окт. № 198.

4. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма: принята резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1999 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

5. Министерство внутренних дел. Статистика и аналитика. URL: https: // xn--b1aew.xn--p1ai / Deljatelnost / statistics (дата обращения: 30.04.2021).

6. Мисроков Т.З. Органы местного самоуправления как субъекты противодействия терроризму: легитимация и особенности организации деятельности // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2018. № 4. С. 32-34.

7. Национальный антитеррористический комитет РФ. Информационные материалы антитеррористическим комиссиям в субъектах Российской Федерации. URL: http: // nac.gov.ru/ (дата обращения: 30.04.2021).

8. О безопасности [Электронный ресурс]: федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

9. О военном положении [Электронный ресурс]: федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ (с изм. и доп.). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

10. О государственной тайне [Электронный ресурс]: Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-I (с изм. и доп.). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

11. О противодействии терроризму [Электронный ресурс]: федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

12. О связи [Электронный ресурс]: федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

13. О средствах массовой информации [Электронный ресурс]: Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-I. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

14. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

15. О чрезвычайном положении [Электронный ресурс]: федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ (с изм. и доп.). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

16. Об аппарате антитеррористической комиссии Алтайского края: указ губернатора Алтайского края от 16.04.2018 № 50. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 30.04.2021).

17. Об обороне [Электронный ресурс]: федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

18. Об утверждении Положения о полномочиях органов местного самоуправления по участию в профилактике терроризма и экстремизма, а также в минимизации и (или) ликвидации последствий проявления терроризма и экстремизма на территории города Барнаула: решение Барнаульской городской Думы от 28.08.2013 № 159. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 30.04.2021).

19. Теория государства и права: учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько. М., 2007.

20. Устинов В.В. Международный опыт борьбы с терроризмом. Стандарты и практика. М.: Юрлитформ, 2002.

УДК 342.951:351.82

А.Г. Бачурин, *канд. юрид. наук*
Барнаульский юридический институт МВД России
E-mail: vooky22@yandex.ru;
И.П. Петухов
ГУ МВД России по Алтайскому краю
E-mail: champion_33@mail.ru

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ ПО Ч. 2 СТ. 12.27 КОАП РФ

В статье рассматриваются отдельные аспекты деятельности полиции по обеспечению безопасности дорожного движения как приоритетного направления государственной политики. В содержание данной политики входит противодействие причинам и условиям дорожно-транспортных происшествий. Изучаются вопросы административной ответственности за оставление места дорожно-транспортного происшествия. Рассматривается деятельность полиции по установлению и привлечению к ответственности лиц, скрывшихся с места дорожно-транспортного происшествия. Раскрывается юридический состав административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 12.27 КоАП РФ. Анализируются статистические данные и судебная практика по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 2 ст. 12.27 КоАП РФ. Констатируется наличие имеющихся противоречий в судебных решениях, касающихся положения потерпевшего как участника производства по делам об административных правонарушениях по ч. 2 ст. 12.27 КоАП РФ. На основании данного анализа выделяются недостатки правоприменения, делается мотивированный авторский вывод о необходимости совершенствования административно-правовых норм и выработки единой судебной практики.

Ключевые слова: обеспечение безопасности дорожного движения, полиция, дорожно-патрульная служба, дорожно-транспортное происшествие, состав административного правонарушения.

A.G. Bachurin, *Candidate of Juridical Sciences*
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: vooky22@yandex.ru;
I.P. Petykchov
Russian MIA General Administration for the Altai Region
E-mail: champion_33@mail.ru

SEPARATE ISSUES OF APPLICATION OF THE LEGISLATION ON ADMINISTRATIVE OFFENSES UNDER PART 2 OF ART. 12.27 ADMINISTRATIVE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article examines certain aspects of the police activity to ensure road safety as a priority direction of state policy. The content of this policy includes counteracting the causes and conditions of road traffic accidents. Issues of administrative responsibility for leaving the scene of a road traffic accident are being studied. The article considers the activity of the police to identify and prosecute persons who fled from the scene of a road traffic accident. The legal structure of an administrative offense under Part 2 of Art. 12.27 of the Administrative Code of the Russian Federation. Statistical data and judicial practice in cases of administrative offenses under Part 2 of Art. 12.27 of the Administrative Code of the Russian Federation are analyzed. The presence of existing contradictions in court decisions concerning the position of the victim as a participant in proceedings on cases of administrative offenses under Part 2 of Art. 12.27 of the Administrative Code of the Russian Federation. On the basis of this analysis, the shortcomings of law enforcement are highlighted, a motivated author's conclusion is made about the need to improve administrative and legal norms and develop a unified judicial practice.

Key words: road safety, police, road patrol service, road traffic accident, administrative offense, victim.

Повышение безопасности дорожного движения объявлено одним из приоритетных направлений государственной политики [14]. Конечная цель названного направления деятельности – «изменение поведения всех участников дорожного движения с целью безусловного соблюдения норм и правил дорожного движения» [6, с. 10], а также повышение защищенности от дорожно-транспортных происшествий и их последствий. Для достижения данной цели требуется согласованная, высокоэффективная работа всех заинтересованных субъектов, прежде всего законодательных и правоохранительных органов [17, с. 64], в т.ч. и полиции, одно из основных направлений деятельности которой – обеспечение безопасности дорожного движения. Важность данной деятельности определяется тем, что она непосредственно «связана с обеспечением безопасности граждан, соблюдением их конституционных прав и свобод, реализацией социально-экономической политики устойчивого развития Российской Федерации» [5, с. 67]. Согласимся с мнением Ю.Н. Калюжного, который обоснованно утверждает, что «безопасность дорожного движения является самостоятельным видом безопасности, затрагивающим значительный спектр общественных отношений, урегулированных государством для обеспечения состояния защищенности в первую очередь личности и социума от рисков и угроз сферы дорожного движения» [4, с. 4].

В рамках обеспечения безопасности дорожного движения полиция реализует широкий круг обязанностей, в т.ч. связанных с выявлением и пресечением административных правонарушений. Так, по итогам 2019 г. было выявлено 117 205 596 административных правонарушений в области дорожного движения [15], что свидетельствует о высоком уровне деликтности в данной сфере. Кроме того, следует учитывать огромную латентность рассматриваемых противоправных деяний: выявляется не более 15-20% совершенных нарушений [16, с. 9].

Особую опасность представляют собой административные правонарушения, связанные с дорожно-транспортными происшествиями (далее – ДТП). К числу таковых относится правонарушение, закрепленное в ст. 12.27 КоАП РФ «Невыполнение обязанностей в связи с дорожно-транспортным происшествием».

Часть 2 названной статьи предусматривает ответственность за оставление водителем места дорожно-транспортного происшествия, участником которого он являлся. Так, согласно п. 2.5 Правил дорожного движения [12] (далее – ПДД) при дорожно-транспортном происшествии водитель, причастный к нему, обязан немедленно остановить (не трогать с места) транспортное средство, включить аварийную сигнализацию и выставить знак аварийной остановки. Зачастую водители-правонарушители в попытке избежать ответственности игнорируют предписанные ПДД обязанности и скрываются с места ДТП. Кроме того, полицейская практика показывает, что, как правило, с места ДТП скрываются водители, находящиеся в состоянии опьянения, а также водители, не имеющие документов на право управления или полиса автогражданской ответственности. То есть это именно те лица, чье противоправное поведение наиболее опасно для других участников дорожного движения.

Так, в 2020 г. таких правонарушений в Российской Федерации было зафиксировано 12 473, причем речь идет о ДТП с пострадавшими, в числе которых погибли 673 человека [13]. В г. Барнауле в 2020 г. было получено 2158 сообщений о ДТП, где один из участников скрылся, в данных ДТП погиб один человек, ранено – 133[1].

Обязанность по розыску участников дорожного движения, скрывшихся с мест дорожно-транспортных происшествий, возложена на Государственную инспекцию безопасности дорожного движения МВД России (далее – ГИБДД МВД России) [9] и её структурные подразделения, в частности на полки, батальоны, роты, взводы дорожно-патрульной службы ГИБДД (далее – ДПС ГИБДД) [11] территориальных органов МВД России. Так, в состав отдельного батальона ДПС ГИБДД УМВД России по г. Барнаулу входит группа по розыску, основным направлением деятельности которой является установление водителей, оставивших в нарушение п. 2.5 ПДД места ДТП, участником которого они являются, и привлечение их к предусмотренной законом ответственности.

Одним из основных критериев оценки деятельности подразделений ГИБДД территориальных органов МВД России является количество отмененных или прекращенных в судах материалов по делам об административных правонарушениях [2].

Проведенный анализ показывает, что одной из причин прекращения мировыми судьями производства по делам об административных правонарушения по ч. 2 ст. 12.27 КоАП РФ является неустановление потерпевших (собственников транспортных средств) при принятии решения о возбуждении дела об административном правонарушении по данной статье. Речь идет о ситуациях, когда водитель управляет автомобилем, зарегистрированным на имя другого гражданина (либо организацию, юридическое лицо), становится участником ДТП и оставляет место происшествия.

Судьями зачастую принимается решение о возвращении протокола и иных материалов дела об административном правонарушении должностным

[1] Справка о результатах работы группы по ИАЗ ОБДПС ГИБДД УМВД России по г. Барнаулу за 2020 г. Документ опубликован не был.

лицам ДПС ГИБДД для устранения имеющихся недостатков либо выносятся постановления о прекращении производства по делам об административных правонарушениях по причине неуведомления потерпевшего должностным лицом, составившим протокол, при отсутствии данных о потерпевшем в протоколе об административном правонарушении или в протоколе осмотра места совершения административного правонарушения.

Примерами данных решений являются: определение мирового судьи судебного участка № 3 Железнодорожного района г. Барнаула от 31.01.2019 [3], определение мирового судьи судебного участка № 5 Железнодорожного района г. Барнаула от 10.04.2018 [3], определение мирового судьи судебного участка № 10 Индустриального района г. Барнаула от 23.08.2017 [3], определение мирового судьи судебного участка № 2 Железнодорожного района г. Барнаула от 10.10.2017 [3].

В результате подобных решений судей ряд водителей, скрывшихся с места совершения ДТП, избежали ответственности. Зачастую виновные лица освобождались судьей от административного задержания прямо в здании суда в связи с тем, что в материалах отсутствуют данные об уведомлении собственника транспортного средства о составлении протокола. Такая ситуация наиболее характерна для случаев, когда у физического лица в собственности имеется большое количество транспортных средств (владельцы транспортных компаний, такси и т.д.).

Принимая решение о прекращении производства по делу об административном правонарушении, судьи руководствовались п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении КоАП РФ» [10], в котором закреплено право потерпевшего на участие в деле об административном правонарушении. При этом потерпевшими признавались собственники транспортных средств, водители которых имеют право пользования и управления транспортным средством на законных основаниях и скрылись с места ДТП. Причем, требование об установлении собственника транспортного средства иного участника ДТП, водитель которого остался на месте, выполняя все предписания ПДД, не выдвигается. Согласно ст. 25.2 КоАП РФ потерпевшим является физическое или юридическое лицо, которому административным правонарушением причинен физический, имущественный или моральный вред. Потерпевший вправе знакомиться со всеми материалами дела об административном правонарушении, давать объяснения, представлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы, пользоваться юридической помощью представителя, обжаловать постановления по данному делу, пользоваться иными процессуальными правами в соответствии с КоАП РФ.

Вместе с тем следует отметить, что из анализа состава административного правонарушения по ч. 2 ст. 12.27 КоАП РФ следует, что объектом данного правонарушения являются общественные отношения в области безопасности дорожного движения, возникающие у лица, находящегося за рулем транспортного средства (т.е. водителя), в случае возникновения ДТП. Кроме того, причина практически каждого ДТП – нарушение конкретного пункта Правил дорожного движения. Официальные данные свидетельствуют, что 85% всех ДТП происходит именно по этой причине [11]. Например, нарушение правил проезда перекрестков, нарушение расположения транспортных средств на проезжей части, движение с превышением установленной скорости, как следствие, происходит повреждение транспортного средства, на котором передвигается другой участник дорожного движения.

Объективная сторона противоправного деяния заключается в невыполнении действий, оговоренных в п. 2.5 ПДД. По конструкции объективной стороны состав является формальным, т.е. наличие ущерба обязательным не является. Это подтверждается судебной практикой, в которой указано, что к административной ответственности по анализируемой статье может быть привлечен водитель, допустивший нарушение требований ПДД, которое стало причиной ДТП с участием других транспортных средств, вне зависимости от того, вступило ли управляемое им транспортное средство в механическое взаимодействие с другими транспортными средствами, физическими лицами или материальными объектами, при условии, что этот водитель был осведомлен о факте ДТП и умышленно оставил место ДТП [8].

Оставлением водителем места ДТП, участником которого он являлся, признается его отсутствие при оформлении уполномоченными должностными лицами документов о ДТП либо до заполнения бланка извещения о ДТП в соответствии с правилами обязательного страхования автогражданской ответственности либо невозвращение водителя к месту ДТП после доставления им пострадавшего на своем транспортном средстве в лечебное учреждение в экстренных случаях.

Субъектом является лицо, управляющее транспортным средством, т.е. водитель. Субъективная сторона данного противоправного деяния – прямой умысел [18, с. 109]. При установлении вины водителя, оставившего место ДТП, должны учитываться все конкретные фактические обстоятельства. Например, характер и состояние дорожного покрытия, погодные условия, характер столкновения или наезда, размер причиненных повреждений.

В настоящее время за данное правонарушение предусмотрена санкция в виде лишения права управления транспортными средствами сроком от одного года до полутора лет или административный арест до 15 суток. Решение по рассматриваемой категории дел об административных правонарушениях в соответствии с ч. 1 ст. 23.1 КоАП РФ принимают мировые судьи по месту совершения административного правонарушения.

Рассмотрев юридический состав административного правонарушения по ч. 2 ст. 12.27 КоАП РФ, согласимся с мнением М.Я. Масленникова, согласно которому именно потерпевший, его права, законные интересы должны являться объектом противоправного деяния [7, с. 82]. Это, безусловно, должно предполагать возникновение обязанности государства по обеспечению защиты его прав и законных интересов. Однако составом ч. 2 ст. 12.27 КоАП РФ посягательство на права и законные интересы конкретного физического или юридического лица не предусмотрено вовсе. Кроме того, невыполнение обязанностей, связанных с ДТП, не может затрагивать права гражданина как потерпевшего, который на законных основаниях передал право пользования транспортным средством другому лицу, например, указав его в договоре обязательного страхования автогражданской ответственности [13].

Таким образом, считаем требование о необходимости уведомления собственника транспортного средства, на котором передвигалось виновное в ДТП лицо, необоснованным. Как правило, это приводит к волоките и затягиванию процесса разбирательства по делу об административном правонарушении и нарушает принцип неотвратимости административной ответственности, который обеспечивает «наказание для всех лиц, совершивших административные правонарушения» [1, с. 352].

Для того чтобы достичь реализации названного принципа, целесообразно разработать единый подход к практике рассмотрения дел об административных правонарушениях по фактам оставления места ДТП. В частности, исключив обязательность уведомления собственника транспортного средства должностными лицами полиции, ведущими производство по делам об административных правонарушениях по рассматриваемой статье КоАП РФ. Так как, по нашему мнению, данная обязанность должна исполняться лицами, ставшими участниками ДТП и пользующимися транспортными средствами на законных основаниях. Данный подход может быть закреплен в соответствующем постановлении Пленума Верховного Суда РФ, официальных методических рекомендациях МВД России.

Литература

1. Братановский С.Н. Административное право. Общая часть: учебник. М.: Директ-Медиа, 2013. 921 с.

2. Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 31.12.2013 № 1040. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». URL: https://sudrf.ru.

4. Калюжный Ю.Н. Безопасность дорожного движения как компонент системы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Транспортное право. 2020. № 4. С. 3-7.

5. Калюжный Ю.Н. Основные законодательные инициативы, связанные с фиксацией административных правонарушений в области дорожного движения техническими средствами // Российская юстиция. 2019. № 4. С. 67-70.

6. Майоров В.И., Иванова С.И. Стратегия безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018-2024 годы: основные риски // Административное право и процесс. 2018. № 11. С. 9-14.

7. Масленников М.Я. Потерпевший по делу об административном правонарушении // Административный процесс: теория и практика / отв. ред. А.С. Дугенец. М.: НОУ Школа спецподготовки «Витязь», 2008. С. 81-90.

8. О дополнительных мерах по обеспечению безопасности дорожного движения (вместе с Положением о Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации) [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 15.06.1998 № 711. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 20. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении КоАП РФ [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. О некоторых организационных вопросах деятельности строевых подразделений дорожно-патрульной службы Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 28.08.2018 № 559. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. О Правилах дорожного движения (вместе с Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения) [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств [Электронный ресурс]: федеральный закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Об утверждении Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018-2024 годы: распоряжение Правительства РФ от 08.01.2018 № 1-р. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 23.01.2018).

15. Официальный сайт ГИБДД МВД России. URL: http://stat.gibdd.ru/ (дата обращения: 16.12.2020).

16. Россинский Б.В. Административные наказания в сфере дорожного движения и аварийность на автомобильном транспорте // Административное право и процесс. 2014. № 5. С. 8-17.

17. Хусяйнова С.Г. О состоянии законности в сфере обеспечения безопасности дорожного движения // Российская юстиция. 2020. № 11. С. 64-67.

18. Чучаев А.И. Оставление места совершения дорожно-транспортного происшествия // Уголовное право. 2020. № 1. С. 105-112.

УДК 342.951
М.А. Бучакова, *доктор юрид. наук, доцент*
Омская академия МВД России
E-mail: mb290163@mail.ru

ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ И ИХ ЗАЩИТА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

В статье рассматривается и анализируется проблема защиты персональных данных граждан Российской Федерации в условиях цифровизации современного российского общества. Автор указывает на необходимость использования новых информационно-коммуникационных технологий в сфере государственного управления, что, по нашему мнению, обеспечивает прозрачность осуществляемых органами государственной власти административных процедур при условии надежной защиты персональных данных граждан Российской Федерации. Представлено правовое регулирование вопросов, связанных с защитой персональных данных граждан на современном этапе. Сделаны обоснованные выводы о необходимости повышения эффективности механизма защиты персональных данных, анализируются результаты контрольно-надзорной деятельности Роскомнадзора. В заключение автор пришел к выводу о том, что защита персональных данных в условиях цифровизации общества основывается на сочетании частно-публичных интересов лиц при соблюдении прав субъекта персональных данных с закреплением правил взаимодействия пользователей и обрабатывающих данные компаний.

Ключевые слова: регламент, цифровизация общества, правовое регулирование в сфере оборота персональных данных, информационно-коммуникационные технологии.

M.A. Buchakova, *Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor*
Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia
E-mail: mb290163@mail.ru

PERSONAL DATA AND ITS PROTECTION IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF SOCIETY

The article examines and analyzes the problem of protecting the personal data of citizens of the Russian Federation in the context of digitalization of modern Russian society. The author points out the need to use new information and communication technologies in the field of public administration, which, according to the author of the article, ensures the transparency of administrative procedures carried out by public authorities under the conditions of reliable protection of personal data of citizens of the Russian Federation.

The legal regulation of issues related to the protection of personal data of citizens at the present stage is presented. Reasonable conclusions are made about the need to improve the effectiveness of the mechanism for protecting personal data, the results of the control and supervisory activities of Roskomnadzor are analyzed. It is concluded that the protection of personal data in the context of the digitalization of society is based on a combination of private-public interests of individuals while respecting the rights of the subject of personal data, as well as the consolidation of the rules for interaction between users and data processing companies.

Key words: regulations, digitalization of society, legal regulation in the field of personal data circulation, information and communication technologies.

Развитие современного общества сопровождается использованием новых информационных и коммуникационных технологий, которые активно внедряются в государственное и муниципальное управление, во все сферы экономики и банковского дела, аграрный сектор, вопросы национальной безопасности государства и правопорядка. Потребность в использовании новых информационно-коммуникационных технологий обусловлена тем, что их применение не только меняет сам способ управления общественными процессами, позволяя значительно повысить эффективность всех сфер деятельности, но и обеспечивает прозрачность осуществляемых административных процедур.

Стратегия развития информационного общества в России на 2017-2030 гг. направлена на обеспечение свободного доступа граждан и организаций, органов государственной власти Российской Федерации, органов местного самоуправления к информации на всех этапах ее создания и распространения [9]. Данный документ определил не только пути безопасной обработки информации (включая ее поиск, сбор, анализ, использование, сохранение и распространение), но и направляет на то, что применение новых технологий должно соответствовать интересам общества.

Цифровизация общества в России с использованием новых технологий способствовала непосредственному контакту органов публичной власти с гражданами, коммерческими и иными организациями. Несомненно, цифровизация общества актуализирует вопрос о защите персональных данных индивидов. Так, совершение банковских операций по счету посредством мобильного приложения, биометрическая идентификация граждан в банковской сфере, приобретение товаров и услуг в сети Интернет, получение медицинских услуг с закреплением информации об этом в соответствующих информационных файлах, возможности по отслеживанию за передвижением граждан – все это подпадает под категорию персональных данных. Происходящие процессы использования новых информационных технологий имеют множество позитивных моментов, позволяющих оперативно и прозрачно решать управленческие задачи, оказывать различные услуги населению и пр. Одновременно они могут негативно отразиться на конфиденциальности персональных данных, основываясь на более широком подходе к исследуемой проблематике – неприкосновенности частной жизни, выступающей фундаментальным личным правом человека и гражданина.

В соответствии с ч. 1 ст. 23 и ч. 1 ст. 24 Конституции РФ каждый гражданин имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени. Сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются.

Значение персональных данных настолько велико, что включает в себя различную информацию, подпадающую под понятие «персональные данные». Исходя из определения «персональные данные», закрепленного Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее – Закон о персональных данных), эти сведения представляют собой любую информацию, относящуюся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных) [6]. Содержание данной информации относится к основным сферам жизнедеятельности общества: образованию, медицине, строительству, финансам и пр. Однако это понятие не конкретизировано и может возникнуть затруднение с отнесением той или иной информации об индивиде к данным, относящимся к его персоне. Ряд ученых считают необходимым рассматривать такую информацию как нематериальное благо. При этом стремительно развивающиеся технологии ведут к расширению понятия «персональные данные» с включением в него новых элементов, позволяющих идентифицировать индивида по различным параметрам: биометрическим данным, доходам, наличию собственности, уплаты налогов, наличию сведений о фактах привлечения к юридической ответственности, реквизитов банковских карт и счетов, иных сведений частной жизни и т.д.

Президент Российской Федерации В.В. Путин на рабочей встрече с представителями Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (далее – Роскомнадзор) обратил внимание на то, что в связи с цифровизацией отечественной экономики особенно актуальным является вопрос защиты персональных данных [2]. Проблематика защиты персональных данных имеет немаловажное значение не только для Российской Федерации, но и для всего мирового сообщества. В европейском законодательстве персональные данные индивида и их защита рассматриваются как основное право, поскольку оно опирается и проистекает из права на защиту частной жизни [13, с. 117]. Однако стремительная цифровизация практически всех сфер жизнедеятельности индивида приводит к тому, что информация, не подлежащая распространению и имеющая частный характер, в информационно-правовом пространстве начинает существовать по новым правилам, попадая в свободный доступ. Осознавая возможность открытого доступа в информационное пространство персональных данных и возможные последствия их использования, Российской Федерацией в 2005 г. была ратифицирована Конвенция Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональ-

ных данных [7]. К Конвенции Россия присоединилась еще в тот период, когда процессы цифровизации были в самом начале, не было отдельного законодательного акта в данной сфере, что свидетельствует об осознании значимости данной проблематики и необходимости защиты конфиденциальных сведений граждан. Следует отметить, что в Европе процессы цифровизации и связанная с ними потребность в защите персональных данных стали происходить значительно раньше, чем в России. Так, например, вышеуказанной Конвенцией 1981 г. в ст. 7 были установлены гарантии защиты личных сведений, хранящихся в автоматизированных файлах данных, и меры безопасности, направленные на предотвращение их случайного или несанкционированного уничтожения или случайной потери, а также направленные на недопущение незаконного доступа и обращения с ними. В мае 2018 г. в Европе был введен в действие новый документ, закрепляющий правила обработки персональных данных – Общий регламент по защите данных (далее – Регламент) [11]. В статье 4 Регламента под термином «персональные данные» понимается любая информация, относящаяся к идентифицированному или идентифицируемому физическому лицу. К информации, которая позволяет произвести идентификацию индивида, относятся: имя, идентификационный номер, сведения о местоположении, идентификатор в режиме онлайн, IP-адрес, данные, полученные при использовании cookie и т.д.

Новеллой Регламента стал новый подход к обработке персональных данных, предполагающий применение принципа экстерриториальности. Это обусловлено тем, что новые коммуникационные технологии, как правило, не имеют привязки к конкретной территории, что создает новый формат общения между различными субъектами, а также влияет на возможности использования конфиденциальных сведений других лиц. Высокая вероятность доступа к таким сведениям привела к усилению ответственности за нарушение правил обработки персональных данных. Так, в европейских странах штрафы к операторам, уполномоченным осуществлять обработку персональных данных, достигают 20 млн евро (около 1,5 млрд рублей). Достоинством Регламента является дифференцированный подход, применяемый к контролерам обработки данных, действующим в государственном и частном секторах. Дифференцированность также проявляется в разграничении категории персональных данных, как отмечалось выше, это данные разнонаправленного характера: о здоровье, генетические и биометрические данные, электронная почта и пр. Соответственно, разные виды сведений требуют и разного подхода к ним с применением соответствующих соразмерных средств защиты. О поиске необходимого баланса публичных и частных интересов в условиях применения современных технологий и одновременно потребности в защите частной жизни свидетельствует опыт различных государств и международных организаций. В частности, в Докладе Верховного комиссара ООН по правам человека был поставлен вопрос о защите прав человека в цифровой век [3].

Применительно к Российской Федерации в условиях очевидности фактов цифровой трансформации, в основе которой лежит система управления программой «Цифровая экономика» [8], потребность в защите персональных данных является наиболее актуальной. Не случайно Закон о персональных данных определил, что лица, виновные в нарушении требований его норм, несут предусмотренную законодательством Российской Федерации ответственность. В условиях возможного открытого доступа в информационном пространстве к персональным данным в России должны действовать своевременные и адекватные меры их защиты. Без сомнений, защита персональных данных должна осуществляться прежде всего нормами административного законодательства, основываясь на конституционных положениях о неприкосновенности частной жизни.

Цифровизация российского общества способствует развитию законодательства о персональных данных. Его нормы становятся более обширными и гибкими по отношению к применению информационных технологий. Так, Федеральным законом от 13 июля 2015 г. № 264-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» был установлен новый термин – «право на забвение» [10], вводящий ограничения в отношении информации в интернете. Введение данного специфического права было связано с тем, что информация, устаревшая, потерявшая актуальность, продолжала сохраняться в интернете, и ее легко можно было выявить. Следует отметить, что европейская практика ранее не раз сталкивалась с такими ситуациями, и разрешение их зачастую осуществлялось в судебном порядке. Большое значение в данном аспекте имеют решения Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ). Так, например, в одном из материалов «Кэтт против Соединенного Королевства» заявительница обратилась в суд, т.к. ее личные данные хранились в базе данных полиции в картотеке «внутренние экстремисты». ЕСПЧ поддержал заявительницу, подойдя к рассматриваемому материалу с учетом всех обстоятельств дела, и признал нарушение ст. 8 Европейской конвенции. ЕСПЧ принял во внимание возраст заявителя (94 года) и отсутствие обстоятельств, касающихся совершения насилия [5]. Российские граждане аналогичным образом стали

обращаться к операторам обработки персональных данных о реализации «права на забвение» по информации, касающейся их лично. Так, посредством обращения в суд был решен вопрос о непредоставлении личных сведений, связанных с преступным прошлым бизнесмена Михайлова Сергея. В 1990-е годы Михайлов был обвинен в отмывании денег в связи с солнцевской группировкой и арестован в Швейцарии. Суд присяжных оправдал Михайлова, однако информация об этих событиях в интернете была сохранена [1]. Несмотря на наличие «права на забвение», в российском законодательстве до настоящего времени возникают вопросы, связанные с его реализацией, прежде всего фактом достоверности информации, имеющей устаревший характер.

Меры административно-правовой защиты личных сведений граждан проявляются в контрольно-надзорной деятельности, осуществляемой Роскомнадзором, и выявлении фактов незаконной деятельности в области защиты информации. КоАП РФ за нарушение законодательства в области персональных данных предусмотрена административная ответственность в отношении должностных лиц, юридических лиц (ст. 13.11, 19.7.9), однако размер штрафа был незначительным [4]. Это неоднократно отмечалось учеными, подчеркивалось несоответствие между возможными последствиями административного правонарушения в области оборота персональных данных и штрафными санкциями [12, с. 29]. Несмотря на ужесточение санкции в КоАП РФ, проблемы, связанные с защитой персональных данных, являются неразрешенными. С одной стороны, активизация деятельности Роскомнадзора в данной сфере способствует защите предоставляемых сведений гражданами, с другой стороны, в условиях цифровизации общества увеличивается количество операторов, осуществляющих обработку персональных данных, что порождает и рост числа нарушений. Это, в свою очередь, усложняет надзор за ними со стороны уполномоченных органов в лице Роскомнадзора. Одновременно возникают проблемы, связанные с деятельностью иностранных компаний, действующих за пределами Российской Федерации, передающих информацию на территорию нашего государства с нарушением законодательно установленных требований. Ужесточение административных мер в отношении иностранного СМИ-агента, нарушающего закон, должно осуществляться посредством применения мер административной ответственности с назначением высокого размера штрафа и принятием организационных мер, связанных с ограничением доступа к обработке информации.

Таким образом, защита персональных данных в условиях цифровизации общества основывается на сочетании частно-публичных интересов при соблюдении прав субъекта персональных данных, включающих в себя как обработку персональных данных лица только с его согласия, так и закрепление правил взаимодействия пользователей и обрабатывающих данные компаний. Для совершенствования правового регулирования в сфере защиты персональных данных необходима классификация отдельных видов персональных данных: специальных, биометрических и др., с уточнением составляющих их элементов. Это должно найти отражение в понятийном аппарате Закона о персональных данных.

Литература

1. Бизнесмен Сергей Михайлов воспользовался «правом на забвение». URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/30/05/2016/574873bc9a79477bf8e5a75d (дата обращения: 01.03.2021).

2. Встреча с главой Роскомнадзора Андреем Липовым. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/63874 (дата обращения: 19.12.2020).

3. Доклад Управления Верховного комиссара ООН по правам человека от 30 июня 2014 г. A/HRC/27/37 «Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век». URL: http://https://www.ohchr.org.

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Кэтт (Catt) против Соединенного Королевства [Электронный ресурс]: постановление ЕСПЧ от 24.01.2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. О персональных данных [Электронный ресурс]: федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. О ратификации Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных [Электронный ресурс]: федеральный закон от 19.12.2005 № 160-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (вместе с Положением о системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации») [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 02.03.2019 № 234. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Об информации, информационных технологиях и о защите информации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2016/679 от 27 апреля 2016 г. о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий Регламент о защите персональных данных / General Data Protection Regulation /GDPR) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Солдатова В.И. Проблемы защиты персональных данных в условиях применения цифровых технологий // Право и экономика. 2019. № 12. С. 24-34.

13. Талапина Э.В. Защита персональных данных в цифровую эпоху: российское право в европейском контексте // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. № 5. С. 117.

УДК 351.745
А.Г. Гришаков, *канд. юрид. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России
E-mail: grischakow@buimvd.ru

ПРОФИЛАКТИЧЕСКИЙ ОБХОД АДМИНИСТРАТИВНОГО УЧАСТКА, ОСУЩЕСТВЛЯЕМЫЙ УЧАСТКОВЫМ УПОЛНОМОЧЕННЫМ ПОЛИЦИИ В ЖИЛОМ СЕКТОРЕ: ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ С ПОЛУЧЕННОЙ ИНФОРМАЦИЕЙ

Автор продолжает рассматривать специфику деятельности участкового уполномоченного полиции при проведении ежедневного профилактического обхода административного участка. В частности, проводится детальный анализ последовательности действий должностного лица при получении информации о лицах, пострадавших от преступлений или подверженных риску стать таковыми в силу их малолетнего либо престарелого возраста, а также имеющих психические расстройства. При этом обосновывается компетенция участкового уполномоченного полиции по оказанию как правовой, так и психологической поддержки таким лицам. Определяются специальные субъекты, на которых необходимо обращать внимание в рамках профилактического обхода, а именно лица без определенного места жительства и занятий. Разбираются факты антиобщественного или противоправного поведения жильцов квартир и домовладений, расположенных в границах территории жилого сектора; противоправного поведения жильцов квартир и домовладений, проявляющегося в самовольном занятии земельных участков под парковочные места личных автомобилей. В отдельных случаях антиобщественное поведение граждан проявляется в несоблюдении условий и правил содержания животных.

Ключевые слова: антиобщественное или противоправное поведение жильцов, ежедневный профилактический обход, лица, пострадавшие от преступлений, лица, имеющие психические расстройства, малолетние и престарелые лица, лица без определенного места жительства и занятий, участковый уполномоченный полиции, социальная адаптация, правила содержания домашних животных.

A.G. Grishakov, *Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor*
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: grischakov@buimvd.ru

PREVENTIVE INSPECTION OF THE ADMINISTRATIVE AREA CARRIED OUT BY THE DISTRICT POLICE OFFICER IN THE RESIDENTIAL SECTOR: FEATURES OF THE WORK WITH THE INFORMATION RECEIVED

The author continues to consider the specifics of the activities of the district police officer during the daily routine inspection of the administrative area. In particular, a detailed analysis of the sequence of actions of an official is carried out when obtaining information about persons who have suffered from crimes or are at risk of becoming such due to their young or elderly age, as well as having mental disorders. At the same time, the competence of the district police officer to provide both legal and psychological support to such persons is justified. Special subjects are identified, which should be paid attention to as part of the preventive detour, namely persons without a specific place of residence and occupation. The facts of antisocial or illegal behavior of residents of apartments and households located within the boundaries of the territory of the residential sector; illegal behavior of residents of apartments and households, manifested in the unauthorized occupation of land plots for parking spaces of personal cars, are analyzed. In some cases, anti-social behavior of citizens is manifested in non-compliance with the conditions and rules for keeping animals.

Key words: anti-social or illegal behavior of residents, daily preventive rounds, persons who have suffered from crimes, persons with mental disorders, young and elderly persons, persons without a specific place of residence and occupation, a district police officer, social adaptation, rules for keeping pets.

В настоящее время является актуальным вопрос оценки деятельности территориальных органов МВД России со стороны граждан, должностных лиц организаций, учреждений, предприятий и общественных объединений, в т.ч. в формировании позитивного общественного мнения о работе полиции. Не секрет, что участковый уполномоченный полиции является представителем органов внутренних дел, наиболее приближенным к населению и различным этническим группам, проживающим на административном участке. Безусловно, открытое взаимодействие сотрудника полиции с гражданами, выраженное в установлении партнерских и доверительных отношений, осуществляемое при каждодневном профилактическом обходе обслуживаемой территории, будет выступать ключевым фактором, формирующим доверие всех слоев населения участка к правоохранительным органам.

Представляется, что профилактический обход закрепленного участка является приоритетной формой несения службы участкового уполномоченного полиции, которая при грамотном планировании и распределении служебного времени, а также в сочетании с другими установленными формами и методами административной деятельности позволяет достичь наиболее эффективных результатов. Исходя из этого, можно предположить, что акцент в планировании служебного времени участкового уполномоченного полиции целесообразно делать именно на эту форму правоприменительной деятельности, сопоставляя с ней как срочные поручения, так и текущие задания. Более того, в целях оптимизации основных направлений деятельности службы при проведении профилактического обхода будет удобнее отработать материалы, находящиеся на исполнении. Например, провести опрос заявителей, потерпевших, очевидцев или свидетелей, составить протоколы по материалам дел об административных правонарушениях, осуществить проверку по месту жительства поднадзорных лиц и лиц, состоящих на профилактическом учете, провести индивидуальные профилактические беседы, выполнить иные мероприятия.

В своих научных работах мы уже обращались к особенностям проведения ежедневного профилактического обхода закрепленной территории [1, с. 51-58], в т.ч. заостряли внимание на отдельных аспектах своевременного принятия оптимальных решений при получении информации, представляющей оперативный интерес и оказывающей непосредственное влияние на текущее состояние правопорядка и его быстроменяющуюся динамику. В то же время отдельные элементы этой работы, не рассмотренные нами ранее, также требуют детального правового анализа, критической оценки и выработки научно обоснованных рекомендаций по ее осуществлению в ежедневной практической деятельности должностных лиц.

Итак, участковый уполномоченный полиции в процессе проведения профилактического обхода обслуживаемого участка уделяет особое внимание информации, полученной как лично, так и при общении с гражданами, о лицах, пострадавших от преступлений или подверженных риску стать таковыми в силу их малолетнего либо престарелого возраста, а также лиц, имеющих какие-либо психические расстройства. Очевидно, что всем указанным лицам должна быть своевременно оказана соответствующая правовая помощь в пределах компетенции участкового уполномоченного полиции.

В научных публикациях зачастую можно встретить высказывания о том, что данные вопросы традиционно рассматриваются в рамках криминальной виктимологии, изучающей лиц, пострадавших от преступных посягательств, которая аккумулирует всю совокупность знаний о жертве, особенностях ее личности и поведения до, во время и после совершения преступлений и представляет самостоятельный вид профилактики правонарушений. Такая профилактика направлена на выявление, устранение или нейтрализацию факторов, обстоятельств, ситуаций, формирующих виктимное поведение и обусловливающих совершение преступлений, выявление групп риска и конкретных лиц с повышенной степенью виктимности, разработку либо совершенствование уже имеющихся специальных средств защиты лиц от преступлений [2].

При получении информации о малолетних или престарелых лицах, подверженных риску стать пострадавшими от преступлений, участковый уполномоченный полиции должен учитывать, что возрастная виктимность, равно как и гендерная, сама по себе не означает фатальной опасности для лица подвергнуться посягательству. Между тем, как справедливо указывают некоторые исследователи [11, с. 177], у малолетних, несовершеннолетних и престарелых увеличивается возможность стать жертвой преступлений против жизни и здоровья только в связи с конкретными обстоятельствами их жизнедеятельности, на которые и должен ориентироваться сотрудник полиции. Кроме этого, риск подвергнуться преступному посягательству может возникнуть и у лиц, имеющих различные психические расстройства, проживающих в жилом секторе обслуживаемого участка (например, хищение имущества или денежных средств, мошеннические действия, причинение вреда здоровью и пр.). Следовательно, участковый уполномоченный полиции должен и в отношении данной категории лиц проработать комплекс адекватных средств защиты во взаимодействии с близкими лицами таких спецсубъектов, а также с заинтересо-

ванными учреждениями и организациями здравоохранения.

В связи с этим уместно напомнить, что помощь лицам, пострадавшим от правонарушений или подверженным риску стать таковыми, направлена на оказание правовой, социальной, психологической, медицинской и иной поддержки, осуществляемой в соответствии с законодательством [9], в целях минимизации последствий противоправных действий либо снижения риска стать пострадавшими. Полагаем, что участковый уполномоченный полиции при проведении ежедневного профилактического обхода своего участка компетентен оказывать не только правовую, но и психологическую поддержку указанным гражданам и их близким лицам.

Следующей категорией лиц, на которую необходимо обращать внимание в рамках профилактического обхода, являются лица без определенного места жительства и занятий, находящиеся на территории обслуживаемого административного участка. Указанные лица представляют группу населения, не имеющую регистрации по месту жительства, в т.ч. фактически утратившие право собственности на ранее принадлежавшие им дома, квартиры, комнаты либо иные жилые помещения, в которых они постоянно или преимущественно проживали. Заметим, что отсутствие регистрации у граждан, освобождающихся из мест лишения свободы, и выпускников детских домов также приводит к их включению в данную группу [2].

Ряд исследователей в своих научных работах выделяют две группы лиц, которых можно отнести к лицам без определенного места жительства. Так, по их мнению, одну группу составляют антисоциальные личности, становящиеся бомжами, как правило, добровольно или в силу каких-то субъективных обстоятельств, другую образуют граждане, ведущие нормальный образ жизни, не нарушающий общественных интересов, но становящиеся бомжами «по воле» законодателя. При этом антисоциальные личности могут иметь жилье, быть в нем зарегистрированными, иметь доходы в виде различного рода пособий и других социальных выплат, но в силу своих личностных проблем вести антисоциальный образ жизни, создающий проблемы для окружающих их людей. Такие личности, как правило, являются переносчиками инфекционных и венерических заболеваний, больны алкоголизмом или наркоманией, совершают правонарушения и преступления, живут в подъездах (подвалах, лифтовых кабинах, на чердаках) жилых домов, уличных переходах и других, не приспособленных для проживания местах [13].

Участковый уполномоченный полиции при профилактическом обходе административного участка должен ориентироваться в первую очередь на ту категорию лиц без определенного места жительства и занятий, которые ведут антисоциальный, аморальный, бродячий образ жизни, не имеют каких-либо средств к существованию, утратили семейные и социальные связи в обществе, а также трудовые правоотношения. Данные лица могут проживать в подвальных или чердачных помещениях многоквартирных жилых домов, в заброшенных, аварийных и не использующихся зданиях, строениях и сооружениях, в уличных теплотрассах, шалашах или землянках, возведенных в лесопарковой зоне, в т.ч. на территории городских мусорных свалок.

Вполне очевидно, что лица, проживающие «на улице», зачастую не только не имеют возможности нормально питаться, одеваться по сезону, ночевать в помещениях, отвечающих элементарным санитарно-гигиеническим нормам, но и не могут своевременно получить медицинскую и иную социальную помощь. Следовательно, гражданин, оказавшись в подобной экстремальной жизненной ситуации, будет вынужден совершать различные противоправные деяния в целях получения любых средств к существованию, позволяющих ему выжить. В этой связи считаем, что участковый уполномоченный полиции, выявив на обслуживаемой территории лиц без определенного места жительства и занятий, может использовать административно-предупредительные меры, направленные на информирование рассматриваемой категории граждан об учреждениях, оказывающих помощь в социальной адаптации. Такие меры, как правило, могут реализовываться участковым уполномоченным полиции в формах правового информирования или профилактической беседы [7, 9].

Профилактируемому лицу, оказавшемуся на улице вследствие различных жизненных ситуаций, прежде всего следует разъяснить, что отсутствие места жительства, работы и средств к существованию, которые ухудшают условия его жизнедеятельности, позволяет ему обратиться в соответствующие учреждения муниципального образования за социальным обслуживанием. При этом в каждом субъекте Российской Федерации [8] на основании примерного перечня социальных услуг [10] определяются мероприятия по социальной адаптации лиц без определенного места жительства и занятий, которые могут иметь незначительные отличия. Прежде всего гражданин может получить социально-бытовые услуги (предоставление определенной площади жилых помещений, обеспечение питанием и мягким инвентарем); социально-медицинские услуги (проведение первичного медицинского осмотра и первичной санитарной обработки); социально-правовые услуги (оказание помощи в оформлении и восстановлении утраченных документов, получении страхового медицинского полиса); социально-трудовые услуги (оказание

помощи в трудоустройстве, проведение мероприятий по использованию трудовых возможностей, обучение доступным профессиональным навыкам); социально-психологические услуги (консультационная психологическая помощь); срочные социальные услуги (предоставление ночлега и питания).

На наш взгляд, участковый уполномоченный полиции должен не только проинформировать лицо без определенного места жительства и занятий о видах услуг, предоставляемых в рамках социального обслуживания, но и объяснить, какие именно учреждения занимаются данной деятельностью в конкретном населенном пункте или муниципальном образовании и по какому адресу они расположены. На сегодняшний день в стране сложилось несколько типов учреждений для лиц без определенного места жительства и рода занятий, к которым относятся: дома ночного пребывания, социальные приюты, социальные гостиницы, центры социальной адаптации [3, с. 38]. Например, с 1998 г. в городе Барнауле функционирует «Центр социальной адаптации для лиц без определенного места жительства», который в круглосуточном режиме предоставляет рассматриваемым лицам различные социальные услуги в полустационарной форме и рассчитан на 72 койко-места [4].

Полагаем, что, проинформировав лиц без определенного места жительства и занятий, находящихся на территории обслуживаемого административного участка, о наличии вышеуказанных социальных учреждений, а также о порядке обращений за помощью, участковый уполномоченный полиции решает комплекс задач. Во-первых, осуществляет профилактику административных правонарушений и преступлений со стороны указанных лиц, во-вторых, исключает вероятность суицидальных актов, несчастных случаев и совершения насильственных преступлений в отношении этих лиц, в-третьих, вносит существенный вклад в оказание необходимой социальной помощи таким лицам, и наконец, помогает вернуться им к нормальной жизни в обществе.

Между тем, несмотря на меры, принимаемые государством в данном направлении, а также активную деятельность органов исполнительной власти в регионах, связанную с созданием и финансированием различных социальных учреждений, лица без определенного места жительства в преобладающем большинстве случаев не стремятся вернуться к нормальной жизни в социуме. Как показывает практика, данная категория лиц обращается за помощью в виде предоставления ночлега и питания исключительно в зимний период времени, при низких атмосферных температурных показателях, после чего возвращается к привычному для них антисоциальному образу жизни на улице. В связи с этим возникает вопрос о целесообразности функционирования данных социальных учреждений в существующей организационно-правовой форме, ежегодно затрачивающих серьезные финансовые вложения. Вероятно, в настоящее время действительно назрела необходимость пересмотреть позицию государства по отношению к имеющимся проблемам, связанным с ресоциализацией лиц без определенного места жительства и занятий в современном обществе.

Далее необходимо отметить, что участковый уполномоченный полиции при проведении профилактического обхода должен уделять не меньше своего внимания информации о случаях антиобщественного или противоправного поведения жильцов квартир и домовладений, расположенных в жилом секторе административного участка. Заметим, что такое поведение может не только проявляться в совершении административных правонарушений в отношении близких лиц или соседей виновного лица, а также быть направленным на нарушение общественного порядка или общественной безопасности, но и затрагивать различные гражданско-правовые отношения других собственников жилья многоквартирного дома. Мониторинг правоприменительной практики полиции показывает, что противоправное поведение жильцов квартир и домовладений в преобладающем большинстве случаев связано с нарушением жилищного и гражданского законодательства.

Так, нарушение прав и интересов других граждан может выразиться в виде использования жилого помещения не по прямому назначению, к примеру, в качестве гостиницы, хостела [12, с. 6-10], торгового офиса или складского помещения для хранения какой-либо продукции или материальных ценностей. Самовольное переустройство и реконструкция квартиры, нарушение внутренней планировки, содержание систем холодного и горячего водоснабжения, находящихся внутри жилья в ненадлежащем состоянии, воспрепятствование в обеспечении соседей коммунальными услугами, нарушение правил содержания общего имущества многоквартирного дома, проведение ремонтных работ в неустановленное время, безусловно, также будут противоправными. Более того, нарушение прав и интересов соседей будет возникать при несвоевременной оплате ежемесячных коммунальных платежей, предусмотренных на содержание общего имущества дома (например, на техническое обслуживание лифтов, мусоропроводов, уборку в подъездах, замену освещения, капитальный ремонт и пр.).

Антиобщественное или противоправное поведение собственников жилья многоквартирных домов может проявляться и в других часто встречающихся ситуациях, на которые неоднократно указывали исследователи в своих научных работах. В развитие этой темы нельзя не упомянуть мнение отдельных

авторов, полагающих, что самовольная установка перегородок и дверей в местах общего пользования может затруднить проход не только жильцам, но и специалистам управляющих организаций к некоторым элементам общего имущества дома в целях обследования, ремонта или уборки. Наконец, в незаконно отгороженной части подъезда может находиться и всевозможное инженерное оборудование (щитки, пролегать кабели и т.д.). Ярким примером указанных нарушений, допускаемых жильцами, является незаконный захват мест общего пользования и присоединение их к квартирам некоторых собственников. Так, в одном из многоквартирных домов на основании решения общего собрания несколько собственников присоединили к своим квартирам расположенные по близости технические помещения, где находится мусоропровод, возведя капитальную перегородку и поставив металлические двери, в результате остальным жителям подъезда был перекрыт доступ к мусоропроводу [5, с. 32].

Еще одной проблемой, связанной с противоправным поведением жильцов квартир и домовладений, повсеместно встречающейся в правоприменительной деятельности участковых уполномоченных полиции, проходящих службу в городах, является самовольное занятие гражданином земельного участка под парковочное место личного автомобиля на придомовой территории. Анализ таких правонарушений показывает, что в основном владельцы транспортных средств незаконно устанавливают различные элементы ограждения, навесы, металлические или бетонные столбики, цепи или тросы с замками, шлагбаумы и иные конструкции, препятствующие не только парковке, но и движению по придомовой территории автомобилей других собственников многоквартирного дома. Вышеперечисленные предметы ограждений также могут препятствовать проезду служебного транспорта экстренных служб при возникновении каких-либо чрезвычайных ситуаций, происшествий и несчастных случаев. В развитие темы нельзя не упомянуть, что «самовольное установление парковочных мест влечет не только привлечение незаконопослушного соседа к административной ответственности с наложением штрафных санкций, но и наложение обязанности по приведению придомовой территории в первоначальный вид, что также сопряжено с финансовыми затратами» [6, с. 68].

В отдельных случаях антиобщественное поведение жильцов квартир будет проявляться в нарушении правил содержания домашних питомцев, вследствие чего в жилых помещениях образуются антисанитарные условия, заводятся паразиты и грызуны, быстро мигрирующие в соседние квартиры, появляется стойкий зловонный запах, распространяющийся по всему подъезду, нарушаются санитарно-эпидемиологические нормы. Или владелец домашних животных может намеренно не соблюдать установленные законодательством требования при их выгуле, выраженные в свободном, неконтролируемом передвижении в лифтах и помещениях общего пользования многоквартирных домов, во дворах, на детских и спортивных площадках, а также не обеспечивать уборку продуктов жизнедеятельности животных в местах общего пользования. Самые безответственные лица могут вообще не осуществлять ежедневный выгул, тем самым создавая стрессовые условия для питомца. Неудивительно, что при таком безответственном содержании, например, собак лай животного в ночное время или ранние утренние часы будет нарушать тишину и покой граждан, проживающих по соседству в многоквартирном доме.

Все это так или иначе сказывается на уровне правопорядка в жилом секторе административного участка, несмотря на то, что рассмотренные нами проблемы затрагивают в преобладающем большинстве случаев гражданско-правовые отношения собственников жилья. Между тем ни для кого не секрет, что своевременно не принятые административно-предупредительные меры при проведении профилактического обхода могут повлечь за собой совершение не только административных правонарушений, но и преступлений. В связи с этим участковый уполномоченный полиции при получении информации о случаях антиобщественного или противоправного поведения жильцов квартир или домовладений должен незамедлительно срабатывать на опережение предполагаемых негативных последствий возникшей конфликтной ситуации.

Представляется, что будет вполне уместно провести профилактическую беседу или правовое информирование лица, допустившего антиобщественное или противоправное поведение о видах юридической ответственности за совершенные деяния. В случаях пренебрежительного отношения к домашним животным, а также к правилам их содержания в многоквартирном доме, кроме составления профилактической беседы с его владельцем, вполне уместно проинформировать о выявленных фактах имеющиеся в районе или городе общества по защите животных или иные зоозащитные организации.

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что профилактический обход административного участка проводится участковым уполномоченным полиции ежедневно во время исполнения им служебных обязанностей в соответствии с графиком несения службы, а также с учетом складывающейся оперативной обстановки [7]. Результаты профилактического обхода отражаются участковым уполномоченным полиции в электронном паспорте на административный участок, размещенном в модуле

«Участковый» сервиса обеспечения охраны общественного порядка МВД России. Работа в данном сервисе должна вестись каждым сотрудником полиции ежедневно, а ранее внесенная информация периодически проверяться и поддерживаться в актуальном состоянии.

Литература

1. Гришаков А.Г. Административная деятельность участкового уполномоченного полиции при проведении профилактического обхода в жилом секторе обслуживаемого участка // Алтайский юридический вестник. 2021. № 1 (33). С. 51-58.

2. Жеребцов А.Н., Помогалова Ю.В., Смоляров М.В. Комментарий к Федеральному закону от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (постатейный) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Карпухин Д. Нормативные и правоприменительные аспекты оказания социальной помощи лицам без определенного места жительства и рода занятий // Жилищное право. 2013. № 11.

4. КГБУСО «Центр социальной адаптации для лиц без определенного места жительства». URL: http://barnaul-csa.ru/svedeniya.

5. Кириченко О.В., Накушнова Е.В. Самовольное использование общего имущества многоквартирного дома // Семейное и жилищное право. 2020. № 5. С. 31-33.

6. Костылева И.А. Незаконные парковки: споры по их сносу // Жилищное право. 2019. № 1.

7. О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. О перечне социальных услуг, предоставляемых поставщиками социальных услуг в Алтайском крае: закон Алтайского края от 1 декабря 2014 г. № 93-ЗС // Алтайская правда. 2014. 6 дек. № 254.

9. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Об утверждении примерного перечня социальных услуг по видам социальных услуг: постановление Правительства РФ от 24 ноября 2014 г. № 1236 // Собрание законодательства РФ. 2014. № 48. Ст. 6872.

11. Пахомова Е.В. Социально-демографические и нравственно-психологические обстоятельства в аспекте личностной виктимности // Общество и право. 2011. № 2. С. 175-179.

12. Погодина И.В., Манохин В.С. Правовой и экономический эффект от введения запрета на размещение хостелов в многоквартирных домах // Туризм: право и экономика. 2020. № 1. С. 6-10.

13. Школяренко Е.А. Статус бездомных и лиц без определенного места жительства: необходимо четкое правовое регулирование // Журнал российского права. 2004. № 5. С. 63-70.

УДК 351.74

О.П. Карнаухов
Барнаульский юридический институт МВД России
E-mail: karnauhov.oleg@bk.ru

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОЙ ЗАЩИЩЕННОСТИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ

В статье рассматриваются проблемы совершенствования правовой защищенности сотрудников полиции в период выполнения ими служебных обязанностей при применении отдельных мер непосредственного принуждения, огнестрельного оружия. Изучение практики применения норм, регламентирующих правовую защищенность сотрудников полиции, позволяет утверждать, что в настоящее время остается актуальным и нерешенным ряд вопросов в данной сфере. В статье приводятся статистические данные, подтверждающие недостаточную защищенность сотрудников полиции от противоправных посягательств. Анализируются причины несовершенства норм законодательства и практики правоприменения. Отмечается низкий уровень юридической ответственности (санкций) за административные правонарушения и уголовно наказуемые деяния, совершенные в отношении сотрудников полиции. Автором анализируются не только правовое регулирование, но и тактика применения огнестрельного оружия, влияющие на уровень личной безопасности сотрудников полиции при выполнении служебных обязанностей. Предлагаются пути совершенствования повышения эффективности правоприменительной деятельности сотрудников полиции.

Ключевые слова: закон, сотрудник полиции, правовая защищенность, специальные меры административного принуждения, применение огнестрельного оружия, юридическая ответственность, гарантии правовой защиты.

O.P. Karnaukhov
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: karnauhov.oleg@bk.ru

SEPARATE ISSUES AND PROSPECTS FOR IMPROVING THE LEGAL PROTECTION OF POLICE EMPLOYEES WHEN USING A FIREWARE

The article deals with the problems of improving the legal protection of police officers during the period of their official duties, with the use of certain measures of direct coercion, firearms. The study of the practice of the norms regulating the legal protection of police officers allows us to assert that at the present time a number of issues in this area remain relevant and unresolved. The article provides statistical data on the insufficient protection of police officers from unlawful encroachments. The reasons for the imperfection of legislative norms and the practice of their application are analyzed. Insufficient legal responsibility (sanctions) for administrative offenses and criminal offenses committed against police officers is noted. The author analyzes not only the legal regulation but also the tactics of using firearms, which affect the level of personal safety of police officers in the performance of their official duties. The ways of improving the efficiency of law enforcement activities of police officers are proposed.

Key words: law, police officer, legal protection, special measures of administrative coercion, use of firearms, legal responsibility, guarantees of legal protection.

В соответствии с ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее – ФЗ «О полиции») полиция призвана защищать жизнь, здоровье, права и свободы граждан. Данное предназначение реализуется сотрудниками полиции при выполнении обязанностей, закрепленных в ч. 2 ст. 27, которая гласит, что сотрудник полиции «независимо от замещаемой должности, места нахождения и времени суток обязан в случае выявления преступления, административного правонарушения, происшествия принять меры по спасению гражданина, предотвращению и (или) пресечению преступления, административного правонарушения, задержанию лиц, подозреваемых в их совершении» [10]. В целях реализации приведенных выше обязанностей сотрудники полиции в соответствии с ч. 3 ст. 28 [10] наделены полномочиями по применению мер государственного принуждения. Речь идет о применении огнестрельного оружия, а также физической силы и специальных средств при обеспечении безопасности граждан и сотрудников полиции.

Вопросы, связанные с правовым регулированием отдельных мер непосредственного принуждения, в частности огнестрельного оружия, остаются одними из самых актуальных в административной деятельности полиции. Казалось бы, это право закреплено законодательством уже на протяжении длительного времени и должен быть уже отработан совершенный механизм его применения. Однако о проблемах в данной сфере свидетельствуют многочисленные факты гибели, ранений сотрудников полиции в период исполнения служебных обязанностей, а также значительное количество возбужденных уголовных дел по ст. 318-319 УК РФ [9]. Из обзоров ГУ МВД России по Алтайскому краю, в частности «О профилактике чрезвычайных происшествий» [9, с. 3-4], следует, что количество таких случаев в 2018-2020 гг. росло и оставалось непозволительно высоким.

В большей степени ранения и телесные повреждения сотрудники ОВД края получают при задержании правонарушителей, выяснении обстоятельств факта совершения противоправного деяния.

По итогам 11 месяцев 2020 г. в Алтайском крае по сравнению с аналогичным периодом прошлого года произошло увеличение на 4% (с 424 до 441) возбужденных уголовных дел по статьям 317-319 УК РФ [9].

В 2020 году от противоправных посягательств больше всего пострадало сотрудников подразделений ППСП – 68 (АППГ – 46), УУПиПДН – 48 (42), ДПС – 24 (26), УР – 10 (9), ДЧ – 3 (11). Приведем несколько примеров, 03.05.2020 гражданка в алкогольном опьянении ножом причинила поверхностную резаную рану на левой кисти и повредила форменное обмундирование сотруднику полиции МО МВД России «Поспелихинский», 12.07.2020 гражданин причинил телесные повреждения, нанеся два удара рукой в область головы, сотруднику УМВД России по г. Барнаулу, который с сотрясением головного мозга был госпитализирован в медучреждение.

Другой пример, 28.09.2020 гражданин, доставленный по подозрению в совершении преступления в дежурную часть, нанес несколько ударов рукой в область лица и живота сотруднику УМВД России по г. Барнаулу.

К сожалению, подобные ситуации не редкость как в Алтайском крае, так и по России в целом [3, с. 33]. Причиной получения телесных повреждений сотрудниками, как указывается в региональном обзоре ГУ МВД, является их личный непрофессионализм [9].

В Барнаульском юридическом институте МВД России было проведено анкетирование по теме, связанной с применением огнестрельного оружия сотрудниками полиции, в котором приняли участие обучающиеся факультетов заочного обучения, профессиональной (первоначальной) подготовки, переподготовки и повышения квалификации из различных регионов и подразделений ОВД в период с 2015 по 2020 гг. Исследование подтверждает, что полицейские недостаточно защищены при реализации служебных полномочий. При этом ими приводились обоснованные опасения о последствиях применения огнестрельного оружия в служебных целях.

В сети Интернет на протяжении последних лет нередко привлекают внимание граждан сообщения, подтвержденные видеосюжетами, о проблемах, связанных с применением полицией специальных мер пресечения, в частности о фактах недопустимой пассивности, откровенной боязни воспользоваться правом применения огнестрельного оружия в необходимых ситуациях [13, с. 8-9; 14; 15; 16].

Мы не раз обращали внимание на значимость профессиональной готовности полиции для выполнения служебных обязанностей [8-9]. Однако, как представляется, к причинам подобного положения относится также несовершенство законодательства и практики его применения. Так, неоднозначно трактуются положения законодательства, регулирующие порядок и основания применения огнестрельного оружия. Отсутствует их четкое нормативное регулирование и алгоритм действий сотрудников полиции при этом. Подтверждает вышеуказанное профессор А.И. Каплунов, который подчеркивает, что «неправомерное применение или неприменение огнестрельного оружия нередко происходит и потому, что отдельные нормы, предусматривающие основания и порядок применения огнестрельного оружия, не вполне понятны правоприменителю либо трудновыполнимы в экстремальной ситуации при дефиците времени для принятия решения, являются оценочными и могут быть по-разному истолкованы сотрудником ОВД

в момент применения им оружия и должностными лицами следствия, прокуратуры и суда при оценке правомерности действий сотрудника с учетом наступивших последствий» [5, с. 8].

Как примеры можно привести положения ч. 3 ст. 19 «Порядок применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия» ФЗ «О полиции». В них многозначная формулировка о том, что сотрудник полиции «действует с учетом создавшейся обстановки, характера и степени опасности действий лиц», дает возможные варианты оценивания с учетом субъективного мнения контролирующего лица. Пункт 1 ч. 1 ст. 23 обозначает как одно из оснований применения огнестрельного оружия следующее: «отражение посягательства, сопряженного с насилием, опасным для жизни или здоровья». Однако критерии этой опасности законодательно не установлены, соответственно, правильно определить её уровень в доли секунды и принять решение крайне сложно. В свою очередь, бездействие или запоздалое действие с пресечением насилия будет нести опасность для граждан и для сотрудника полиции.

Позицию судебного корпуса в рамках изучаемых вопросов выражает К.А. Волков, который обращает внимание на то, что важное место в нормах права, регулирующих порядок и основания специальных мер пресечения, занимает уголовный закон. А многочисленные проблемы в практике применения рассматриваемых мер связаны со сложностью понимания норм, исключающих преступность деяния (гл. 8 УК РФ) и, соответственно, с опасением наступления неблагоприятных правовых последствий для сотрудников полиции [2, с. 355].

Также причину сложившейся ситуации можно усматривать в наличии законодательных коллизий между УК РФ и законом «О полиции». Так, сотрудники полиции, находясь в состояниях, исключающих преступность деяния, более ограничены в правах, чем гражданские лица (необходимость стремиться к минимизации ущерба, другие ограничения и запреты в применении данных мер).

В постатейном комментарии к ФЗ «О полиции», подготовленном практическими работниками и такими учеными, как Ю.Е. Аврутин, С.П. Булавин, Ю.П. Соловей и В.В. Черников, разъясняется ряд важных положений гл. 5 о порядке и основаниях применения специальных мер пресечения, однако они являются лишь мнением авторов, а не юридическим закреплением воли законодателя [4, с. 231-258].

При обсуждении в средствах массовой информации вопросов, связанных с совершенствованием ОВД, члены Общественного совета при ГУ МВД России по г. Москве Шаркович Ю.А., Гриб В.В. и др. открыто высказались о проблемах в деятельности полиции при применении мер принуждения, а также о недостаточной правовой защищенности сотрудников полиции. Речь шла о необходимости конкретизации и расширения полномочий полиции, которые бы решили накопившиеся проблемы [17].

Мы поддерживаем мнение заместителя Министра МВД России И.Н. Зубова, заявившего, что опыт других стран показывает, что сотрудники правоохранительных органов должны пользоваться презумпцией доверия [8].

Поиск путей повышения правовой защищенности сотрудников полиции при применении мер принуждения можно увидеть в ряде законопроектов, вносящих изменения в ФЗ «О полиции». В пояснительных записках указывалось, что они направлены на «совершенствование практической деятельности сотрудников ОВД по предупреждению, пресечению преступлений, правонарушений, уточнение и детализацию их обязанностей и прав, исключение из отраслевого законодательства норм, которые носят неопределенный характер» [11, 12].

Представляют интерес поправки законопроекта № 147239-7 к ст. 30 «Гарантии правовой защиты сотрудника полиции», предлагающие внести в ч. 1.1 следующие дополнения: «1.1. Государство гарантирует презумпцию доверия и поддержку сотруднику полиции при выполнении им служебных обязанностей» [11], где понятие «презумпция доверия» к полицейским формулировалось следующим образом: «государство гарантирует презумпцию доверия и поддержку сотруднику полиции при выполнении им служебных обязанностей» и освобождает его от преследования за действия, совершенные при выполнении обязанностей, возложенных на полицию (если эти действия осуществлялись по основаниям и в порядке, установленным российским законодательством). Однако в последней редакции законопроекта № 955380-7 данная поправка уже отсутствует. Этот законопроект из планируемых ранее поправок оставил изменения лишь в части 2 статьи 24 и статьи 30, пытаясь укрепить правовое положение сотрудников [12]. Однако при внимательном изучении сути поправок законопроекта № 955380-7 видно, что они не внесут принципиальных изменений в плане правовой защищенности полицейского. Вероятно, препятствием в принятии предлагаемой поправки о презумпции доверия являются опасения в появлении случаев злоупотреблений полиции властью.

Отсутствие законодательно закрепленного института доверия к полиции вносит определенные трудности в правоприменительную деятельность. Как результат этого, наблюдаем повышенную ответственность сотрудников полиции и желание избежать применения отдельных мер принуждения даже в тех ситуациях, когда это необходимо [13, с. 8-9; 14; 15; 16].

Все вышеприведенное свидетельствует о давно назревшей необходимости пересмотреть отдельные аспекты правового регулирования в части применения мер непосредственного принуждения, в частности огнестрельного оружия. Необходимо совершенствование существующих административно-правовых норм в данной сфере. Важно соблюдать однозначность, в связи с чем следует конкретизировать главу 5 ФЗ «О полиции». Предлагаем внести изменение в п. 1 ч. 1 ст. 23 «Применение огнестрельного оружия» [10], изложив его в следующей редакции: «для защиты другого лица либо себя от посягательства, сопряженного с угрозой для жизни или здоровья». Данная формулировка внесет однозначность понимания того, что оружие может применяться при любом посягательстве, связанном с угрозой жизни или здоровья.

Кроме того, к причинам роста числа противоправных деяний в отношении сотрудников полиции при исполнении ими служебных обязанностей нужно отнести недостаточную юридическую ответственность виновных лиц. Установленное наказание предполагает профилактическую направленность с целью воздействия на конкретного правонарушителя в духе уважения к законам и лицам, представляющим государственную власть. Санкции должны отвечать требованиям эффективности профилактического характера как уголовного, так и административного наказания и последующего отказа от совершения аналогичных правонарушений. В качестве инструмента подобной защиты служебной деятельности сотрудника полиции выступает статья 19.3 КоАП РФ, в соответствии с которой за проявление различного рода неповиновения законным распоряжениям предусмотрена административная ответственность.

В практической деятельности неповиновение правонарушителя нередко переходит к активным насильственным действиям в отношении сотрудника ОВД. Поэтому важно, чтобы правонарушитель нес достаточную ответственность за такие действия. Привлечение к ответственности по указанной статье не в полной мере выполняет свое назначение ввиду незначительности штрафа. Так, в 2016-2020 гг. на территории Алтайского края из 2943 лиц, привлечённых к ответственности за совершение правонарушений, предусмотренных ст. 19.3 КоАП РФ, было назначено наказание в виде штрафа 2357 гражданам[1]. Повышение санкции от 2 до 4 тысяч рублей по данной статье в феврале 2021 г. подтверждает понимание законодателем незначительности ответственности, однако, на наш взгляд, и это является недостаточным. Представляя значимость ответственности за неповиновение законному распоряжению или требованию сотрудника полиции, а равно воспрепятствование исполнению им служебных обязанностей, предлагаем увеличить штраф от 5 до 10 тысяч рублей, а также административный арест на срок до тридцати суток. При отсутствии достаточного эффекта есть смысл для перевода данной нормы в уголовно наказуемое деяние.

Также мы предлагаем ряд мер по совершенствованию деятельности сотрудников полиции при применении отдельных мер принуждения и укреплению их правовых гарантий.

Большое значение будет иметь совершенствование норм по личной защищенности полицейского. Анализируя ситуации противоправных действий в отношении сотрудников полиции, можно прийти к выводу, что правонарушители наносили удары с близкой дистанции, входя в зону безопасности сотрудника. При сокращении такой дистанции сотрудник становится уязвимым для нанесения внезапного удара либо изъятия оружия. Предлагаем внести дополнение в п. 4 ч. 3 ст. 28 «Основные права сотрудника полиции» [10], изложив его в следующей редакции: «требовать от лиц, подозреваемых в совершении преступления, административного правонарушения, не приближаться к нему ближе указанного им расстояния». Нарушение этого требования будет давать право на применение физической силы, специальных средств, соответственно, при угрозе для жизни или здоровья может применяться огнестрельное оружие. Также лицо может быть уже привлечено к административной ответственности по ст. 19.3 КоАП РФ за неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции.

Необходимо разработать методические рекомендации по применению сотрудниками ОВД (полиции) специальных мер пресечения, в большей части по применению огнестрельного оружия. Целесообразно подготовить алгоритмы действий сотрудника полиции, связанные с ситуациями возможного применения огнестрельного оружия. В их основу можно положить многолетний положительный практический опыт, конкретные тактические методические рекомендации по применению рассматриваемых мер рядом авторов, в частности А.И. Каплуновым [5, с. 246-323; 4, с. 201-218]. Данные рекомендации должны быть одобрены органами, осуществляющими контроль и надзор за деятельностью ОВД, в частности прокуратурой, Следственным комитетом.

Кроме того, необходимо дополнить ч. 1.1 ст. 30, изложив её в следующей редакции: «1.1. Государство гарантирует презумпцию доверия и поддержку сотруднику полиции при выполнении им служебных обязанностей».

В части материально-технического обеспечения считаем важным обеспечить сотрудников полиции служебным огнестрельным оружием ограниченного

[1] Данные внутриведомственной отчетности ГУ МВД России по Алтайскому краю за 2016-2020 годы. Опубликованы не были.

поражения [10], а также специальными средствами нелетального действия, состоящими на вооружении (резиновые пули, электрошоковые устройства, контактные и бесконтактные и т.п.). Их применение дает возможность пресечения активных противоправных действий без необратимых последствий.

Таким образом, важно, чтобы сотрудник ОВД действовал инициативно, оперативно, выполняя порой опасные для жизни и здоровья служебные задачи. Для этого он должен быть полностью уверен в своей правовой защищенности [1, с. 48-49]. Сомнения и боязнь быть привлеченным к ответственности ведут, напротив, к отсутствию инициативы и порой к бездействию, что в конечном итоге приводит к проявлениям насилия в отношении полицейских, недостаточному уровню защищенности граждан.

Предложенные нами новеллы будут способствовать правовой защищенности сотрудников полиции при применении огнестрельного оружия и других мер непосредственного принуждения.

Литература

1. Анохин Ю.В., Анохина С.Ю. Правовая защищенность сотрудников полиции как гарантия успешной реализации их полномочий // Алтайский юридический вестник. 2017. № 2 (18). С. 48-52.

2. Волков К.А. Вопросы уголовно-правовой оценки применения сотрудниками полиции физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия // Теория и практика противодействия преступности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (к 95-летию со дня образования Дальневосточного юридического института МВД России): мат-лы международной научно-практ. конф-ции (Хабаровск, 22-23 сентября 2016 г.). Хабаровск: ДВЮИ МВД России, 2016. С. 354-356.

3. Заречнев Д.О., Левченко А.А., Федулов Б.А. Особенности правового обеспечения личной безопасности сотрудников полиции при выполнении служебно-боевых задач // Алтайский юридический вестник. 2020. № 1 (29). С. 32-35.

4. Комментарий к Федеральному закону «О полиции» (постатейный) / Ю.Е. Аврутин, С.П. Булавин, Ю.П. Соловей, В.В. Черников. М.: Проспект, 2013. 552 с.

5. Каплунов А.И. Применение сотрудниками полиции огнестрельного оружия: законодательство, теория и практика: монография. СПб.: Изд-во СПб. ун-та МВД России, 2018. 260 с.

6. Карнаухов О.П. Актуальные вопросы в сфере профессиональной подготовки в образовательных организациях системы МВД России // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы международной научно-практ. конф-ции. Барнаул: БЮИ МВД России, 2019. Вып. 19. Ч. 2. С. 168-169.

7. Карнаухов О.П. Вопросы совершенствования профессиональной подготовки участковых уполномоченных полиции // Служба участковых уполномоченных полиции: вчера, сегодня, завтра… (к 95-летию образования): сборник тезисов докладов и выступлений. Барнаул: БЮИ МВД России, 2018. С. 36-39.

8. МВД: Сотрудники полиции должны пользоваться презумпцией доверия // Интернет-портал «Российской газеты». URL: https://rg.ru/2017/06/01/mvd-sotrudniki-policii-dolzhny-polzovatsia-prezumpciej-doveriia.html (дата обращения: 28.02.2021).

9. Обзор ГУ МВД России по Алтайскому краю «О профилактике чрезвычайных происшествий»: исх. № 1/9638 от 22.12.2020.

10. О полиции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 24.02.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. О внесении изменений в Федеральный закон «О полиции» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: законопроект № 147239-7 // Официальный сайт Государственной Думы. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/147239-7 (дата обращения: 20.01.2021).

12. О внесении изменений в Федеральный закон «О полиции» (направлен на усиление гарантий защиты прав граждан и уточнение полномочий полиции): законопроект № 955380-7 // Официальный сайт Государственной Думы. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/955380-7 (дата обращения: 20.01.2021).

13. Полицейский нуждается в защите // Интернет-портал «Объединенная редакция МВД России». URL: http://ormvd.ru/pubs/100/police-needs-protection/ (дата обращения: 26.02.2021).

14. Полиция боится бить и не умеет стрелять // Новостной портал «Газета. ру». URL: https://www.gazeta.ru/social/2017/09/12/10885490.shtml (дата обращения: 25.02.2021).

15. Полиция: стрелять нельзя бояться // Интернет-портал НАО «Царьград медиа». URL: https://tsargrad.tv/experts/policija-streljat-nelzja-bojatsja_156074 (дата обращения: 25.02.2021).

16. Полицейские в России боятся применять оружие: эксперт об иммунитете // Интернет-портал «Селдон Новости». URL: https://news.myseldon.com/ru/news/index/228249050 (дата обращения: 25.01.2021).

17. Эксперты прокомментировали поправки в закон «О полиции» // Интернет-портал «Российской газеты». URL: https://rg.ru/2020/05/07/eksperty-prokommentirovali-popravki-v-zakon-o-policii.html (дата обращения: 28.02.2021).

УДК 342.95
В.В. Тырышкин, *канд. юрид. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России
E-mail: witsan333@yandex.ru;
И.А. Гумаров, *канд. юрид. наук, доцент*
Казанский юридический институт МВД России
E-mail: ilnur_gumar@mail.ru;
Д.В. Андреев
адъюнкт Омской академии МВД России
E-mail: adv1986@rambler.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗРЕШЕНИЯ ЗАЯВЛЕНИЙ И СООБЩЕНИЙ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ

Вопросы, касающиеся разрешения заявлений и сообщений об административных правонарушениях, всегда были и будут особо актуальными для полиции ввиду большого количества разрешаемых службами и подразделениями ОВД материалов дел об административных правонарушениях. В статье рассматриваются организационные и административно-процессуальные аспекты в сфере разрешения дел об административных правонарушениях, анализируются проблемы реализации приказа МВД России № 736 на практике, приводящие к усложнению процесса разрешения заявлений и сообщений об административных правонарушениях, а также приводятся возможные пути устранения данных проблем.

Ключевые слова: административное правонарушение, разрешение заявлений и сообщений, решение по делу об административном правонарушении, прием и регистрация заявлений и сообщений об административных правонарушениях.

V.V. Tyryshkin, *Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor*
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: witsan333@yandex.ru;
I.A. Gumarov, *Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor*
Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: ilnur_gumar@mail.ru;
D.V. Andreev
postgraduate student of Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia
E-mail: adv1986@rambler.ru

PROBLEMATIC ISSUES OF RESOLUTION OF APPLICATIONS AND REPORTS ON ADMINISTRATIVE VIOLATIONS BY THE INTERNAL AFFAIRS BODIES

The issues related to the resolution of applications and reports on administrative offenses have always been and will be particularly relevant for the internal affairs bodies, due to the large number of materials on administrative offenses resolved by the services and divisions of the Department of Internal Affairs in accordance with the Administrative Code of the Russian Federation. The article deals with organizational and administrative-procedural aspects in the field of resolving cases of administrative offenses. The article analyzes the theoretical provisions concerning the consideration of cases of administrative offenses, the problems of implementing the order of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 736 in practice, which lead to a complication of the process of resolving applications and reports of administrative offenses received by internal affairs bodies, and also provides possible ways to eliminate these problems.

Key words: administrative offense, the resolution of applications and communications, the decision on the case of an administrative offense, the reception and registration of applications for administrative offenses.

Ежедневно в дежурные части территориальных органов МВД России поступают тысячи заявлений о совершенных административных правонарушениях и, соответственно, возникает большое количество вопросов при разрешении данных заявлений и сообщений. Производство по делам об административных правонарушениях является неотъемлемой частью служебной деятельности многих должностных лиц органов внутренних дел. Ежегодно сотрудниками ОВД выявляются порядка 7-8 млн административных правонарушений. В частности, в 2017 г. сотрудниками органов внутренних дел составлен 8 573 871 протокол по делам об административных правонарушениях, в 2018 г. – 7 807 786, в 2019 г. – 7 284 099, в 2020 г. – 7 389 935. Лидерами по разрешению заявлений и сообщений об административных правонарушениях являются подразделения организации деятельности участковых уполномоченных полиции, сотрудники которых в 2017 г. составили 3 112 766 протоколов по делам об административных правонарушениях, в 2018 г. – 2 892 023, в 2019 г. – 2 714 897 и в 2020 г. – 2 788 274[1], что составляет около 37% от общего количества протоколов, оформленных всеми службами полиции.

Правовая основа разрешения полицией заявлений и сообщений об административных правонарушениях достаточно детально регламентирована нормами действующего законодательства и ведомственными приказами МВД России. Основополагающими для данного направления деятельности являются положения Федерального закона № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [3]. Этим нормативным правовым актом регламентированы общие положения, касающиеся рассмотрения обращений граждан в органах государственной власти и местного самоуправления. Более детально порядок разрешения заявлений и сообщений об административных правонарушениях раскрыт в Кодексе РФ об административных правонарушениях [1] (далее – КоАП РФ). Основным ведомственным приказом, конкретизирующим порядок разрешения заявлений и сообщений об административных правонарушениях, является Приказ МВД России № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» [4] (далее – приказ МВД России № 736). Характеризуя положения данного приказа, стоит отметить, что в нем достаточно детально освещается порядок рассмотрения заявлений и сообщений как о преступлениях (п. 49-57 данного приказа), так и об административных правонарушениях (п. 58-61). Тем не менее отдельные аспекты, касающиеся разрешения заявлений и сообщений об административных правонарушениях, раскрыты не в полной мере, некоторые из них мы рассмотрим в настоящей статье.

Также стоит отметить, что направление деятельности, касающееся разрешения полицией заявлений и сообщений о преступлениях и административных правонарушениях, помимо того, что детально регламентировано нормами права, неоднократно становилось объектом научных разработок различных авторов, и на сегодняшний день многие проблемы уже раскрыты. В частности, общетеоретические вопросы, касающиеся разрешения заявлений и сообщений об административных правонарушениях, раскрыты в работах А.П. Рыжакова [8, 9], Е.Н. Полежаевой и П.В. Седельникова [7]. Отдельные аспекты, касающиеся разрешения заявлений и сообщений граждан об административных правонарушениях в области дорожного движения рассматриваются в исследовании А.В. Куяновой и К.К. Бекмурзиновой [2].

Однако в трудах перечисленных авторов либо в целом анализируются вопросы, касающиеся процесса разрешения заявлений и сообщений о преступлениях или административных правонарушениях, либо раскрываются административно-процессуальные аспекты данной деятельности, практическим же проблемам разрешения административных правонарушений полицией достаточного внимания не уделяется.

Возможны два варианта рассмотрения заявлений и сообщений об административных правонарушениях: первый – когда сообщение об административном правонарушении поступает непосредственно сотруднику полиции, уполномоченному рассматривать данное административное правонарушение либо составлять протокол об административном правонарушении. В данном случае приказ МВД России № 736 регламентирует, что при выявлении непосредственно сотрудниками полиции административных правонарушений, по которым в порядке, установленном КоАП РФ, возбуждены дела об административных правонарушениях, информация по ним в Книге учета заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях (далее – КУСП) не регистрируется [4, п. 6.4].

Второй вариант – заявления либо сообщения о совершенном административном правонарушении поступают в дежурную часть территориального органа МВД России. В этом случае они в обязательном порядке регистрируются в КУСП и подлежат разрешению в порядке, предусмотренном КоАП РФ [4, п. 58].

Как уже было отмечено выше, несмотря на то, что процедура рассмотрения заявлений и сообщений об административных правонарушениях детально

[1] Статистические данные ГИАЦ МВД России.

регламентирована, на практике возникают вопросы при принятии решений по ним. Так, в соответствии с п. 41 вышеуказанного приказа по каждому зарегистрированному заявлению (сообщению) о преступлении, об административном правонарушении, о происшествии руководитель территориального органа МВД России обязан дать письменное поручение в форме резолюции с указанием исполнителя, срока проверки и порядка разрешения заявления (сообщения).

При анкетировании участковых уполномоченных полиции, проходящих службу в органах внутренних дел Алтайского края, Республики Алтай, Кемеровской и Новосибирской областей[1], 94% опрошенных указали, что при поступлении в дежурную часть заявления либо сообщения об административном правонарушении начальник территориального органа МВД России в резолюции указывает о необходимости их рассмотрения в порядке ст. 144 УПК РФ [10], хотя изначально видно, что заявление поступило по факту административного правонарушения. Впоследствии сотрудник полиции, которому поручено проведение проверки, вынужден, выполняя резолюцию руководителя в порядке, регламентированном УПК РФ, подготовить материал об отказе в возбуждении уголовного дела ввиду того, что признаков состава преступления в заявлении не усматривается, после чего выделить материалы по факту совершенного административного правонарушения и только после этого привлечь виновное лицо к ответственности. Кроме того, данный порядок не соответствует приказу МВД России № 736, в п. 41 которого указано, что по каждому зарегистрированному заявлению (сообщению) о преступлении, об административном правонарушении, о происшествии руководитель территориального органа обязан дать письменное поручение в форме резолюции с указанием исполнителя, срока проверки и порядка разрешения заявления (сообщения). То есть в соответствии с данным приказом, если начальник территориального органа МВД России видит, что поступившее заявление или сообщение содержит в себе признаки состава административного правонарушения, он обязан указать в резолюции, что заявление необходимо рассматривать в соответствии с КоАП РФ, что и будет сделано исполнителем. Однако руководители территориальных органов МВД России упорно продолжают указывать в резолюциях ст. 144 УПК РФ. Данному факту способствует ряд причин. Одной из самых основных является то, что сервис Единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России (далее – ИСОД МВД России) СУДЧ, в электронном виде которого фиксируется информация о всех заявлениях и сообщениях, поступивших в дежурную часть органов внутренних дел, учитывает только сроки разрешения заявлений о преступлении. Это трое суток с возможностью продления до 10 суток. Все материалы, срок по которым превышает 10 суток, данным сервисом учитываются как исполненные с нарушением сроков разрешения. Поэтому у руководителя нет возможности принятия иного решения, кроме указанного выше.

По сути, данная проблема возникла после отмены журнала учета иной информации (далее – ЖУИ), т.к. еще в 2005 г. был принят Приказ МВД России № 985 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в органах внутренних дел Российской Федерации заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях» [5], который отменил ранее действовавший приказ МВД России № 158 [6], регламентировавший, что вся информация, поступающая в дежурную часть ОВД, подразделялась на 3 группы: сообщения о преступлениях; непосредственное обнаружение признаков преступления сотрудниками ОВД и иная информация о правонарушениях. Первые две группы, касающиеся совершения преступлений, регистрировались в Книге учета сообщений о преступлениях, а вся иная информация о происшествиях, включая административные правонарушения, – в Журнале учета иной информации о правонарушениях, и каких-либо проблем с порядком разрешения материалов дел об административных правонарушениях либо со сроками разрешения данных материалов не было. Особый контроль в соответствии с данным приказом осуществлялся только за регистрацией и разрешением заявлений о преступлениях. С принятием приказа МВД России № 985 существенным образом изменился порядок регистрации заявлений и сообщений об административных правонарушениях. Книга учета сообщений о преступлениях и Журнал учета иной информации были упразднены, вместо них появилась Книга учета сообщений о происшествиях (далее – КУСП). Практически в это же время стали появляться вопросы, связанные с разрешением административных правонарушений, т.к. приказ МВД России № 985 фактически уравнял процедуру разрешения заявлений о преступлениях и об административных правонарушениях, по сути, проблемы по разрешению административных правонарушений начались сразу же после вступления данного приказа в силу, т.к. отмененный приказ МВД России № 158 основной упор делал на разрешение заявлений о преступлениях [6, п. 31]. Что касается разрешения заявлений и сообщений об административных правонарушениях, порядок их разрешения не был регламентирован данным приказом.

Для того чтобы более детально охарактеризовать данную проблему, необходимо раскрыть особенно-

[1] Результаты анкетирования, проведенного авторами статьи в период с декабря 2020 г. по февраль 2021 г.

сти производства по делам об административных правонарушениях, т.к. оно существенно отличается от уголовного процесса по ряду параметров. Во-первых, сроки рассмотрения заявлений об административных правонарушениях могут варьироваться в зависимости от необходимости проведения административного расследования. В соответствии со ст. 28.7 КоАП РФ проведение административного расследования не должно превышать одного месяца. В исключительных случаях данный срок может быть продлен не более чем на один месяц. В случае, когда проведение административного расследования по административному правонарушению не предусмотрено, протокол об административном правонарушении должен быть составлен немедленно после выявления административного правонарушения, однако когда необходимо дополнительное выяснение обстоятельств либо данных о физическом лице, протокол об административном правонарушении может быть составлен в течение двух суток с момента выявления административного правонарушения, данный срок продлению не подлежит.

Во-вторых, решение, которое выносится по результатам рассмотрения заявления об административном правонарушении, также отличается от решений, принимаемых в уголовно-процессуальном порядке. В данном случае это либо составление протокола об административном правонарушении, либо вынесение определения об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении, либо постановление о прекращении дела об административном правонарушении. Кроме этого, может быть принято решение о передаче заявления об административном правонарушении по подведомственности или по территориальности. Данные особенности производства по делам об административных правонарушениях позволяют сделать вывод о необходимости совершенствования правовой основы организации рассмотрения заявлений и сообщений об административных правонарушениях сотрудниками полиции.

Обобщая вышеизложенное, можно сделать вывод, что с 2005 г. по настоящее время существуют сложности в разрешении заявлений и сообщений об административных правонарушениях, т.к. ныне действующий приказ МВД России № 736 регламентирует порядок рассмотрения заявлений и сообщений о преступлениях и об административных правонарушениях в том же порядке, что и приказ МВД России № 985, поэтому отдельные проблемные вопросы, охарактеризованные выше, приводят к тому, что рассмотрение заявлений и сообщений об административных правонарушениях в настоящее время значительно затруднено. Это свидетельствует о нежелании руководителей вникать в насущные проблемы и разбираться с особенностями производства по делам об административных правонарушениях, а также об отсутствии в сервисе ИСОД МВД России СУДЧ особенностей исчисления сроков производства по делам об административных правонарушениях.

Обозначенные проблемы достаточно серьезно затрудняют деятельность должностных лиц полиции, осуществляющих производство по делам об административных правонарушениях, в основном участковых уполномоченных полиции, разрешающих большую часть заявлений и сообщений об административных правонарушениях, поступающих в дежурные части территориальных органов МВД России. Решение данных проблем видится в реализации комплекса мер, направленных на совершенствование охарактеризованного направления деятельности полиции. В частности, ввиду возникающих противоречий при реализации приказа МВД России № 736 необходимо более детально регламентировать отдельные аспекты процесса рассмотрения заявлений и сообщений об административной ответственности. Внести изменения в сервисе ИСОД МВД России СУДЧ, касающиеся особенностей сроков разрешения заявлений и сообщений об административных правонарушениях.

Более детальный анализ данной проблемы показал, что на территории Алтайского края в отдельных органах внутренних дел практика рассмотрения заявлений и сообщений об административных правонарушениях в порядке ст. 144 УПК РФ не реализуется. При наличии изначально явных признаков состава административного правонарушения начальник территориального органа МВД России в резолюции указывает о необходимости проверки поступившей информации в порядке КоАП РФ, и, соответственно, сотрудник, которому поручена данная проверка, не выносит постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, а сразу рассматривает заявление в рамках КоАП РФ. Данная информация свидетельствует о том, что при уяснении сути проблемы руководителем органа внутренних дел она может быть решена без каких-либо значительных затрат. Поэтому, по нашему мнению, в рамках оптимизации процесса рассмотрения заявлений и сообщений об административных правонарушениях возможны два варианта:

1. В тексте приказа МВД России от 2014 г. № 736 закрепить персональную ответственность руководителей ОВД за содержание резолюций, которые даются по поступающим заявлениям. Усилить контроль за выполнением данных положений руководителями вышестоящих ОВД при проверке учетно-регистрационной дисциплины. Разработать методические рекомендации для руководителей, касающиеся применения норм приказа МВД России № 736, в части разрешения заявлений и сообщений об административных правонарушениях и довести их до сведения всех руководителей ОВД районного уровня.

Кроме этого, в сервисе ИСОД МВД России СУДЧ закрепить особенности сроков рассмотрения заявлений и сообщений об административных правонарушениях.

2. Вернуться к практике наличия в дежурной части ОВД двух журналов, в КУСП регистрировать всю информацию о преступлениях, во втором журнале фиксировать информацию об административных правонарушениях и другие сведения, не относящиеся к преступлениям. В рамках проверки учетно-регистрационной дисциплины больше внимания уделять КУСП, но также контролировать, чтобы во втором журнале не регистрировалась информация, касающаяся совершения преступлений, т.е. вернуться к практике разрешения заявлений, регламентированной приказом МВД России от 2003 г. № 158.

Литература

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Куянова А.В., Бекмурзинова К.К. Прием, регистрация и разрешение заявлений и сообщений граждан об административных правонарушениях в области дорожного движения: методические рекомендации. Омск, 2020.

3. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 29.08.2014 № 736. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в органах внутренних дел Российской Федерации заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 1 декабря 2005 г. № 985 (отменен). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в органах внутренних дел Российской Федерации сообщений о преступлениях и иной информации о правонарушениях [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 13 марта 2003 г. № 158 (отменен). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Полежаева Е.Н., Седельников П.В. Некоторые аспекты регистрации и разрешения в территориальных органах внутренних дел заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях // Законодательство и практика. 2016. № 2 (37). С. 59-61.

8. Рыжаков А.П. Ведомственное определение приема и регистрации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях // Советник юриста. 2015. № 2. С. 29-36.

9. Рыжаков А.П. Рассмотрение и разрешение заявлений и сообщений о преступлении, об административном правонарушении, о происшествии в территориальных органах МВД России // Советник юриста. 2015. № 7. С. 20-28.

10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право

УДК 343.3/.7
С.Н. Девятов
Департамент лесного хозяйства по СФО
E-mail: sergey-devatov-2010@mail.ru

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ МЕРАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ ДРЕВЕСИНЫ

В статье рассматриваются отдельные аспекты противодействия незаконному обороту древесины, проанализированы статистические показатели, отражающие актуальную ситуацию в сфере незаконной заготовки и оборота древесины. Также автор осветил вопрос о необходимости внесения в действующее уголовное законодательство изменений, позволяющих установить критерии заведомости незаконного происхождения древесины для лица, осуществляющего её оборот, для целей эффективной квалификации деяния по признакам ст. 191.1 УК РФ, обосновал необходимость расширения полномочий органов государственной власти, осуществляющих федеральный государственный лесной надзор (лесную охрану).
Ключевые слова: незаконная рубка, незаконный оборот древесины, приобретение, хранение, перевозка, переработка, сбыт, заведомость, надзор, лесной фонд, прием и отгрузка древесины.

S.N. Devyatov
Forestry Department in the Siberian Federal District
E-mail: sergey-devatov-2010@mail.ru

REVISITING SOME MEASURES OF COUNTERING THE ILLEGAL TRAFFIC OF WOOD

The article examines certain aspects of countering illegal timber trade, analyzes the statistical indicators reflecting the current situation in the field of illegal timber harvesting and trafficking. The issue of the need to amend the current criminal legislation to establish the criteria for knowing the illegal origin of wood for the person engaged in its turnover for the purpose of effective qualification of the act on signs of Art. 191.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, it also substantiates the need to expand the powers of state authorities exercising federal state forest supervision (forest protection).
Key words: illegal logging, illegal timber trafficking, acquisition, storage, transportation, processing, marketing, knowingness, supervision, forest fund, reception and shipment of timber.

Леса России простираются на площади 766 626,5 тыс. га, и это только покрытые лесной растительностью земли. В общем площадь лесов, подтвержденная материалами лесоустройства, составляет 1 145 304,8 тыс. га [8].

При таком количестве запасов лесов возникает необходимость организации их использования способами, позволяющими обеспечить возобновляемость данного ресурса не только с учетом их глобального экологического значения, но и как важнейший стратегический элемент сферы экономики.

Только по состоянию на 2019 год лицами, использующими леса, заготовлено 219 млн кубометров древесины [6], поступления в бюджет страны от лесной сферы составили около 144 млрд рублей, в т.ч. 10,7 млрд рублей – экспортные пошлины, 52,7 млрд рублей – арендные платежи. Все остальное – это иные налоги и сборы [2].

Однако существует и другая статистика, отражающая теневую сторону лесного сектора. Так, в 2018 году за незаконную рубку лесных насаждений по ст. 260 УК РФ осуждено 4039 лиц, из которых приговорено к лишению свободы 258 лиц. В 2019 году за незаконную рубку лесных насаждений по ст. 260 УК РФ осуждено 3295 лиц, из которых приговорено к лишению свободы 299 лиц [9]. Следует отметить, что из анализа указанных данных просматривается снижение количества осужденных за незаконные рубки и увеличение числа осужденных лиц к реальному сроку лишения свободы. Такая динамика, безусловно, является положительной в деле борьбы с незаконным оборотом древесины.

Совершению незаконных рубок в большей мере сопутствует возможность сбыта незаконно заготовленной древесины. С целью решения данной проблемы Федеральным законом от 21.07.2014 № 277-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» Уголовный кодекс Российской Федерации был дополнен статьей 191.1, устанавливающей уголовную ответственность за приобретение, хранение, перевозку, переработку в целях сбыта или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины [3].

Уголовная ответственность по данной статье наступает в случае, если деяние совершено в крупном размере, т.е. стоимость незаконно заготовленной древесины превышает восемьдесят тысяч рублей, либо в особо крупном размере, т.е. стоимость незаконно заготовленной древесины превышает двести тридцать тысяч, стоимость древесины для целей данной статьи определяется в соответствии с утвержденными Правительством Российской Федерации таксами.

Если стоимость незаконно заготовленной древесины не превышает восьмидесяти тысяч рублей, то деяние образует состав административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 8.28 КоАП РФ «Приобретение, хранение, перевозка или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины», если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния.

На сегодняшний день судебно-следственная практика применения статьи 191.1 УК РФ невелика, об этом свидетельствуют официальные статистические показатели, в соответствии с которыми в 2017 г. по ст. 191.1 УК РФ осуждено 22 лица, из которых приговорено к лишению свободы 2 лица, в 2018 г. по ст. 191.1 УК РФ осуждено 11 лиц, из которых приговорено к лишению свободы 0 лиц, и в 2019 г. по ст. 191.1 УК РФ осуждено 10 лиц, из которых приговорено к лишению свободы 1 лицо [9].

Кроме того, приведенные статистические данные вовсе не свидетельствуют о снижении такого противоправного явления, как незаконный оборот древесины, напротив, данные о количестве осужденных за незаконную рубку лесных насаждений являются этому подтверждением, ведь ни для кого не секрет, что отсутствие каналов сбыта незаконной древесины неизбежно повлияет на снижение числа незаконных рубок древесины.

Как отмечалось ранее, практика применения ст. 191.1 УК РФ в настоящее время не многочисленна, такая ситуация сложилась из-за отсутствия единого правоприменительного подхода в реализации данной статьи и отсутствия разъяснений высших судов по этому поводу. В частности, проблемным остается вопрос заведомости незаконного происхождения древесины, в отношении которой осуществляется оборот. Для решения данного вопроса необходимо в первую очередь законодательное закрепление критериев заведомости, здесь целесообразно исходить из трактовки понятия «незаконная», т.е. полученная с нарушениями обязательных нормативных требований. Представляется целесообразным законодательное закрепление положения, при котором древесина, законность происхождения которой не может быть подтверждена правоустанавливающими документами, автоматически приравнивалась бы к незаконно заготовленной.

При реализации вышеуказанных мер также в разы увеличилась бы эффективность применения в борьбе с незаконным оборотом древесины не так давно введенной в действие системы ЕГАИС учета древесины и сделок с ней.

В настоящее время в системе ЕГАИС учета древесины и сделок с ней содержатся сведения, которые условно можно разделить на 2 блока. К первому можно отнести информацию о совершенных юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями сделках с древесиной, в рамках предоставления данной информации вносятся сведения о соб-

ственниках древесины, объеме и породном составе, сведения о правоустанавливающих документах, на основании которых заготавливалась древесина. Ко второму относятся сведения, вносящиеся в систему уполномоченным органом государственной власти, в состав таких сведений входит информация о договорах аренды лесных участков, договорах купли-продажи лесных насаждений, о праве постоянного (бессрочного) пользования лесными участками, о лесных декларациях, об отчетах об использовании лесов и о контрактах на выполнение работ по охране, защите, воспроизводству лесов.

Предоставление указанных сведений является обязательным и регламентируется Лесным кодексом РФ и принятыми в соответствии с ним нормативными правовыми актами, в зависимости от вида предоставляемой информации установлены сроки её внесения – от трех до пяти рабочих дней. Следует отметить, что невнесение, несвоевременное внесение и внесение заведомо ложных сведений в ЛесЕГАИС влекут за собой привлечение виновного лица к административной ответственности в соответствии со ст. 8.28.1 КоАП РФ, сумма штрафа варьируется в зависимости от субъекта правонарушения от 5 тыс. руб. до 200 тыс. руб. [1].

Наличие такой информационной системы, конечно же, позволяет усилить контроль за оборотом древесины, но в то же время, основываясь только на данных, содержащихся в системе ЛесЕГАИС, сделать однозначный вывод о незаконном происхождении древесины невозможно, в связи с чем в каждом конкретном случае необходима детальная проверка фактов, содержащих признаки преступления, предусмотренного ст. 191.1 УК РФ.

Так, в период с 2018 г. по 25 ноября 2020 г. на территории Иркутской области участились случаи обращения арендаторов лесных участков, осуществляющих заготовку древесины, в уполномоченный орган государственной власти в области лесных отношений (далее – уполномоченный орган). Из обращений следует, что в их адрес посредством системы ЛесЕГАИС стали приходить сообщения о якобы совершенных сделках с древесиной, по которым они выступали продавцом, однако с указанными в сообщении покупателями древесины никаких финансово-хозяйственных отношений фактически не осуществлялось. По данному факту покупатели были привлечены к административной ответственности за предоставление в ЛесЕГАИС заведомо ложной информации, кроме того, материалы были перенаправлены в правоохранительные органы. В ходе проведенной проверки правоохранительными органами было установлено, что индивидуальные предприниматели П., К., П., Ч. фактически хозяйственную деятельность не осуществляли, в качестве предпринимателей были зарегистрированы формально за денежное вознаграждение. Была отслежена цепочка сделок с древесиной в системе ЛесЕГАИС, по результатам которой установлены организации-экспортеры, являющиеся конечными покупателями древесины по подложным документам. На пунктах приема и отгрузки древесины, принадлежащих данным организациям, в целом изъято 9000 кубических метров незаконно заготовленной древесины, возбуждены уголовные дела по ст. 191.1 Уголовного кодекса РФ [7].

Но работы в данном направлении одних только правоохранительных органов явно недостаточно, серьезным подспорьем в деле борьбы с незаконным оборотом древесины может и должна быть деятельность профильного органа исполнительной власти субъекта РФ, осуществляющего в рамках переданных полномочий федеральный государственный лесной надзор (лесную охрану). На данный момент деятельность органов лесной охраны в большей части направлена на выявление и пресечение незаконных рубок.

Осуществление указанных мероприятий проводится в рамках трех направлений – это патрулирование лесов в соответствии с нормативами патрулирования лесов должностными лицами, осуществляющими федеральный государственный лесной надзор (лесную охрану), утвержденными Приказом Минприроды России от 21.01.2014 № 21 [5], проведение контрольных мероприятий в рамках проверок плановых и внеплановых, выездных и документарных, а также осуществление плановых (рейдовых) осмотров. Проведение проверок и плановых (рейдовых) осмотров законодательно регламентировано Федеральным законом от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [4].

Из всех вышеуказанных мероприятий только проведение контрольного мероприятия «проверка» осуществляется в отношении конкретно определенного лица. В рамках данного контрольного мероприятия и могли бы быть реализованы меры по усилению контроля законности происхождения и движения древесины на пунктах её приема и отгрузки.

Однако при осуществлении проверки соблюдения лесного законодательства из-за недостаточной законодательной регламентации лица, осуществляющие лесной надзор, территориально ограничены рамками земель лесного фонда, т.к. Положением об осуществлении федерального государственного лесного надзора (лесной охраны) строго установлено, что он проводится в границах земель лесного фонда, тогда как подавляющее большинство пунктов приема и отгрузки древесины располагаются на землях иных

категорий, преимущественно в границах населенных пунктов.

При указанных обстоятельствах лица, осуществляющие лесную охрану, не имеют установленного законом права на комплексную проверку законности происхождения древесины на таких пунктах, её движения и установление лиц, занимающихся её незаконным оборотом.

Подводя итог вышеизложенному, можно сказать, что рассмотренные факторы в совокупности свидетельствуют о необходимости законодательного закрепления критериев заведомости незаконного происхождения древесины, в отношении которой осуществляется оборот.

Также крайне необходимо расширение полномочий контролирующего органа исполнительной власти субъекта РФ в целях увеличения эффективности контрольной деятельности, а именно наделение уполномоченных должностных лиц правом осуществления федерального государственного лесного надзора (лесной охраны) за пределами границ земель лесного фонда.

Литература

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. Ч. 1. № 1. Ст. 1.

2. Лесная отрасль принесла бюджету 144 млрд рублей. URL: https://rg.ru/2020/11/04/lesnaia-otrasl-prinesla-biudzhetu-144-mlrd-rublej.html/ (дата обращения: 23.11.2020).

3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 21.07.2014 № 277-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. Ч. I. № 30. Ст. 4278.

4. О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля: федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2008. Ч. 1. № 52. Ст. 6249.

5. Об утверждении нормативов патрулирования лесов должностными лицами, осуществляющими федеральный государственный лесной надзор (лесную охрану): приказ Минприроды России от 21.01.2014 № 21. URL: https://minjust.consultant.ru/documents/9205/ (дата обращения: 03.10.2020).

6. Объем заготовленной древесины. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/37848/ (дата обращения: 23.11.2020).

7. Письмо ГУ МВД России по Иркутской области о направлении сведений от 17.07.2019 № 195402582794.

8. Сведения о землях лесного фонда. URL: http://rosleshoz.gov.ru/opendata/7705598840-ForestFund/ (дата обращения: 02.10.2020).

9. Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК. URL: http://stat.апипресс.рф/stats/ug/t/14/s/17/ (дата обращения: 02.10.2020).

УДК 343.23
О.В. Ермакова, *канд. юрид. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России
E-mail: ermakova_alt@mail.ru

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И МЕХАНИЗМА ЕГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ КАК ОСНОВАНИЕ ВЫБОРА МОДЕЛИ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В представленной статье автор анализирует такую категорию науки уголовного права, как «общественная опасность». В работе констатируется отсутствие универсального подхода к определению общественной опасности в современной юридической литературе. В частности, автором отмечается неразработанность четких критериев ее определения, неустановление взаимосвязи от того явления, общественная опасность которого устанавливается. При этом, по мнению автора, следует говорить о существовании вертикали общественной опасности, которая позволяет подразделять данный институт на такие самостоятельные виды, как общественная опасность преступления, общественная опасность механизма преступного деяния, отдельно взятой стадии совершения преступления. Помимо этого, демонстрируется значение категории «общественная опасность» применительно к наказанию и освобождению от него. Автором предлагается выделять в содержании общественной опасности реальный вред, а также вероятность наступления потенциально возможных негативных изменений. Двуединое понимание общественной опасности позволило автору обосновать существование составов преступлений, не связанных с наступлением преступных последствий. Отдельно отмечается, что именно общественная опасность выступает основанием для выбора конструкции состава преступления и включения тех или иных признаков в число обязательных. Особое внимание в работе уделяется влиянию общественной опасности на процесс криминализации, а также моделирования состава преступления.

Ключевые слова: общественная опасность, преступление, состав преступления, моделирование состава преступления.

\

O.V. Ermakova, *Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor*
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: ermakova_alt@mail.ru

PUBLIC DANGER OF CRIME AND MECHANISM OF ITS IMPLEMENTATION AS THE BASIS FOR CHOOSING THE MODEL OF THE CORPUS DELICTI

The author analyzes the category of the science of criminal law «public danger». The article states the lack of a universal approach to the definition of public danger in the modern legal literature. In particular, the author notes the lack of development of clear criteria for its definition, the failure to establish the relationship of the phenomenon, the public danger of which is established. At the same time, according to the author, it is necessary to talk about the existence of a vertical of public danger, which allows us to divide this institution into such independent types as the public danger of a crime, the public danger of the mechanism of a criminal act, a separate stage of the commission of a crime. In addition, the significance of the category «public danger» in relation to punishment and release from it is demonstrated. The author proposes to distinguish the content of the public danger of real harm, as well as the possibility of potentially possible negative changes. A two-pronged understanding of public danger allowed the author to justify the existence of elements of crimes that are not related to the occurrence of criminal consequences. Separately, the author notes that it is the public danger that serves as the basis for choosing the construction of the corpus delicti and including certain signs among the mandatory ones. Special attention is paid to the influence of public danger on the process of criminalization, as well as the modeling of the corpus delicti.

Key words: public danger, crime, corpus delicti, modeling of corpus delicti.

Категория общественной опасности широко используется в уголовном законодательстве при отражении в законах целого ряда институтов.

Во-первых, принципы уголовного закона связываются с учетом общественной опасности. Например, принцип справедливости предполагает соответствие наказания общественной опасности преступления.

Во-вторых, понятие преступления (ч. 1 ст. 14 УК РФ) построено в действующем уголовном законе на сочетании формального (противоправность) и материального (общественная опасность) признаков.

В-третьих, по такому критерию, как общественная опасность, в сочетании с вариациями форм вины выделяются категории преступления (ст. 15 УК РФ).

В-четвертых, назначение наказания, а также возможность освобождения от уголовной ответственности и наказания основываются на общественной опасности преступления (ч. 3 ст. 60 УК РФ) и лица, его совершившего (ч. 1 ст. 75 УК РФ).

Несмотря на столь широкое влияние категории «общественная опасность» на различные институты уголовного права, в научной литературе разработка данного понятия ведется на недостаточном уровне. Особенно явно это прослеживается в вопросах критериев определения общественной опасности.

Кроме того, необходимо понимать, что рассматриваемое понятие может употребляться применительно к характеристике преступления, отдельных этапов его совершения, а также преступности в целом.

Именно поэтому следует выделять общие положения относительно категории «общественная опасность», определяющие ее сущностные особенности и специфические, зависящие от того явления, общественная опасность которого определяется.

Традиционным в науке уголовного права является определение общественной опасности как вредоносности деяния, проявляющейся в причинении существенного вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям или создании возможности причинения такого вреда [3, с. 60].

В предложенном понимании общественной опасности имеет место сочетание возможности и действительности причинения вреда. Полагаем, важность данного утверждения заключается в том, что преступлением может признаваться даже такое деяние, которое не связывается с проявлением вреда.

Однако не всякую возможность наступления вредных изменений в общественных отношениях следует признавать преступной. Такая возможность должна иметь место в конкретной ситуации и сопровождаться угрозой причинения вреда охраняемым общественным отношениям. Именно поэтому ее можно именовать реальной.

Таким образом, общественная опасность призвана отражать уровень вредоносности того или иного поведения для граждан, общества и государства. При этом учитывается не только уже проявившийся в общественной жизни вред, но и реальная возможность его наступления.

Категория «общественная опасность» имеет абстрактный характер, т.е. существует не сама по себе, а проявляется в определенных показателях.

Вопрос о том, какими показателями необходимо оценивать общественную опасность, в науке уголовного права представляет особую сложность. В связи с этим в литературе высказывается мнение о том, что такие критерии вообще отсутствуют [4, с. 58].

Полагаем, что в самом понятии общественной опасности, определяемой как вредоносность, уже заложен такой ее показатель, как преступные последствия. Представленный вывод объясняется тем обстоятельством, что именно последствия отражают тот вред, который причинило совершение деяния.

Например, в преступлениях против здоровья различие в общественной опасности как раз четко проявляется в наступивших последствиях (тяжкий, средней тяжести, легкий вред).

В уголовных законах зарубежных государств наблюдается еще более детальная дифференциация составов преступлений и признание их различной степени общественной опасности (судя по санкциям) как раз по различию в преступных последствиях.

В Законе об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран [1, с. 46] интерес представляет выделение отдельных составов в зависимости от того, какие последствия наступили – повреждение языка (ст. 396), 28 зубов (ст. 403), ногтей (ст. 429) и т.д. Даже выделены составы с такими последствиями, как нарушение умственных способностей, обоняния, вкусовых качеств и т.д.

Кроме того, причинение того или иного вреда происходит вследствие воздействия определенного поведения на те или иные общественные отношения (объект преступления). Именно эти отношения и претерпевают негативные изменения в результате совершения действия (бездействия). Неразрывная связь между совершаемыми действиями (бездействием), наступившим вредным последствием и общественными отношениями с понятием «вредоносность» приводит к выводу о признании их показателями общественной опасности.

Представленные положения позволяют сделать вывод о том, что общественная опасность в первую очередь проявляется в объективных признаках состава преступления.

Относительно влияния субъективных признаков состава преступления на общественную опасность в

научной литературе высказываются противоположные позиции.

К примеру, П.П. Осипов определял зависимость общественной опасности только от объективных признаков, указывая, что «общественная опасность всегда остается объективной величиной, которая одинаково независима от личных возможностей конкретного деятеля» [5, с. 122].

Представляется, что исключение влияния субъективных признаков на общественную опасность неверно, поскольку любое деяние осуществляется конкретным деятелем и выступает выражением его сознания и воли. Соответственно, общественная опасность складывается из совокупного учета как объективных, так и субъективных признаков.

В рамках уголовно-правовой науки прослеживается обязательный учет общественной опасности на процесс криминализации деяния (объявление его преступлением).

Согласно ч. 1 ст. 14 УК РФ преступлением может признаваться только такое деяние, которое причиняет наибольший вред гражданам, обществу или государству. В рамках понятия преступления именно общественная опасность представляется главным критерием отграничения от иных правонарушений.

Следует отметить, что во многих уголовных законах зарубежных государств в понятии преступления не выделяется признак общественной опасности.

Например, в УК Бельгии [6] в Общей части содержится понятие преступления (глава 1), которое существенно отличается от российского и включает основной признак «наказуемость уголовно-правовыми средствами»; в ст. 1 УК Швейцарии закрепляются такие признаки преступления, как противоправность и наказуемость [7].

В российском же законе понятие преступления включает в себя материальный признак, поэтому законодатель, объявляя определенное деяние преступлением, обязан произвести оценку его вредоносности.

Полагаем, что при принятии такого решения необходимо ориентироваться на показатели общественной опасности (т.е. то, в чем она проявляется).

Несмотря на представленный вывод о связи общественной опасности с объективными и субъективными признаками, считаем, что при решении вопроса о том, следует ли признавать деяние преступным или нет, необходимо в первую очередь руководствоваться такими показателями общественной опасности, как общественные отношения, само действие (бездействие) и преступные последствия.

Например, вызывает недоумение частичная декриминализация состава побоев с переводом поведения по физическому насилию без хулиганских или экстремистских мотивов в плоскость административного правонарушения. Полагаем, что особенности охраняемых общественных отношений в виде здоровья предопределяют наличие высокой общественной опасности и необходимости их охраны уголовно-правовыми средствами [2, с. 43-46].

На этапе создания модели состава преступления, когда вопрос о необходимости введения уголовного запрета решен положительно, общественная опасность выступает основанием отбора признаков для будущей конструкции. В частности, если признак отражает общественную опасность преступления, то он подлежит включению.

Рассматривая общие положения о показателях общественной опасности, в которых она находит свое отражение, указывалось на однозначное ее проявление в общественных отношениях, на которые происходит посягательство, деянии, последствиях. Полагаем, именно поэтому данные признаки состава преступления выступают только в качестве обязательных.

Исключения составляют преступные последствия, обязательность которых зависит от конструкции состава. Например, в усеченных и формальных составах последствия не выступают обязательным признаком.

Считаем, что возможность невключения последствий в конструкцию состава связана с широким пониманием общественной опасности, представляющей собой действительный и возможный вред.

При этом для выбора конструкции состава преступления необходимо принимать во внимание общественную опасность не всего деяния, а стадий его совершения. Например, бандитизм не включает преступные последствия, поскольку само создание группы, обладающей вооруженностью и устойчивостью, уже представляет собой повышенную общественную опасность. Соответственно, анализ стадий совершения деяния в преломлении к категории общественной опасности будет выступать основой для определения конструкции состава преступления.

Литература

1. Ермакова О.В. Основания и условия, влияющие на конструкцию состава преступления. Барнаул: БЮИ МВД России, 2020. 128 с.

2. Ермакова О.В., Федорова Е.А. Побои в отношении близких лиц: обоснованность декриминализации и вопросы совершенствования уголовного закона // Уголовно-процессуальные и криминалистические про-

блемы борьбы с преступностью: сборник статей межведомственного круглого стола, регионального круглого стола и Всероссийской научно-практ. конф-ции. Орел, 2020. С. 43-46.

3. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М.: Изд-во Московского университета, 1969. 232 с.

4. Тоболкин П.С. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм. Свердловск: Горький, 1983. 176 с.

5. Осипов П.П. Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1976. 135 с.

6. Уголовный кодекс Бельгии / науч. ред. Н.И. Мацнева. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2004.

7. Уголовный кодекс Швейцарии / вст. статья члена Совета Федерации Федерального Собрания РФ Ю.Н. Волкова; науч. ред. А.В. Серебренникова. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2002.

УДК 343.34
С.С. Жукова
Волгоградская академия МВД России
E-mail: Sofija-zhukova@rambler.ru

ВОПРОСЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ ДЕЯНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ СООБЩЕСТВОМ (ПРЕСТУПНОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ)

Статья посвящена исследованию регламентации ответственности за посягательства, совершенные преступным сообществом (преступной организацией). Акцентируется внимание на том, что санкция, содержащаяся в каждой норме Особенной части Уголовного кодекса РФ, выступает важнейшим инструментом реализации уголовной политики государства и представляет собой оценку общественной опасности преступления. Именно установление вида уголовно-правовой санкции и правильность ее конструирования обеспечивают реализацию принципа справедливости уголовного закона и дифференциацию наказания. Однако исследуемое преступное формирование является единственной формой соучастия, которая не применяется в качестве квалифицирующего признака. Наличие оценочных суждений о критериях уголовной ответственности за преступления, совершенные в соучастии, обусловливает бессистемность уголовного законодательства и дезориентацию правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: организованная группа, преступное сообщество, преступная организация, санкция, соучастие, принципы, квалификация, ответственность.

S.S. Zhukova
Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia
E-mail: Sofija-zhukova@rambler.ru

ISSUES RELATED TO LEGAL ASSESSMENT OF CRIMINAL ACTS COMMITTED BY THE CRIMINAL COMMUNITY (CRIMINAL ORGANIZATION)

The given article deals with examination of the regulation of liability for encroachments committed by the criminal community (criminal organization). The author of the article pays attention to the fact that the sanction to be contained in each norm of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation is the most important means for implementing the state's criminal policy as well as is said to be an assessment of social danger of a crime. It is the establishment of the type of a criminal law sanction and the correctness of its forming that ensure the implementation of the principle of justice of the criminal law and the differentiation of punishment. However, the mentioned criminal formation is the only form of complicity that is not used as a qualifying feature. The presence of estimative judgments about the criteria for criminal responsibility for crimes committed with complicity determines the unsystematic nature of the criminal legislation and disorientation of law enforcement activity.

Key words: organized group, criminal community, criminal organization, sanction, complicity, principles, qualification, liability.

Градация санкций, в частности установление вида и размера наказания в уголовно-правовой норме, дифференцирует деяние по степени общественной опасности в зависимости от категории преступления. Согласимся с мнением Э.В. Густовой относительно того, что общественная опасность посягательства как свойство деяния выступает определяющей для построения санкции [2, с. 130]. В Общей части Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) неоднократно подчеркивается значимость установления соотношения степени и характера общественной опасности с категорией совершенного преступления, что обусловливает справедливое наказание (ст. 6, 14, ч. 4 ст. 60 УК РФ).

Однако конструирование некоторых составов преступлений привело к отсутствию отражения специфики того или иного деяния. Регламентация ответственности за совершение деяний в соучастии характеризуется отсутствием единообразной структуры сходных правоотношений. Законодательно выделяются четыре формы соучастия: группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа, преступное сообщество (преступная организация). Последнее групповое формирование является единственно не применяемым в качестве квалифицирующего признака составов преступлений. Наряду с этим, обладая наибольшей общественной опасностью, за создание преступного сообщества (преступной организации) и участие в нем (ней) предусмотрена ответственность по ст. 210 УК РФ. Данные обстоятельства побудили Пленум Верховного Суда РФ внести рекомендации по применению норм, регламентирующих ответственность за совершение преступлений преступным формированием. Соответственно, при квалификации посягательств по совокупности со ст. 210 УК РФ рекомендуется вменять соответствующую норму Особенной части УК РФ с отражением квалифицирующего признака, регламентирующего соучастие (п. 16) [8].

Такой метод квалификации не только представляется нелогичным, но и нарушает ряд принципов уголовного законодательства. Бессистемное применение данного отягчающего признака при квалификации посягательств не способствует эффективной борьбе с организованной преступностью в целом. Формирование законодателем размера и вида наказания несет в себе субъективный момент, в то время как общественная опасность является объективной категорией, которая не зависит от воли и сознания законодателя.

Посягательства, предусмотренные ст. 210 УК РФ, относятся к особо тяжким преступлениям. При этом временная граница ответственности за совершение преступлений, например, посягающих на личность, в составе организованной группы варьируется от преступлений средней тяжести (ч. 3 ст. 110.1 УК РФ) до особо тяжких посягательств (ч. 2 ст. 105 УК РФ). Вид и размер наказания конструируются в зависимости от объективных признаков посягательства и санкции, что позволяет обозначить рамки судейского усмотрения, взаимосвязанного с допустимостью и возможностью применения уголовно-правовых принуждений. В связи с отсутствием соответствующего квалифицирующего признака в структуре норм, регламентирующих ответственность за совершение кого-либо посягательства, групповые деяния получают несоразмерную (несвойственную) их общественной опасности юридическую оценку. В этой связи придерживаемся точки зрения В.В. Намнясевой, отметившей, что расширение судейского усмотрения способствует причинению ущерба интересам правосудия и государства в целом, формально не нарушая норм ни материального, ни процессуального законодательства [6, с. 235].

Наличие судебных рекомендаций по квалификации деяний, совершенных анализируемым преступным формированием, ставит под сомнение эффективность уголовного закона применительно к установлению критериев уголовной ответственности лиц за совершение групповых преступлений. В настоящее время при юридической оценке деяний, совершенных преступным формированием, используется двойной учет различных форм соучастия, отличающихся по степени общественной опасности. В научной среде обсуждается мнение, что одним из способов совершенствования законодательства может служить исключение последнего преступного формирования как самостоятельной формы соучастия из предусмотренной ст. 35 УК РФ [12, с. 150].

Современное законодательство порождает применение скрытой аналогии уголовного закона. При восполнении пробела в неурегулированном конкретном общественном отношении применяется норма, регламентирующая сходные отношения [3, с. 53]. Например, согласно приговору Московского районного суда г. Чебоксары от 19 ноября 2019 г. № 1-405/2019 одновременно вменили совершение преступления в составе преступного сообщества (преступной организации) и организованной группы. Крайнова А.Е. суд признал виновным в участии преступного сообщества (преступной организации) и совершении покушения на незаконный сбыт наркотических средств и психотропных веществ, осуществленный организованной группой, в крупном размере [9].

Кроме того, уголовное законодательство закрепляет закрытый перечень обстоятельств, отягчающих наказание, который позволяет дополнить предусмотренный уголовным законом состав преступления дополнительными признаками совершенного деяния. Данные положения служат средством

дифференциации наказания в рамках конкретного состава преступления. Действующий уголовный закон содержит прямые указания на необходимость ужесточения наказания в связи с особенностью посягательства, в частности, совершенного в соучастии (п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ). Наряду с этим ч. 2 ст. 63 УК РФ указывает, что при наличии самостоятельного состава преступления (ст. 210 УК РФ) данное групповое формирование не может выступать в качестве отягчающего обстоятельства.

Вопреки законодательному требованию правоприменители допускают необоснованное применение п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Так, в апелляционном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Адыгея от 10 апреля 2015 г. № 22-156/2015 указано, что Остапенко Н.В. осужден по п. «а» ч. 3 ст. 163, ч. 2 ст. 210 УК РФ. За совершение вымогательства организованной группой виновному лицу назначено наказание в виде лишения свободы на 8 лет без штрафа с ограничением свободы на срок 1 год 6 месяцев. Судебной коллегией установлено, что согласно приговору Тахтамукайского районного суда при назначении наказания за совершение Остапенко Н.В. данного преступления учтено такое отягчающее обстоятельство, как совершение преступления в составе преступного сообщества (преступной организации). На основании ч. 2 ст. 63 УК РФ судебной коллегией изменен приговор нижестоящей судебной инстанции, и назначенное наказание было смягчено до 7 лет лишения свободы с ограничением свободы на срок 1 год 5 месяцев [1].

Таким образом, действующая регламентация ответственности за совершение посягательств преступным формированием приводит к дисбалансу законодательства. При отсутствии соответствующего квалифицированного состава правоприменитель использует двойной (тройной) учет форм соучастия при оценке посягательств, совершенных исследуемым преступным формированием. Кроме того, положения ч. 2 ст. 63 УК РФ исключают применение соответствующего обстоятельства в качестве отягчающего наказания. Представляем два варианта совершенствования УК РФ с целью систематизации института соучастия, отраженного в законодательстве.

Общие положения уголовного законодательства свидетельствуют о том, что анализируемая форма соучастия обладает всеми признаками организованной группы. Данный факт наблюдается и в правоприменительной деятельности. Например, согласно приговору Рудничного районного суда г. Кемерово от 18 сентября 2018 г. № 1-327/2018 созданное неустановленными лицами преступное сообщество (преступная организация) характеризовалось как устойчивое преступное формирование со стабильным и постоянным составом лиц, рассчитывающих на совместное совершение ряда тяжких и особо тяжких преступлений; действия участников были согласованными, каждый из них осознавал принадлежность к групповому формированию, которое существовало на протяжении большого промежутка времени; наблюдалось тщательное планирование и подготовка к совершению преступлений, а также наличие единообразного способа совершения преступления; групповое формирование отличалось структурой, которая выражалась посредством устойчивых организационно-иерархичных связей лиц, объединенных единым умыслом на совершение посягательства, а также распределением ролей между ними и внутренней дисциплиной [10].

Согласно судебным рекомендациям данное преступное формирование отличается от организованной группы тем, что обладает сложной внутренней структурой. Под последней понимается наличие в преступном формировании структурных подразделений. В настоящее время в теории уголовного права ученые не достигли консенсуса относительно его содержания. Отмечается, что только организованная группа может выступать в качестве структурного подразделения формы соучастия, указанной в ч. 4 ст. 35 УК РФ [5]. Однако каждая организованная группа обладает своими структурированными взаимоотношениями, которые могут быть достаточно сложными. На основании исследования правоприменительной деятельности сложность структуры определяется не только вертикальными связями между участниками преступного формирования, которая свойственна организованной группе, но и горизонтальным взаимодействием между участниками/структурными подразделениями.

Вне зависимости от того, является ли преступное формирование структурированной организованной группой или объединением организованных групп, оно характеризуется основными признаками организованной группы, тем самым выступая ее разновидностью. Однако нужно заметить, что внутренняя структура преступного сообщества (преступной организации) основана на дифференциации ролей (вертикальная связь) между участниками двух или более территориальных и (или) обособленных подразделений и интеграции связей как между лицами, так и структурными подразделениями, деятельность которых направлена на достижение специальной преступной цели [11].

Представляется целесообразным исключить из уголовного законодательства ч. 4 ст. 35 УК РФ и рассматривать преступное формирование исключительно в рамках ст. 210 УК РФ. На основании вышеизложенного законодательные положения, отражающие институт соучастия (ст. 35, 63 УК РФ), и судебные рекомендации (п. 16 постановления Пленума Вер-

ховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)») приобретут системный характер.

Вторым способом оптимизации уголовного законодательства может стать осуществление пенализации. В настоящее время нормы уголовного законодательства, регламентирующие институт соучастия, отражают некоторую непоследовательность. Организованная группа как форма соучастия рассматривается в двух значениях: 1) в качестве квалифицирующего признака состава преступления и 2) составообразующего признака конкретного состава преступления (например, бандитизм (ст. 209 УК РФ)). Опираясь на рекомендации Пленума Верховного Суда РФ, можно определить банду в качестве разновидности организованной группы с дополнительным качественным признаком [7]. Тем самым при квалификации посягательств, совершенных бандой, деяния группового формирования получают обоснованную уголовно-правовую оценку.

Данный способ регламентации ответственности лиц также возможен при квалификации посягательств, совершенных преступным сообществом (преступной организацией). В этом случае дифференциация ответственности будет соответствовать общественной опасности конкретного группового посягательства. Представляет интерес тот факт, что ранее были предприняты законодательные попытки закрепления подобного квалифицирующего признака (например, ч. 4 ст. 167 Модельного Уголовного кодекса для государств – участников СНГ) [4]. Кроме того, законодатель некоторых стран ближнего зарубежья применяет преступное формирование в качестве отягчающего признака конкретного состава преступления (например, ст. 200 УК Республики Таджикистан, ст. 126 УК Республики Туркменистан, ст. 259-1 УК Киргизской Республики и др.).

Подводя итог, необходимо отметить, что отсутствие системности в законодательстве, регламентирующем институт соучастия, обусловливает применение необоснованного уголовно-правового принуждения за групповое совершение преступления. Эффективность уголовного законодательства зависит прежде всего от конструирования справедливых санкций, отражающих количественные и качественные признаки посягательства. Однако вопрос об оптимизации уголовного законодательства в части регламентации ответственности за совершение посягательств преступным сообществом (преступной организацией) остается дискуссионным.

Литература

1. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Республики Адыгея от 10 апреля 2015 г. № 22-156/2015. URL: https://sudact.ru/regular/doc/XSbHkV18d8rO/?regular-txt=ч.+2+ст.+63&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=Статья+210.+Организация+преступного+сообщества+%28преступной+организации%29+или+участие+в+нем+%28ней%29%28УК+РФ%29&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_=1601921073194&snippet_pos=3012#snippet (дата обращения: 10.09.2020).

2. Густова Э.В. Построение санкций в уголовном праве Российской Федерации: теоретический аспект: дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2015.

3. Должникова Е.В., Литвяк Л.Г. Применение уголовного закона по аналогии // Евразийский Союз Ученых. 2015. № 4 (13). С. 52-55.

4. Модельный Уголовный кодекс для государств – участников СНГ [Электронный ресурс]: постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 17 февраля 1996 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Мондохонов А.Н. Преступное сообщество и преступная организация как самостоятельные формы соучастия // Уголовное право. 2018. № 4 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Намнясева В.В. Понятие и пределы судейского усмотрения // Современные проблемы уголовной политики. Краснодар: КрУ МВД России, 2015.

7. О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней) [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Приговор Московского районного суда г. Чебоксары от 18 ноября 2019 г. № 1-405/2019. URL: https://sudact.ru/regular/doc/QRLijD82fgrK/?page=1&regular-court=&regular-date_from=&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=Статья+210.+Организация+преступного+сообщества+%28преступной+организации%29+

или+участие+в+нем+%28ней%29%28УК+РФ%29&regular-workflow_stage=10&regular-date_to=&regular-area=&regular-txt=организованная+группа&_=1593631340900&regular-judge=&snippet_pos=414#snippet (дата обращения: 30.09.2020).

10. Приговор Рудничного районного суда г. Кемерово от 18 сентября 2018 г. № 1-327/2018. URL: https://sudact.ru/regular/doc/EIcMd165ke6m/?regular-txt=&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=&regular-doc_type=1008&regular-date_from=18.09.2018&regular-date_to=18.09.2018&regular-workflow_stage=10&regular-area=&regular-court=%D0%A0%D1%83%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D1%87%D0%BD%D1%8B%D0%B9+%D1%80%D0%B0%D0%B9%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9+%D1%81%D1%83%D0%B4+%D0%B3.+%D0%9A%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BE+%28%D0%9A%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D1%80%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F+%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C%29&regular-judge=&_=1563174799410 (дата обращения: 14.06.2019).

11. Приговор Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) от 14.11.2017 № 1-1258/2017. URL: https://sudact.ru/regular/doc/jsxMR58mdy5C/ (дата обращения: 27.09.2020).

12. Якушева Т.В. Законодательная регламентация и практика привлечения к уголовной ответственности за организацию преступного сообщества (преступной организации): дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016.

УДК 343.85:343.97
И.Н. Заварыкин, *канд. юрид. наук*
Барнаульский юридический институт МВД России
E-mail: criminal-man@mail.ru

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОФИЛАКТИКИ ХИЩЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В статье анализируются закономерности хищений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, а также рассматриваются пути решения проблем, связанных с виктимологической профилактикой данного негативного социального явления.

Автор приходит к выводу о том, что в нашей стране существуют объективные факторы значительного роста хищений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Также он отмечает, что интернет является привлекательной площадкой для правонарушителей, в т.ч. совершающих хищения. Недостаточная финансовая и компьютерная грамотность, доверчивость людей и безнаказанность преступников определяют формирование благоприятной среды для роста рассматриваемого негативного социального явления.

Для более эффективного противодействия рассматриваемому явлению автором сформулированы рекомендации для граждан по виктимологической профилактике.

Ключевые слова: хищения, закономерности преступности, интернет, виктимологическая профилактика преступности.

I.N. Zavarykin, *Candidate of Juridical Sciences*
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: criminal-man@mail.ru

VICTIMOLOGICAL ASPECTS OF PREVENTIVE MEASURES OF THEFTS COMMITTED BY MEANS OF INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES APPLICATION

The article analyzes patterns of thefts committed by means of information and telecommunication technologies application, along with consideration of problems-solving ways related to victimological preventive measures of this negative social phenomenon.

The author comes to the conclusion that in our country objective factors exist which cause significant increase of number of thefts committed with the usage of information and telecommunication technologies. He also mentions that Internet constitutes attractive media for delinquents, including those committing thefts. Insufficient financial and computer literacy, people credulity and criminals impunity determine formation of suitable media for the increase of the negative social phenomenon under consideration.

For more efficient counteraction against the considered phenomenon the author has defined recommendations for citizens concerning victimological preventive measures.

Key words: thefts, criminal patterns, Internet, victimological crime preventive measures.

Преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в России, достаточно разнообразны и продолжают оставаться одними из самых трудно раскрываемых по причине специфики механизма их совершения.

В январе-декабре 2020 г. зарегистрировано 510,4 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, что на 73,4% больше, чем за аналогичный период прошлого года. Их удельный вес составил 25% от всех зарегистрированных посягательств. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился с 14,5% в январе-декабре 2019 г. до 25,0%. Практически все такие преступления (98,6%) были выявлены органами внутренних дел. Больше половины таких преступлений (52,4%) относились к категориям тяжких и особо тяжких (267,6 тыс., +87,5%); больше половины (58,8%) совершено с использованием сети Интернет (300,3 тыс., +91,3%); почти половина (42,9%) – средств мобильной связи (218,7 тыс., +88,3%).

Следует подчеркнуть, что 80,4% рассмотренных выше преступлений – это хищения, совершенные путем кражи или мошенничества (410,5 тыс., +74,3%).

В регионах ситуация аналогичная. Так, в январе-декабре 2020 г. в Алтайском крае совершено 10 292 преступления с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (+68,5% АППГ). Их удельный вес составил 26,3% от всех зарегистрированных посягательств. Из них 3793 преступления совершены с использованием или применением расчетных (пластиковых) карт, 5660 – сети Интернет, 5344 – средств мобильной связи. Доля краж в числе совершенных с использованием IT-технологий составила 40,3%, мошенничеств – 39,9%.

Существуют объективные факторы значительного роста хищений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий:

1. Анонимность в глобальной сети. Программное обеспечение, используемое преступниками, позволяет им оставаться инкогнито при совершении преступлений в сети Интернет или мобильной сети [2, с. 21].

Технологии беспроводного и мобильного интернета позволяют преступнику свободно перемещаться в пространстве, используя различные точки доступа [6, с. 136-144].

Многим пользователям интернета известно о наличии программных средств, позволяющих маскировать реальный IP-адрес, по которому можно идентифицировать местонахождение персонального компьютера или мобильного устройства.

Более того, существуют IT-технологии, с помощью которых мобильные устройства правонарушителей находятся в одном регионе, а отслеживаются совсем в другом.

2. Распространенность и доступность. Места проведения досуга зачастую оснащены беспроводными сетями Wi-Fi, предоставляемыми безвозмездно.

Практически любой человек может получить свободный доступ к мобильному интернету за сравнительно небольшую плату.

3. Трансграничность совершения правонарушений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Так, например, заместитель начальника 6-го отдела Управления уголовного розыска ГУ МВД России по г. Москве Сергей Клиндухов рассказал информационному порталу SecurityLab.ru, что по его оперативным данным в 2019-2020 гг. около 60% звонков мошенников на телефоны граждан России совершалось с территории Украины. Их устанавливали оперативным путем, но привлечь к ответственности никого не смогли из-за испортившихся с этой страной международных отношений [1].

4. Отсутствие личного визуального общения преступника и жертвы психологически позволяет более просто относиться к совершаемому в отношении нее посягательству.

5. Электронные сообщения и платежи происходят за секунды в режиме реального времени. Те же самые технологии обеспечивают для мошенников возможность массового воздействия на своих жертв. С минимальной затратой средств и сил стало возможным тиражирование одного и того же сообщения на многочисленных досках объявлений, форумах, в виде почтовых сообщений. Применение современных сетевых технологий не только упрощает, но и удешевляет совершение хищения.

6. Виктимность жертв, отсутствие финансовой грамотности у людей, их доверчивость и халатное отношение к обеспечению безопасности собственных денежных средств [3, с. 132].

Приведем пример. Так, в ноябре 2020 г. у жителя города Ярового Алтайского края похитили почти 1,5 млн рублей при следующих обстоятельствах.

Мужчина нашел организацию в сети Интернет, которая якобы вкладывала деньги в биржевые игры на рынке криптовалют. Получив разово небольшую прибыль, он оформил кредит в банке на сумму 435 тыс. рублей и после этого перевел все имевшиеся у него деньги на счет мошенников. Однако сразу же после перевода аккаунт мужчины заблокировали, после чего он обратился в полицию.

По данному факту возбуждено уголовное дело и устанавливаются личности подозреваемых [4].

Проанализируем, на наш взгляд, основные детерминанты виктимизации жертв рассматриваемых преступлений:

- низкий уровень жизни населения в стране, безработица, а отсюда поиски средств быстрого обогащения;

- недостаточная численность и неудовлетворительная работа правоохранительных органов по предупреждению, выявлению, пресечению хищений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, а также привлечению виновных к ответственности;

- недостаточное обеспечение собственной безопасности и сохранности имущества граждан;

- недостаточное информирование граждан о методах защиты себя и своего имущества;

- сложившаяся ситуация, связанная с пандемией COVID-19 (невозможность приобретать вещи в обычных магазинах, увеличение интернет-сделок и переводов, психологическая зависимость людей от использования интернет-ресурсов, в т.ч. связанных с интернет-шопингом и интернет-банкингом).

Следует сказать и о хищениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, которые имеют спорную квалификацию по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, ст. 159.3 УК РФ и ст. 7.27 КоАП РФ. В судебной практике нет единого подхода к определению ответственности за данные посягательства, а ст. 159.3 УК РФ рассматривается как специальная норма по отношению к п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, т.к. в ее диспозиции указывается специальный способ совершения, но не описывается форма хищения.

Важно отметить, что техническая составляющая противодействия рассматриваемому виду преступлений имеет первостепенное значение. Отсюда складываются следующие проблемы в предупреждении, выявлении, пресечении хищений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий:

- нехватка профессиональных, опытных кадров в подразделениях органов внутренних дел;

- отсутствие эффективных методик противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий;

- отсутствие должного технического обеспечения деятельности, связанной с предупреждением, выявлением, пресечением преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий;

- отсутствие действенной стратегии противодействия данному негативному явлению.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что интернет является привлекательной площадкой для правонарушителей, в т.ч. совершающих хищения. Недостаточная финансовая и компьютерная грамотность, доверчивость людей и безнаказанность преступников определяют формирование благоприятной среды для роста рассматриваемого негативного социального явления.

Следует отметить, что виктимное поведение, виктимность жертвы и процесс ее виктимизации являются детерминантами, влияющими на механизм преступного поведения.

Следовательно, виктимологическая профилактика рассматриваемого вида хищений является наиболее эффективным средством их предупреждения [5, с. 142].

На наш взгляд, к разработке мер виктимологической профилактики преступлений, совершаемых с использованием высоких технологий, должны привлекаться не только криминологи, но и технические специалисты.

Рассмотрим основные правила поведения, которые позволят обезопасить граждан от хищений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий:

- нельзя оставлять на открытых сайтах личные данные, используемые в последующем для идентификации пользователя и рассылки спама, а также вредоносных программ;

- отказаться от загрузки файлов с сомнительных сайтов, т.к. это чревато попаданием в систему персонального компьютера или мобильного устройства вредоносных программ;

- запрещено переходить по ссылкам, которые содержатся в спаме или сомнительных предложениях, присылаемых в электронных письмах, мобильных чатах и СМС;

- лучше не пытаться отписаться от спама, т.к. почтовые ящики, владельцы которых открывают такие письма, вносятся в «белые базы», где находятся адреса, благоприятные для последующей рассылки (следует его заблокировать средствами электронной почты или специальных программ);

- перед тем как вложить деньги в инвестиционные интернет-проекты, необходимо понимать, большинство из них – это финансовые пирамиды или завуалированные мошенники;

- необходимо развивать финансовую грамотность, изучать инвестиционные продукты и научиться понимать принципы преумножения и зарабатывания денег;

- покупать товары, услуги, тренинги и курсы у проверенных продавцов и экспертов (всегда можно почитать отзывы, посмотреть описания и сделать выводы), однако следует помнить, что отзывы в интернете не всегда реальны (если они только положительные и написаны под копирку, значит делать покупки в этом магазине, платить за услуги на этой интернет-площадке не следует);

- не делать предоплаты сомнительным продавцам, сейчас многое можно приобрести в интернете, оплатив при получении;

- игнорировать сомнительные предложения быстрого и мгновенного заработка, особенно если при этом вам надо вложить свои деньги перед началом работы;

- при общении в интернете с незнакомыми людьми, предлагающими разные выгодные предложения, быть внимательными и не принимать необдуманных решений, а если вас торопят с принятием решения, то выдержать паузу и все обдумать;

- при звонках из службы безопасности банков прекращать разговор и проверять информацию по официальным каналам связи (номер телефона банка можно найти на обратной стороне банковской карты или на официальном сайте).

Распространение данной информации среди граждан, в т.ч. органами внутренних дел России, позволит значительно минимизировать количество мошенничеств, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Литература

1. Информационный портал SecurityLab.ru (интервью от 27.08.2020). URL: https://www.securitylab.ru/news/511538.php (дата обращения: 25.03.2021).

2. Комаров А.А. Интернет-мошенничество: проблемы детерминации и предупреждения. М., 2013. 184 с.

3. Комплексный анализ криминальной ситуации в регионе: теория, методология, практика: монография / Р.М. Абызов, О.М. Шаганова, И.Н. Заварыкин и др.; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф., заслуженного юриста Российской Федерации Р.М. Абызова. Барнаул: БЮИ МВД России, 2018. 299 с.

4. Новостной портал Amic.ru (новость от 26.11.2020). URL: https://www.amic.ru/news/472813/ (дата обращения: 25.03.2021).

5. Прогнозирование и противодействие региональной преступности (по материалам Алтайского края): монография / Р.М. Абызов, Е.Р. Шестопалова, П.Д. Фризен и др.; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф., заслуженного юриста Российской Федерации Р.М. Абызова. Барнаул: БЮИ МВД России, 2019. 152 с.

6. Сынгаевский Д.В. Мошенничество в глобальной сети Интернет как объект виктимологического исследования // Современный юрист. 2015. № 4 (5). С. 136-144.

УДК 343.625:343.21
П.Н. Кобец, *доктор юрид. наук, профессор*
Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России
E-mail: pkobets37@rambler.ru

ОСОБЕННОСТИ ЯПОНСКОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ НАЧАЛА ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

В представленной статье рассматриваются особенности японской уголовной политики, ее механизм вызывает большой интерес у ученых и практиков, поскольку в нем идеально сочетаются относительная мягкость и высокая эффективность. В качестве методологической основы исследования автором использовались формально-логический, сравнительный, диалектический, исторический методы познания, метод структурного анализа. Применение указанной технологии проведения исследования обеспечило необходимый уровень достоверности и обоснованности полученных научных данных. В процессе исследования было установлено, что в Японии придерживаются принципа, согласно которому лучшей уголовной политикой является та, которая неразрывно связана с социальной политикой. Японии удалось накопить не только уникальный опыт, но и создать действенный механизм по борьбе с криминальным злом. Автор приходит к выводу о том, что положительный японский опыт форм и методов профилактического воздействия, а также стратегий, способов, концепций борьбы с преступностью является необходимым фундаментом для его развития в современной российской уголовной политике. Научной новизной исследования является комплексный анализ особенностей японской уголовной политики в условиях третьего тысячелетия. Практическая значимость работы выражается в возможности ее использования в управленческой деятельности, в процессе принятия решений по совершенствованию уголовной политики Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовная политика, социальная политика, общественные объединения, противодействие преступности, правоохранительные органы, преступная мотивация, гражданское общество, криминогенная обстановка, доверие населения.

P.N. Kobets, *Doctor of Juridical Sciences, professor*
All-Russian Scientific Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: pkobets37@rambler.ru

FEATURES OF JAPANESE CRIMINAL POLICY IN THE CONDITIONS OF THE BEGINNING OF THE THIRD MILLENNIUM

The article discusses the features of Japanese criminal policy, its mechanism is of great interest to scientists and practitioners, since it perfectly combines relative softness and high efficiency. As the methodological basis of the research, the author used the dialectical method of cognition, comparative, formal-logical, methods of structural analysis, and historical. The use of this research technology provided the necessary level of reliability and validity of the obtained scientific data. In the course of the study, it was found that in Japan, they adhere to the principle that the best criminal policy is one that is inextricably linked with social policy. Japan has managed to accumulate not only unique experience, but also to create a successful mechanism to combat criminal evil. The author comes to the conclusion that the positive Japanese experience of forms and methods of preventive action, as well as strategies, methods, and concepts of combating crime, is a necessary foundation for its development in modern Russian criminal policy. The scientific novelty of the study is a comprehensive analysis of the features of the Japanese criminal policy in the conditions of the third millennium. The practical significance of the work is expressed in the possibility of its use in management activities, in the decision-making process to improve the criminal policy of the Russian Federation.

Key words: criminal policy, social policy, public associations, crime prevention, law enforcement agencies, criminal motivation, civil society, criminogenic situation, public trust.

Актуальность рассматриваемой проблемы состоит в том, что на протяжении всего периода нового тысячелетия уровень преступности в Японии постоянно снижается, и начиная с 2002 г. по настоящее время он уменьшился в 2,3 раза [6, с. 42]. Соответственно, японским государственным органам неплохо удается справляться с проблемами в сфере борьбы с преступностью. В этой связи особый интерес для российских и иностранных исследователей преступности представляет изучение особенностей японской уголовной политики. Исследование зарубежных особенностей воздействия на противоправное поведение делает возможным осуществить имплементацию иностранного положительного опыта в отечественную систему борьбы с преступностью.

Возникновение японского права происходило с учетом самых лучших достижений западных правовых идей при неизменном сохранении японской самобытности. Поэтому, несмотря на то, что большинство законодательных актов, начиная с первой конституции, конструировалось по европейским образцам, полного копирования западной правовой системы не случилось. Во многом это касается и японской уголовной политики, базирующейся на национальных японских особенностях и в полной мере учитывающей менталитет своих граждан. Уголовная политика Японии сфокусирована на идеях постепенного перехода из области государственно-правовой в социальную сферу. Японская уголовная политика выстроена на принципах, в соответствии с которыми суровые санкции не в состоянии сдержать рост противоправных деяний. Свои акценты она расставляет на осуществлении общесоциального криминологического воздействия, а не на разработке уголовно-правовых мер борьбы с преступностью [11, с. 57].

В широком понимании под уголовной политикой подразумевается определенная государством стратегия и тактика в сфере борьбы с преступностью. Впервые данное понятие сформировал в конце XIX в. Франц Фон Лист в работе «Задачи уголовной политики» [13, с. 27]. Японская правовая наука не дает четкого определения такому явлению, как уголовная политика. Под этим феноменом японскими специалистами предусматривается выявление причинного комплекса преступности, а также реализация мероприятий по устранению его основных детерминант. В Японии противодействие преступности осуществляется в широком (охватывающем большинство социальных сфер) и узком смыслах этого понятия, которое сводится к специфическим целенаправленным государственным мерам. При этом в Стране восходящего солнца не уделено пристального внимания к тонкой проработке уголовно-правовых институтов, в большей степени правотворческая деятельность сосредоточена на соответствии уголовно-правовых норм стереотипам, выработанным сознанием японских граждан [14, с. 89].

Также следует отметить широко распространенное мнение японцев, согласно которому преступные проявления – это продукт той среды, которая их окружает, поэтому проявления преступности подлежат контролю и предупреждению. При этом, как считают японские специалисты, приоритетными должны быть меры социального контроля за преступностью, а не государственно-правовые, в этом главный смысл японской уголовной политики. А эффективная деятельность по ее реализации во многом зависит от основных детерминант, которые играют особую роль в системе борьбы с преступностью [16, p. 52].

В ряде источников высказывается мнение о том, что жесткие меры воздействия на преступность намного эффективнее сказываются на ее противодействии. Но при этом, обращаясь к сравнительно криминологическим исследованиям преступности, мы видим, что это не всегда так, поскольку в отдельных государствах достаточно мягкая государственная политика в сфере борьбы с преступностью, но при этом ее уровень весьма невелик. К примеру, в Японии используются одни из самых мягких мер по борьбе с преступностью, а ее показатели на протяжении всего периода нового тысячелетия одни из самых низких по сравнению с другими экономически развитыми державами. Японское общество уже давно уверовало в то, что совершенствование уголовно-правовой системы не может быть главным условием снижения преступности [15, p. 75].

Характерной и специфичной особенностью японской уголовной политики выступает соответствующее моменту законодательное и правоприменительное реагирование на изменяющуюся криминогенную обстановку. В результате этого правоохранительные органы получают возможность сосредоточить свои усилия на самых опасных преступных проявлениях и, применяя меры уголовно-правового воздействия, уменьшать вероятность роста преступных проявлений. Осуществление такой уголовной политики не только укрепляет правопорядок, но и в целом способствует повышению доверия населения к государству.

В Стране восходящего солнца у представителей государственных структур превалирует позиция, согласно которой с преступностью не стоит бороться, используя только карательные и суровые методы. И поэтому следуя общегосударственной политической воле, японские правоохранители исходят из того, что лишать преступника свободы необходимо только в особых случаях. Основополагающей особенностью японской уголовной политики в первую очередь считается предупреждение девиантного поведения. Профилактика девиантного поведения в Японии возложена на ряд социальных институтов:

школу, семью, общественность и др. Данная политика проводится государственными органами совместно с общественными организациями в отношении несовершеннолетних и молодежи. Использование системы общественных регуляторов в данной деятельности во многом оправдано, поскольку выступает в качестве основного инструмента по социальному контролю и сдерживанию развития девиантного поведения среди японской молодежи [9, с. 11].

Важнейшей особенностью японской уголовной политики является наиболее полное и своевременное применение уголовных репрессий. И это является центральной линией, реализуемой различными уровнями и всеми этапами правоохранительной работы. Представленное не идет в разрез, а наоборот, в достаточной степени согласуется с рядом жестких уголовно-правовых санкций. В этой связи можно отметить, что японская система мер по противодействию преступности в мировой криминологической науке получила одну из самых высоких оценок. Криминологи характеризуют рассматриваемую систему как благожелательную из-за ее «мягкого» содержания. К тому же рассматриваемая система мер позволила совместить принципы мягкости и высокой эффективности. Кроме этого, среди основных принципов японской уголовной политики необходимо отметить приоритет социального контроля, а не государственного. Также особенностью японской уголовной политики являются ее приверженность последовательности, плановости, приоритет социального контроля по отношению к ведомственному, обязательная интеграция ее в бюджетное законодательство [4, с. 111-112].

В каждом отдельном государстве происходит собственное формирование системы по противодействию преступности. Сравнительные анализы криминологических показателей в тех государствах, в которых большое значение отводится соблюдению традиционных ценностей, свидетельствуют о том, что имплементация западных ценностей в такое общество неизбежно через какой-то промежуток времени приведет к росту криминологической напряженности, в то же время страны, опирающиеся на традиционализм, всячески противодействуют воплощению ключевых детерминант преступности и собственно криминогенному потенциалу [1, с. 19].

В первую очередь следует сказать о японском традиционализме, который имеет мощный антикриминогенный потенциал, блокирующий криминальное поведение на стадии его формирования, поэтому японское население стремится к послушанию и строгому выполнению установленной законодательной этики [8, с. 16]. Японская уголовная политика строится с учетом национальных традиций. В силу ряда обстоятельств Японии пришлось длительный промежуток времени оставаться совершенно обособленным государством, не поддерживающим отношений с мировым сообществом. И лишь с начала второй половины XIX столетия в стране была открыта граница и началась интенсивная международная деятельность. При этом важно отметить, что японские национальные традиции были окончательно сформированы гораздо раньше. И большинство всех японских традиционных ценностей, среди которых: ответственность за содеянное, строгое послушание, покорность, соблюдение субординации, уважение интересов коллектива, постоянное самосовершенствование и др., продолжает играть важнейшую роль в повседневной жизни населения [5, с. 75].

Японский успех в борьбе с преступностью не объясним какими-то единичными причинами. Невысокие количественные характеристики японской преступности необходимо связывать с социально-экономическими, социально-психологическими, организационно-управленческими, историческими, правовыми и другими факторами. К примеру, отношения в семье в значительной степени воздействуют на снижение преступной мотивации. Невысокий уровень безработицы, гарантированное государством равноправие по обеспечению социального статуса, практикуемая система пожизненного найма также выступают в качестве важнейшего фактора. Нельзя не упомянуть о таком важном факторе, как строгий контроль за оборотом огнестрельного оружия. Кроме того, целесообразно брать в расчет и эффективную работу служб, занимающихся пробационным надзором, которые осуществляют свою работу на принципах профессиональной добровольной основы.

Правовое сознание и правовая культура японского населения повышаются на основе изучения различных комментариев к текстам законодательных актов и ряда других уголовно-правовых изданий. Также диалогу между населением и государством о проблемных вопросах в сфере государственной политики по борьбе с преступностью способствуют «Белые книги» – ежегодные доклады, описывающие ситуацию в сфере национальной безопасности, а также основные вызовы и угрозы [2, с. 30].

Кроме того, в Японии придерживаются принципа, согласно которому лучшей уголовной политикой является та, которая неразрывно связана с социальной политикой. Как мы видим, японское государство постоянно стремится придерживаться этого курса, активно используя японские общественные традиции и широкие общественные меры социального контроля населения. Поэтому в Японии полагают, что, осуществляя публичный контроль над преступностью, важно использовать такое направление, как социализация граждан, освободившихся из мест лишения свободы. Решение данной проблемы состоит в выводе ее из сферы применения уголовно-правово-

го воздействия на лиц, которые совершили нетяжкие противоправные деяния, и, соответственно, применении к ним таких наказаний, которые не связаны с лишением свободы. В крайних случаях возможно осуждение таких лиц к непродолжительным срокам лишения свободы. В Японии также полагают, что особо важен дифференцированный подход при обращении с заключенными и необходимо стремиться к всеохватывающему контролю и воспитанию лиц, освобожденных условно-досрочно из мест лишения свободы [12, с. 199].

Важно подчеркнуть, что в государствах, опирающихся на традиционные исторические ценности и помощь гражданского общества, данные, характеризующие преступность, несколько ниже аналогичных статистических параметров в отличие от некоторых стран с либеральной идеологией. Японское общество смогло сохранить традиционализм в его самом широком смысле, в т.ч. в религиозной, этической и нравственной сферах, равноправные взаимоотношения между всеми слоями общества, следование ценностным ориентациям во всем, что способствует эффективному правовому регулированию. И несмотря на бурную модернизацию, проникновение в страну западных ценностей, государством не были утрачены традиционные основы, способствующие эффективному регулированию общественных отношений с привлечением к данному процессу представителей японского населения.

В Японии мероприятия, направленные на предупреждение преступности, не носят адресного характера для конкретных лиц, склонных к совершению противоправных деяний в силу их личностных характеристик, окружающих условий и др. Рассматриваемые меры противодействия преступности разделены на две категории, они обращены либо ко всему обществу, либо направлены на отдельные его группы. Эти меры осуществляются в рамках широкой пропаганды законопослушного поведения сотрудниками полиции, работниками школ, волонтерами общественных организаций. Комплекс проводимых органами государственной власти, правоохранителями и общественностью мероприятий, направленных на устранение причинного комплекса преступности, способствующего совершению противоправных деяний, включает широкий круг мер. Так, в частности, на особом контроле у полицейских структур находятся не имеющие освещения в ночное время суток места большого скопления молодежи и подростков. Особо охраняются полицией финансовые учреждения и предприятия, отнесенные к потенциальным объектам, в которые проникают преступники, например, в которых имеются взрывчатые или отравляющие вещества. Целенаправленно проводится работа по объединению сил и средств полицейских подразделений и общественных формирований граждан по борьбе с преступностью. Для этого на узаконенной основе граждане работают в общественных организациях, взаимодействующих с полицейскими подразделениями [10, с. 82].

Важнейшим направлением по противодействию преступности в Японии выступает виктимологическое предупреждение – осуществление защиты прав и законных интересов жертв преступных посягательств, а также восстановление причиненного потерпевшим материального и морального вреда.

Развитие уголовно-правовых идей в различных зарубежных странах осуществлялось неразрывно под влиянием криминологии, но эти процессы шли везде по-разному. В частности, исторически сложилось так, что существовавшее в Японии на протяжении многих лет отставание в развитии криминологических идей от уголовно-правовых сохраняется и по ныне. В то же время, не придавая большого значения осмыслению различных криминологических концепций, японскими специалистами был сделан акцент на практическую сторону данного дела. В итоге ими была сформирована уникальная уголовная политика, которая базируется на традициях, обычаях и ценностях японского общества, с учетом особого места общин, группового сознания, семейных институтов, национальной психологии, учитывая исторические, культурные, социально-психологические факторы, которые делают возможным максимальное снижение уровня преступных посягательств.

В современной Японии криминологическое учение распространяется очень активно, и этот процесс представляется позитивным фактом. Во многом рассматриваемое явление выражается в деятельности японских правоохранителей, с особым вниманием воспринимающих рекомендации, высказанные криминологами. Представители японских органов власти стремятся быть участниками научно-представительских криминологических мероприятий, представители государственных структур выступают в качестве заказчиков научных исследований и предоставляют различные виды поддержки инициатив, исходящих со стороны ученых-криминологов. По большому счету следует согласиться с мнением специалистов о свойственности криминологического мышления всему японскому механизму государственной власти, а не только отдельным субъектам, занимающимся его реализацией [7, с. 235].

Исследование зарубежных форм и методов профилактического воздействия, а также стратегий, способов, концепций борьбы с преступностью свидетельствует о необходимости регулярной законотворческой деятельности по рассматриваемому направлению. При этом важно учитывать конкретные

социальные условия, а также системные криминологические научные знания. Также следует полагаться на финансово-бюджетную и организационно-правовую поддержку государственных органов и активное участие гражданского общества.

В заключение необходимо отметить, что одним из важных направлений в Японии в сфере реализации уголовной политики выступает предупреждение преступности. Поэтому всеми японскими субъектами правоохранительной деятельности, государственными и муниципальными организациями проводится масштабная и систематическая работа в этом направлении. В первую очередь она выражается в том, что на государственном уровне выстроена система мероприятий, которые нацелены повышать правовую культуру японских граждан и обеспечивать общественную поддержку государственной власти по противодействию преступности. В итоге в отличие от многих других государств в криминальном отношении Япония остается одной из самых безопасных стран. По мнению российских ученых, данное обстоятельство во многом обусловлено тем, что японская уголовная политика выстраивается на относительной мягкости и высокой эффективности [3, с. 131]. Поэтому можно с уверенностью отметить, что обозначенные японским правительством цели и задачи в сфере противодействия преступности решаются достаточно результативно.

Литература

1. Акимова Н.В. Формирование и реализация уголовной политики: опыт зарубежных стран // Уголовная политика и правоприменительная практика: сборник мат-лов V международной научно-практ. конф-ции / отв. ред. Е.Н. Рахманова. СПб., 2018. С. 16-24.

2. Варламова О.Ф. Предупреждение рецидивной преступности в Японии // Международное уголовное право и международная юстиция. 2021. № 1. С. 30-32.

3. Иншаков С.М. Особенности уголовной политики Японии в XX веке // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 6. С. 130-133.

4. Квашис В.Е., Генрих Н.В. Сравнительный анализ преступности, уголовной политики и правоприменительной практики в России и Японии // Общество и право. 2016. № 2 (56). С. 108-120.

5. Квашис В.Е., Морозов Н.А., Тё И.Б. США и Япония: Преступность. Уголовная политика. Смертная казнь: монография / под ред. В.Е. Квашиса. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2008.

6. Квашис В.Е. Преступность в Японии: вчера, сегодня и завтра // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 1 (59). С. 39-45.

7. Клеймёнов И.М. Криминология в Китае и Японии // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2012. № 3 (32). С. 233-237.

8. Кобец П.Н. Особенности и проблемы генезиса современного гражданского общества Японии // Гражданское общество в России и за рубежом. 2019. № 3. С. 15-17.

9. Латыпов С.Р. Государственная политика Японии в сфере борьбы с девиантным поведением молодежи (1990-2008 гг.): автореф. дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2009. 20 с.

10. Лепехин А.А. Тактика проведения мер по предупреждению преступности // Право и образование. 2012. № 4. С. 80-86.

11. Морозов Н.А. Преступность и борьба с ней в современной Японии: дис. … канд. юрид. наук. Владивосток, 2000. 193 с.

12. Тохова Е.А. Зарубежный опыт социально-правового контроля за лицами, освобожденными из исправительных учреждений // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 1. С. 198-201.

13. Франц Фон Лист. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление / сост. и предисл. В.С. Овчинского. М.: Инфра-М, 2004. 110 с.

14. Уэда Кан. Преступность и криминология в современной Японии / пер. с японского О.А. Белявской; под общ. ред. В.Н. Еремина, Н.Ф. Кузнецовой. М.: Прогресс, 1989. 256 с.

15. Herber E. Crime prevention volunteering in Japan: Japanese citizens' contribution to low crime rates // International Journal of Law, Crime and Justice. 2018. Vol. 54. P. 75-78.

16. Tsutomi Hiroshi. A Paradigm Shift in Offender Treatment: Towards a Strength-Based Model // Japanese Journal of Sociological Criminology. 2009. 34. P. 47-58.

УДК 343.57

В.В. Литовченко
адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России
E-mail: nigaz-969@mail.ru

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩИХ УГОЛОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРИМЕНЕНИЕ (УПОТРЕБЛЕНИЕ) В СПОРТЕ ПРЕПАРАТОВ

Современные спортивные победы совершаются на грани возможного и заставляют удивляться потенциалам организма. Однако не все возможности вырабатываются исключительно тренировками. На протяжении всего времени существования спорта некоторые спортсмены и их тренеры обращались к дополнительным способам стать «быстрее, выше, сильнее». Сегодняшние методы, применяемые в спорте высоких достижений, являются опасными, в связи с чем сначала мировое сообщество забило тревогу, а в последующем данную тенденцию последовательно подхватили все страны, в т.ч. и Россия. Исследование посвящено анализу элементов составов преступлений, предусмотренных ст. 230.1 УК РФ и 230.2 УК РФ, определяющими уголовную ответственность тренеров, медицинских работников и иных специалистов за применение запрещенных субстанций и (или) методов, называемых допингом. Автор в своем исследовании выделяет проблему практического применения действующих норм. Она заключается в отсутствии обширного круга субъектов, подлежащих ответственности за преступления, связанные со склонением и применением в отношении спортсмена запрещенных в спорте субстанций и (или) методов, а также объекта уголовно-правовой охраны. Методологическую основу исследования составили общенаучные и частные методы, такие как исторический, сравнительно-правовой, диалектический.

Ключевые слова: допинг, санкция, запрещенный препарат, субстанция, метод, объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона, деяние, спортсмен.

V.V. Litovchenko
postgraduate student of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: nigaz-969@mail.ru

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE ELEMENTS OF CRIMES THAT PROVIDE FOR CRIMINAL LIABILITY FOR THE USE PROHIBITED DRUGS IN SPORTS

Modern sports victories are made on the verge of the possible and make you wonder at the potentials of the body. However, not all opportunities are developed exclusively by training. Throughout the sport's existence, some athletes and their coaches have turned to additional ways to become «faster, taller, stronger». Today's methods used in high-performance sports are dangerous, and therefore, first the world community sounded the alarm, and later this trend was picked up consistently by all countries, including Russia. The study focuses on the analysis of the elements of the offense under art. 230.1 and 230.2 of the Criminal Code of the Russian Federation provides for criminal liability coaches, medical professionals, and other experts, for the use of prohibited substances and (or) methods called doping. The author in his research highlights the problem of practical application of the current norms. It consists in the absence of a wide range of subjects liable to responsibility for crimes related to the use of substances and (or) methods prohibited in sports against an athlete, as well as the object of criminal legal protection. The methodological basis of the study was made up of general scientific and private methods, such as historical, comparative legal, dialectical.

Key words: doping sanction, prohibited drug, substance, method, object, objective side, subject, subjective side, criminal act, athlete.

Спортивная история использования допинга берет свое начало в древности, когда допингом были народные средства. Все спортсмены придерживались лозунга: «Победа любой ценой», а потому нередко подвергали себя опасности, принимая перед соревнованиями различные галлюциногены и даже сильнодействующие яды (например, стрихнин, но в малых количествах). Организаторы соревнований рекомендовали честную игру, тем не менее как таковой запрет на использование допинга отсутствовал.

Сегодня для России вопросы развития физической культуры и спорта стоят в приоритете в связи с участившимися случаями дисквалификации наших спортсменов, они постоянно находятся в поле зрения Президента РФ, Правительства РФ и Федерального Собрания РФ. Формирование необходимой правовой базы, современной организации и управления развитием физической культуры и спорта, а также механизма реализации, как отмечает Г.А. Нафикова, позволит эффективно достичь поставленных задач [8].

Международная конвенция о борьбе с допингом в спорте Генеральной конференции Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры – «ЮНЕСКО», принятая в 2005 г., определяет меры в отношении вспомогательного персонала, спортсмена, которые прежде всего исходят от государств-участников.

В статье 11 Конвенции напрямую указывается на необходимость принятия мер по приостановлению финансовой поддержки тех отдельных спортсменов или их вспомогательного персонала, которые были отстранены вследствие нарушений антидопинговых правил.

В случае если вспомогательный персонал имеет отношение к нарушению спортсменом антидопинговых правил, к нему применяются более строгие санкции, нежели к самому спортсмену.

Срок дисквалификации может составлять от 4 лет до пожизненного срока.

Наказание в виде пожизненной дисквалификации применяется, когда вспомогательный персонал был причастен к нарушению антидопинговых правил несовершеннолетним спортсменом.

Борьба с допингом в настоящий момент занимает одно из ведущих мест среди проблем в спорте, а именно существует необходимость его умелого нормативного регулирования с учетом складывающейся в этой части острой и небеспочвенной критики [2-7, 15]. Вопросы правового регулирования запрета на использование запрещенных препаратов и методов в спорте граничат с технико-юридическими вопросами согласования уголовных норм и межотраслевого согласования.

В качестве нормативного решения с целью выработки эффективных механизмов борьбы с запрещенными веществами в спорте и установления внутригосударственных санкций Российская Федерация приняла Федеральный закон от 22.11.2016 № 392-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части усиления ответственности за нарушение антидопинговых правил)» [9].

Глава 25 Уголовного кодекса была дополнена двумя новыми статьями (ст. 230.1 и 230.2), устанавливающими уголовную ответственность за склонение спортсмена и использование в отношении него субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте. Отметим, что смысл таких изменений заключается в остром противостоянии проблеме распространения допинговых препаратов, что повлекло массовые дисквалификации российских спортсменов и даже сборных команд.

Проведем сравнительно-правовой анализ смежных составов преступлений, предусмотренных ст. 230.1 и 230.2 УК РФ, поскольку обе регулируют одну сферу – применение запрещенных препаратов или методов в спорте.

Следует отметить, что законодателем рассматриваемые виды деяний отнесены к главе 25 абсолютно справедливо. Поскольку объект преступного посягательства в значительной степени определяет общественную опасность совершенного деяния, показывает его направленность, начнем анализ норм именно с него. В науке уголовного права выделяют следующие виды объектов преступления: общий, родовой, видовой, непосредственный, основной, дополнительный и факультативный.

По родовому объекту преступления посягают на общественную безопасность и общественный порядок. Напомним, что родовой объект преступления – это группа охраняемых уголовным законом однородных общественных отношений, объединенных по своему содержанию. Общественный порядок – сложившаяся в обществе система отношений между людьми, правил взаимного поведения и общежития, регулируемых действующим законодательством, обычаями и традициями, а также нравственными нормами. Именно нравственность подвергается угрозе подрыва, поскольку применение запрещенных субстанций и (или) методов в спорте оказывает прямое воздействие на устоявшиеся нормы, представления о том, что спорт – это олицетворение самого ценного, что есть у людей – их жизни и здоровья.

Видовой объект объединяет составы преступлений, которые своими общественно опасными последствиями способны и могут причинить существенный вред рассматриваемой группе отношений, возникающих в сфере здоровья населения и общественной нравственности. Сопоставим понятия «здоровье» и «спорт» для более наглядного подтверждения ска-

занного. Под здоровьем, согласно уставу Всемирной организации здравоохранения, понимается «состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов» [13]. Понятия спорта как самостоятельной единичной дефиниции нет. Однако существуют характерные для его определения признаки, среди которых выделяют: соревновательный элемент, исключение ненужного риска здоровью, ненанесение умышленного вреда живым существам, физическую активность. Таким образом, по нашему мнению, это взаимозависимые единицы, которые дополняют друг друга и не могут функционировать в отдельности.

Непосредственным объектом преступлений, предусмотренных ст. 230.1 и 230.2 УК РФ, являются общественные отношения в области здоровья населения, в т.ч. здоровья профессионального спортсмена, которое подвержено воздействию допинга, способного оказать необратимые для организма последствия.

По дополнительному объекту преступления идентичны. Они посягают на законный порядок осуществления спортивной деятельности. В настоящее время Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» регламентирует организацию и проведение спортивных мероприятий. Спортивная деятельность – одна из сфер деятельности, где способности играют определяющую роль в достижениях человека. Деятельность спортсменов всегда без исключения содержит в себе соревновательный характер. В ином случае спортивная деятельность утрачивает свой смысл.

Факультативный объект – исследуемые деяния посягают на жизнь человека. То есть оказывают влияние на жизнеобеспечивающие функции организма путем их изменения под действием инородных веществ, именуемых запрещенными субстанциями или методами.

Общественная опасность рассматриваемых деяний заключается в использовании запрещенных субстанций и (или) методов в спорте, последствия применения которых могут повлечь ухудшение здоровья спортсмена, а также повлиять на справедливый результат соревнований. Рассматриваемые составы преступлений различаются по последствиям применения субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте. Если диспозиция статьи 230.1 УК РФ влечет негативные последствия для здоровья спортсменов, то по ст. 230.2 УК РФ необходимо наличие факта ухудшения здоровья спортсменов.

Объективная сторона преступлений отличается в порядке поступления субстанций в организм спортсмена. По статье 230.1 УК РФ объективная сторона характеризуется склонением спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте. Перечень способов склонения спортсмена, перечисленный в п. 1 примечания к данной статье, не является исчерпывающим, а тем самым дает возможность двоякого толкования. Не может рассматриваться как склонение к использованию рассказ о якобы полезности потребления и иные аналогичные действия без высказывания предложения другим лицам использовать эти средства (вещества).

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 230.2 УК РФ, состоит в использовании в отношении спортсмена независимо от его согласия субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте.

Использование предполагает прием их внутрь в виде таблеток и порошка, путем инъекций и т.п. Однако не следует забывать о разрешении на терапевтическое использование. В этом случае ответственность не предусмотрена.

Внимания заслуживают активные действия – «склонение» и «использование». В судебной практике нет единого подхода к разъяснению этих понятий. Опираясь на разные мнения ученых по данному поводу, выделим следующее: 1) понятия определены через описание действий; 2) они отличаются по способу воздействия на субъект. При склонении действия виновного направлены на возбуждение желания осуществить определенные действия. При использовании виновный способен самостоятельно совершить активные действия в отношении потерпевшего.

Субъективная сторона преступления характеризуется виной в форме прямого умысла, когда субъект осознает, что совершает общественно опасные действия по ст. 230.1 УК РФ, направленные на то, чтобы добиться путем склонения спортсмена использовать запрещенные субстанции и (или) методы, предвидит наступление последствий от своих действий. В случае со ст. 230.2 УК РФ виновный совершает действия, направленные на использование запрещенных субстанций и (или) методов в отношении спортсмена.

А вот относительно субъекта преступления ученые выражают позицию, которая предполагает необходимость включения дополнительного специального субъекта в состав ст. 230.1 УК РФ. Как отмечает Д.В. Пешков, лицом, склоняющим к употреблению биологически активной добавки, может являться продавец спортивного питания, который убедил спортсмена, что никакой допинг-тест в случае допинг-контроля в пробах запрещенных субстанций не выявит [12].

В обоих случаях субъект преступления специальный. Им признается тренер, специалист по спортивной медицине и иной специалист в области физической культуры и спорта. Однако, по нашему мнению, данный факт является рискованным из-за двоякого толкования и возможности неоднозначной трактовки.

Единый квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и служащих в разделе «Квалификационные характеристики должностей работников в области физической культуры и спорта» среди должностей называет главного тренера спортивной сборной команды Российской Федерации (по виду спорта), государственного тренера (по виду спорта), директора (заведующего) физкультурно-спортивной организации, директора Центра спортивной подготовки спортивных сборных команд Российской Федерации, начальника клуба (спортивного, спортивно-технического, стрелково-спортивного) и т.д. [14].

Преступление имеет формальный состав по ч. 1, 2 ст. 230.1 УК РФ, считается оконченным с момента совершения действий по возбуждению желания у спортсмена использовать запрещенные субстанции и (или) методы.

Преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 230.2 УК РФ, также имеет формальный состав, окончено с момента осуществления действий по использованию запрещенных субстанций и (или) методов.

Материальный состав преступления предусмотрен ч. 3 ст. 230.1 и ч. 2 ст. 230.2 УК РФ. Преступление окончено с момента наступления общественно опасных последствий в виде смерти.

Сравнивая санкции рассматриваемых составов преступлений, мы приходим к выводу, что законодатель установил более строгую ответственность за состав преступления по ч. 1 ст. 230.2 УК РФ, т.е. за использование в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещенных в спорте. Использование предполагает активные физические действия, направленные на реализацию умысла самим субъектом преступления, что соответствует принципу назначения наказания.

Санкции статей 230.1 и 230.2 УК РФ, предусматривающих наказание за наступление тяжких последствий в виде смерти спортсмена, являются абсолютно идентичными, что свидетельствует о повышенной опасности рассматриваемого вида деяний.

Подводя итог исследованию в вопросе сравнительного анализа двух статей Уголовного кодекса касательно применения субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, отметим, что это назревшая проблема, однако следует уточнить, что принятые нормы направлены исключительно на привлечение к ответственности тех лиц, которые непосредственно участвуют в подготовке спортсменов.

Смежные составы преступлений характеризуются умышленной формой вины. Различия заключаются в осуществлении действий, с помощью которых виновные добиваются реализации преступного умысла. В случае использования это активные физические действия, склонение же подразумевает «посредническое» участие и реализуется самим спортсменом.

По нашему мнению, для выявления наглядных отличий смежных составов преступлений, связанных с применением допинга, необходимы разъяснения судов, например пленума, в которых будут отражены особенности квалификации, а также прецеденты применения данных норм.

Несмотря на продолжительный период действия статей, практики применения еще не сформировано и сложно сделать выводы об их необходимости в уголовном законодательстве. Безусловно, имеются примеры введения уголовной ответственности за использование запрещенных субстанций в зарубежном законодательстве, но не следует забывать, что должен быть сформирован понятийный аппарат, четкий объект уголовно-правовой охраны в нашей стране для полноценного его применения.

Литература

1. Деревоедов А.А. Допинг в спорте и борьба с ним // Вестник Российского международного олимпийского университета. 2012. № 1 (2). С. 76-85.

2. Жук М.С. Пути совершенствования системы институтов российского уголовного права // Lex russica. 2015. № 4. С. 46-59.

3. Иванцова Н.В. От законодательных новелл 2016 г. к новой редакции Уголовного кодекса РФ // Законность. 2017. № 5. С. 44-47.

4. Кауфман М.А. Правотворческие ошибки в уголовном праве // Журнал российского права. 2016. № 9. С. 92-101.

5. Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика современной России: проблемы пенализации и депенализации // Закон. 2015. № 8. С. 46-59.

6. Крылова Н.Е. Гуманизация уголовного законодательства продолжается? Анализ проектов федеральных законов, одобренных Пленумом Верховного Суда РФ 31 июля 2015 г. // Закон. 2015. № 8. С. 90-107.

7. Майорова Е.И. Некоторые проблемы совершенствования уголовного законодательства России на современном этапе // Российский следователь. 2014. № 1. С. 27-31.

8. Нафикова Г.А. Предмет правового регулирования спортивного права // Административное и муниципальное право. 2011. № 10. С. 85-88.

9. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части усиления ответственности за нарушение антидопинговых правил): федеральный закон от 22.11.2016 № 392-ФЗ // Российская газета. 2016. № 266.

10. О физической культуре и спорте в Российской Федерации: федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Российская газета. 2007. № 276 (пункт 14 ст. 2).

11. Об утверждении перечня субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, для целей статей 230.1 и 230.2 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 28.03.2017 № 339 (ред. от 29.04.2019) // Собрание законодательства РФ. 2017. № 14. Ст. 2074.

12. Пешков Д.В. К вопросу о квалификации преступления, предусмотренного ст. 230.2 УК РФ // Инновационная наука. 2018. № 3. С. 65-68.

13. Преамбула к Уставу (Конституции) Всемирной организации здравоохранения. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Здоровье (дата обращения: 27.02.2021).

14. Приложение к Приказу Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 15 августа 2011 г. № 916н.

15. Решняк М.Г. О некоторых вопросах современного уголовно-правового законотворчества // Российский следователь. 2014. № 3. С. 25-28.

УДК 343.72
В.В. Мальченкова, *канд. пед. наук*
Барнаульский юридический институт МВД России
E-mail: malchenkovavv@mail.ru;
Е.В. Мальченков, *канд. пед. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России
E-mail: malchenkovev@mail.ru;
А.Ю. Сологубов
Барнаульский юридический институт МВД России
E-mail: solo123q@yandex.ru

ДИСТАНЦИОННОЕ МОШЕННИЧЕСТВО КАК НОВАЯ УГРОЗА СОВРЕМЕННОМУ ОБЩЕСТВУ

В статье исследуется круг проблем, посвященных правовому регулированию мошеннических преступлений против собственности, а также предлагаются возможные пути решения существующих и требующих устранения пробелов и недостатков в данной сфере. Специфику проблемы мошенничества обуславливают разнообразный характер информации о существующих фактах противоправного поведения, а также высокий уровень латентности данного вида преступности. Актуальность рассматриваемой темы весьма высока, т.к. практически каждый день мы сталкиваемся со случаями мошенничества, каждый день в ленте новостей появляются случаи, когда у граждан похитили имущество путем обмана.

Ключевые слова: хищение имущества или приобретение права на чужое имущество, мошенничество, обман, злоупотребление доверием, уголовная ответственность, проблемы, пути совершенствования.

V.V. Malchenkova, *Candidate of Pedagogical Sciences*
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: malchenkovavv@mail.ru;
E.V. Malchenkov, *Candidate of Pedagogical Sciences, assistant-professor*
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: malchenkovev@mail.ru;
A.Yu. Sologubov
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: solo123q@yandex.ru

REMOTE FRAUD AS A NEW THREAT TO A MODERN SOCIETY

The article examines a certain range of problems dedicated to the legal regulation of fraudulent crimes against property, and also suggests possible solutions to existing and requiring elimination of gaps and shortcomings in this area. The specificity of the fraud problem is determined by the diverse nature of information about the existing facts of illegal behavior, as well as the high level of latency of this type of crime. The relevance of the topic under consideration is very high, since almost every day we are faced with cases of fraud, every day there are cases in the newswire texts when property was stolen from citizens by deception.

Key words: theft of property or the acquisition of the right to someone else's property, fraud, deception, abuse of trust, criminal liability, problems, ways to improve.

«Каждый мошенник рассчитывает на плохую память того, кто должен быть обманут».

Ю. Фучик

Развитие информационных технологий на современном этапе привело к обострению мошенничеств с использованием средств сотовой связи и в сети Интернет [2].

Так, в соответствии со ст. 159 УК РФ под мошенничеством понимается хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием [3]. Такое социальное явление в настоящее время можно встретить во многих областях жизни граждан, например обман с использованием сотовой связи; обман, совершенный с помощью банковских карт. В связи с этим борьба с мошенничеством является достаточно актуальным направлением современной правовой системы.

Мошенничество может выражаться и в приобретении права на чужое имущество, т.е. «обращение такого права в пользу виновного или других лиц, осуществляемое аналогично хищению имущества» [7].

В частности, стоит уделить внимание началу и развитию дистанционного мошенничества в общественных отношениях, в частности, во время пандемии COVID-19. В эпоху, когда значительная часть населения перешла на самоизоляцию, в т.ч. и на удаленную работу, стремительно возрос спрос на виртуальные сервисы. Сложившейся ситуацией не замедлили воспользоваться преступники.

Основные цели киберпреступников во время пандемии не изменились, они по-прежнему пытаются похитить деньги и информацию, которую потом можно продать, но вот свои методы преступники адаптировали «под актуальную повестку».

Проводя анализ преступности, можно отметить, что в период самоизоляции на 76% выросло число дел о телефонном и интернет-мошенничестве [6]. Обосновать это можно с точки зрения того, что граждане стремились обеспечить себя дополнительным доходом, а также получить социальные выплаты, чем и пользовались преступники, получая возможность доступа к личным данным граждан.

Причиной массового мошенничества выступили ограничения в социально-бытовой сфере жизнедеятельности граждан. Анализируя приведенную статистику Генеральной прокуратуры, мы приходим к выводу о том, что основное количество совершаемых преступлений приходится на телефонное и интернет-мошенничество, приведенные выше показатели являются примером того, что злоумышленники не собираются прекращать свою преступную деятельность.

Нельзя не отметить и то, что это интеллектуальный вид преступлений: преступник должен обладать знаниями в сфере психологии и умением убеждать людей.

Так, с начала апреля по конец июня 2020 г. Генеральной прокуратурой было зафиксировано около 83 тысяч случаев мошенничества, из которых 76% составляют совершенные посредством телефона или же через глобальную сеть. В сравнении с предшествовавшим годом, когда с помощью средств телекоммуникации совершалось только 50% мошенничеств, можно удостовериться, что преступники быстро воспользовались сложившейся ситуацией.

В два раза увеличилось число преступлений по ст. 159.3 УК РФ (мошенничество с банковскими картами).

Поводов и оснований для безналичных расчетов стало больше, а значит и повысился интерес перехватить или вовсе заполучить данные с карт потенциальных клиентов путем обмана или злоупотребления доверием. Закрытие большинства торговых точек отразилось на быстром переходе товаров и услуг на онлайн-площадки, в погоне за модой люди порой не замечали, как при оплате очередной вещи деньги поступали в руки преступников.

Так, стали возникать клонированные сайты известных и довольно популярных торговых площадок, например, по продаже одежды или компьютерной техники. Сказалась и неопределенность с выплатами, которые явились катализатором для вступления в контакт с пенсионерами, которые не всегда понимали, что имеют дело с профессиональным мошенником. Преступники же, в свою очередь, получали доступ к их банковским реквизитам, а иногда и неправомерно проникали в их жилище.

Злоумышленники пытаются «заразить» компьютеры пользователей с помощью писем на электронную почту. Отмечается, что мошенники пользуются ситуацией, когда многих в связи с эпидемиологической обстановкой перевели на удаленный режим работы и сотрудники осуществляют свою деятельность через менее защищенные компьютеры. Злоумышленники адресно атаковали переведенных на дом сотрудников, пересылали на их компьютеры вредоносные программы, через которые затем получали доступ в корпоративную сеть. Чаще всего в перехваченных вредоносных рассылках выявлялись замаскированные (в т.ч. и под сообщения о COVID-19) вложения с программами-шпионами или ссылки, ведущие на их скачивание, бэкдоры и загрузчики, которые впоследствии использовались для установки других вре-

доносных программ, в т.ч. банковских троянов или вирусов-шифровальщиков.

В Пенсионный фонд России ежемесячно обращаются по поводу того, что по домам под видом работников ПФР ходят сотрудники и объявляют, что в связи с пандемией всем пенсионерам полагается выплата в размере 1 тыс. руб., но, чтобы ее получить, нужно пройти регистрацию и проверку данных, а для этого необходим паспорт, пенсионное удостоверение и СНИЛС. Паспорта фотографируют, и на них происходит оформление кредитов и т.д., либо же их продают за приличную сумму.

Площадкой для еще одной масштабной мошеннической схемы явились сайты бесплатных объявлений. Злоумышленники размещали там лоты с ценами, ниже рыночных, а когда откликался потенциальный покупатель, присылали ему ссылку на фейковую страницу оплаты, где был отражен запрос о переводе денежных средств за товар и доставку.

Подсудимый Богушевич В.С. в период с 00.00 часов 17.05.2020 до 14 часов 07 минут 20.05.2020 (точные дата и время в ходе предварительного следствия не установлены) создал фейковую страничку на просторах сайта по продажам «Авито», с которой выставлял объявления по продаже телефонов фирмы Apple с ценами дешевле, чем в магазинах. Богушевич умышленно, из корыстных побуждений, с целью личного обогащения похитил денежные средства в сумме 18 990 рублей, чем причинил потерпевшему значительный имущественный ущерб. Суд признал Богушевича В.С. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 159.3 УК РФ, и назначил наказание 2 (два) года лишения свободы [4].

Помимо поддельных сайтов, которые похищали данные, наблюдался и значительный рост баннеров, предлагающих нетрудоемкий и быстрый заработок. Объясняется это только тем, что многие люди теряли основной источник дохода из-за сокращений в тяжелый период пандемии. Соответственно, люди попадали на данную наживку и вместо легкого заработка теряли деньги, которые уходили в карман мошенников.

Нельзя не упомянуть и о совершенно новой схеме. Злоумышленники звонят людям от имени сотрудников прокуратуры, сообщают о якобы проводимых следственных действиях в отношении сотрудников банка и предупреждают, что с клиентами свяжется сотрудник учреждения юстиции. Предупрежденный клиент в назначенное время получает «звонок из прокуратуры», «представитель» в следственных целях просит владельца карты перевести средства на некий специальный счет. Указанный счет открыт самими мошенниками.

Преступники умело встраиваются в новостную повестку. В социальных сетях используется видеоролик с выступлениями различных министров с инструкцией, как получить якобы положенные выплаты от государства.

На данный момент в территориальные органы МВД Алтайского края поступают заявления на предмет мошенничества. Мошенники звонят с телефонных номеров, которые определяются как телефоны дежурной части полиции. Подмена номера происходит через специально созданное программное обеспечение.

Установлено, что 24 ноября 2020 г. 62-летней жительнице Заринска позвонил неизвестный мужчина, который представился сотрудником службы безопасности банка, и сообщил, что неизвестные намереваются оформить на ее имя кредит. Чтобы этого не произошло, мужчина попросил следовать его рекомендациям. Также он сказал, что даже сотрудники полиции знают о данной ситуации и сейчас сами перезвонят с номера дежурной части, который можно посмотреть в справочнике либо на официальном сайте ГУ МВД России по Алтайскому краю. После этого женщине, используя подмену номера, действительно перезвонили с номера 397-313 (номер дежурной части ГУ МВД России по Алтайскому краю), представились сотрудниками полиции и сообщили, что звонили не мошенники и нужно следовать указаниям «сотрудников банка» [1].

Впоследствии по окончании разговора с «полицейскими» женщина, следуя указанным в разговоре действиям, оформила кредит на свои данные в размере 400 тысяч рублей, что является крупным ущербом и будет квалифицироваться по ч. 3 ст. 159 УК РФ [7].

Под этим роликом в комментариях указана ссылка, где якобы подробности, как получить выплаты. При переходе по этой ссылке люди открывают сайт, имитирующий официальные страницы государственных организаций, вводят личные данные и номер банковской карты, а затем со счетов россиян исчезают деньги.

Также эта ссылка приходит в СМС-сообщениях, мессенджерах, на электронную почту. Причем может быть отправлена с номеров, очень схожих с названиями реальных государственных сервисов.

По этому поводу Совет по правам человека при Президенте РФ разрабатывает и готовит к созданию рабочую группу по защите прав граждан в цифровой среде. Тема киберугроз стала особенно актуальной с началом пандемии. Также необходимо задуматься об образовательной базе и профилактической работе среди населения. Аферисты создают сайты-ловушки, собирающие данные о чужих картах, а с ними и деньги, или через социальные сети заманивают компенсациями за ущерб, причиненный вирусом. Киберполиции у нас нет. В то время как мошенничество давно ушло в интернет. Поэтому создание киберполиции

необходимо. И набирать туда надо квалифицированных специалистов. Что касается новых законов, довольно спорно, что они нужны. Необходимо только показать, что они работают. Введение дополнительных норм не даст результата. Нужно в принципе говорить о повышении грамотности населения. С этой целью использовать возможности социальной рекламы, уделять внимание людям старшего возраста, т.к. их компьютерную неграмотность часто используют в преступных целях.

Литература

1. Внимание! Полицейские предупреждают: мошенники звонят с телефонов полиции! URL: https://22.мвд.рф/news/item/21942486 (дата обращения: 05.02.2021).

2. Ермакова О.В. Проблемы квалификации мошенничества с использованием средств сотовой связи или в сети Интернет // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Томск, 2014. С. 16-18.

3. Клепицкий С.К. Мошенничество и правонарушения гражданско-правового характера // Законность. 2015. № 7. С. 14.

4. Приговор суда по ч. 2 ст. 159.3 УК РФ № 1-5772/2020. Мошенничество с использованием платежных карт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/VUYLdhzW4dQN.

5. Состояние преступности за январь-декабрь 2020 года // Официальный сайт МВД России. URL: https://xn--b1aew.xn-- p1ai/folder/101762/item/9338947/ (дата обращения: 01.02.2021).

6. Статистика Генеральной прокуратуры. URL: https://genproc.gov.ru/stat/data/1888262.

7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2020) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

УДК 343.2/.7

В.Р. Набиуллина
аспирант Тюменского государственного университета
E-mail: vitatoriya@mail.ru

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПУБЛИЧНОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ (СТ. 207.1 И 207.2 УК РФ)

Актуальность уголовно-правовой охраны информационной безопасности населения в настоящее время обусловлена масштабным распространением ложной информации в период пандемии коронавируса. Законодательное обеспечение запрета на распространение заведомо ложной информации явилось неизбежным выходом в новых обстоятельствах. В статье рассматриваются вступившие в силу с 1 апреля 2020 г. ст. 207.1 и 207.2 Уголовного кодекса Российской Федерации. В частности, исследуются понятийный аппарат преступлений, объективные и субъективные признаки преступлений. На основе анализа нормативных правовых актов, литературных источников и разъяснений Верховного Суда РФ автор приходит к выводу о терминологической несогласованности понятий «ложная информация» и «недостоверная информация», используемых в уголовном законодательстве; о необходимости внесения изменений в УК РФ в части указания в рассматриваемых статьях единого предмета преступлений; о сложности доказывания причинно-следственной связи между совершенным преступлением, предусмотренным ст. 207.2 УК РФ, и наступившими последствиями.

Ключевые слова: заведомо ложная информация, недостоверная информация, объективные и субъективные признаки преступлений, ст. 207.1 и 207.2 УК РФ.

V.R. Nabiullina
postgraduate student of Tyumen State University
E-mail: vitatoriya@mail.ru

CRIMINAL LIABILITY FOR PUBLIC DISSEMINATION OF DELIBERATELY FALSE INFORMATION (ART. 207.1 AND 207.2 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

The relevance of criminal law protection of information security of the population is currently due to the large-scale spread of false information during the coronavirus pandemic, which causes harm not only to the health of citizens, but also to public safety. Legislative enforcement of the prohibition on the dissemination of deliberately false information was an inevitable solution in the new circumstances. The article deals with Art. 207.1 and 207.2 of the Criminal Code of the Russian Federation that came into force on April 1 2020. In particular, the article examines the conceptual apparatus of crimes, subjective and objective signs of crimes. Based on the analysis of normative legal acts, literature and explanations of the Supreme Court of the Russian Federation the author comes to the conclusion about the terminological inconsistency of the concepts «false information» and «unreliable information» used in the criminal law; the necessity of amending the Criminal Code of the Russian Federation in terms of instructions in the articles in question of the single subject of crime; the complexity of proving a causal connection between the crime, provided in Art. 207.2 of the Criminal Code of the Russian Federation and its consequences.

Key words: deliberately false information, unreliable information, objective and subjective signs of crimes, Art. 207.1 and 207.2 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Появление новой вирусной инфекции и массовость её распространения продемонстрировали относительную неготовность России обеспечить защиту населения от угрозы и последствий распространения заведомо ложной информации. В целях урегулирования сложившейся ситуации в России с 1 апреля 2020 г. введена уголовная ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, а также за публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации [4].

Заведомо неполная либо ложная информация относится к оценочной категории в уголовном праве [10]. В целях правильной квалификации преступлений, указанных в ст. 207.1 и 207.2 УК РФ, необходимо определить значение понятия «ложная информация». Верховный Суд РФ рекомендовал под заведомо ложной информацией понимать информацию, которая изначально не соответствует действительности, о чем достоверно было известно лицу, ее распространявшему [8]. Вместе с тем в законодательстве наряду с дефиницией «ложная информация» применяется дефиниция «недостоверная информация», что свидетельствует об их терминологической несогласованности. Законодатель для формулировки диспозиций рассматриваемых статей использовал словосочетание «ложная информация». В частности, в ст. 207.2 УК РФ установлена уголовная ответственность за распространение «заведомо ложной общественно значимой информации», в то время как в Федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [6] (далее – Закон об информации), в котором раскрывается содержание указанного вида информации, используется словосочетание «недостоверная общественно значимая информация» (ч. 1 ст. 15.3). С точки зрения юридической техники и единообразия применения норм права корректнее использовать одинаковые термины. Можно сделать вывод, что словосочетания «ложная информация» и «недостоверная информация» используются в качестве синонимов в законодательстве. Однако исследование норм уголовного законодательства позволяет сделать обратный вывод. Так, формулировка ст. 159.1, 159.2 УК РФ «Представление ложных и (или) недостоверных сведений» свидетельствует о неидентичности значений «ложность» и «недостоверность», а в ст. 170.1, 172.1, 185.2 УК РФ используется только термин «недостоверные сведения». Таким образом, понятия «ложная информация» и «недостоверная информация» требуют отдельного научного рассмотрения их связей и особенностей, а также законодательной согласованности. В данной статье во избежание терминологической неопределенности будет использоваться понятие «ложная информация».

Стоит указать, что вид информации, являющийся предметом преступлений в анализируемых статьях, не является идентичным. Согласно позиции Верховного Суда РФ [9] предмет преступления, предусмотренный ст. 207.2 УК РФ, более широкий, чем предмет преступления в ст. 207.1 УК РФ. Поэтому в случае совершения преступления, предусмотренного ст. 207.1 УК РФ, повлекшего по неосторожности причинение тяжких последствий, действия виновного лица следует квалифицировать по соответствующей части ст. 207.2 УК РФ. Вместе с тем предполагается, что криминализация преступлений, объективно выраженная и оформленная в двух статьях УК РФ, образует разные составы преступлений. Кроме того, в соответствии с ч. 2 ст. 3 УК РФ недопустимо применение уголовного закона по аналогии, поскольку в противном случае это повлечет нарушение законности принятия решений. Следовательно, не противоречит ли принципу недопустимости применения уголовного закона по аналогии позиция Верховного Суда РФ относительно применения ст. 207.2 УК РФ в случае совершения виновным лицом преступления, предусмотренного ст. 207.1 УК РФ, повлекшего тяжкие последствия? В таком случае целесообразным является отражение единого предмета преступления в одной ст. 207.2 УК РФ и признание утратившей силу ст. 207.1 УК РФ. Во-первых, предмет преступления ст. 207.2 УК РФ охватывает предмет преступления ст. 207.1 УК РФ. Во-вторых, формулировка ст. 207.2 УК РФ включает словосочетание «общественно значимая информация», что соответствует формулировке понятия в Законе об информации, раскрывающем его содержание. В случае объединения двух статей в одну ст. 207.2 УК РФ необходимо учитывать формальный состав преступления ст. 207.1 УК РФ, санкция которой предусматривает наказание независимо от наступления тяжких последствий. В связи с этим предлагается ст. 207.2 УК РФ переименовать на «Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации». Решение законодателя не вводить в качестве санкции лишение свободы в ст. 207.1 УК РФ представляется справедливым в связи с отсутствием тяжких последствий в результате совершения преступления в виде вреда здоровью человека или смерти человека. Наказания, предусмотренные в ст. 207.1 и 207.2 УК РФ, являются разумными и соразмерными последствиям преступлений. Значительные размеры штрафов и сроки наказаний целесообразны и актуальны в ситуации распространения ложной информации, могущей повлечь нарушение общественного порядка и причинение вреда здоровью человека.

Ввиду признания Верховным Судом РФ предмета преступления ст. 207.2 УК РФ более широким, чем в ст. 207.1 УК РФ, включение законодателем примечания в ст. 207.1 УК РФ, раскрывающего значение обстоятельств, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, нецелесообразно. Указанный прием законодательной техники может осложнить правоприменительную практику.

Исследование субъективных и объективных признаков преступлений, указанных в ст. 207.1 и 207.2 УК РФ, по нашему мнению, позволит определить различие в составах рассматриваемых преступлений.

Основным объектом преступлений, предусмотренных ст. 207.1 и 207.2 УК РФ, являются общественные отношения, обеспечивающие безопасность населения и территорий, общественный порядок. Дополнительным объектом преступления по ст. 207.2 УК РФ является охрана здоровья и жизни человека.

Объективная сторона преступлений, предусмотренных ст. 207.1 и 207.2 УК РФ, выражена в активных действиях по распространению информации, заведомо не соответствующей действительности, – публичное выступление, распространение сообщения в Интернете, СМИ, а также в иных средствах телекоммуникационной связи, сообщения в любой доступной форме среди широкого круга лиц, направленные на дестабилизацию общественной безопасности и порядка. Признак публичности является одним из обязательных признаков информации в ст. 207.1 и 207.2 УК РФ. Признание Верховным Судом РФ разнообразных способов распространения ложной информации в качестве публичных [8], в т.ч. с использованием мессенджеров, приводит к выводу, что «личная переписка может быть публичной» [3, с. 18]. Данное разъяснение Верховного Суда РФ на первый взгляд противоречит ч. 2 ст. 23 Конституции РФ, гарантирующей тайну переписки. С другой стороны, необходимо учитывать и другие права граждан, такие как права на достоверную информацию, на охрану жизни и безопасности, гарантируемые государством. Кроме того, на основании ч. 3 ст. 55 Конституции РФ права граждан могут быть ограничены федеральным законом в целях защиты здоровья, прав других лиц, безопасности государства. Осуществление прав гражданином не должно нарушать права и свободы других лиц (ч. 3 ст. 17 Конституции РФ). В связи с этим представляется правомерным применение рассматриваемых статей к виновным, распространившим ложные сведения посредством мессенджеров.

Для квалификации действий лица по ст. 207.1 или 207.2 УК РФ необходимо наличие стремления (мотивации) лица нарушить условия жизнедеятельности населения в условиях чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, эпидемии и т.д. В случае распространения по мотиву личной неприязни заведомо ложной информации о наличии у другого лица заболевания, представляющего опасность для окружающих, к примеру коронавирусной инфекции (2019-nCoV) [7], такие действия подлежат квалификации по ч. 4 ст. 128.1 УК РФ.

Объективная сторона состава преступления статьи 207.1 УК РФ по конструкции является формальной, поскольку преступление считается оконченным с момента распространения (сообщения) заведомо ложной информации хотя бы одному лицу независимо от дальнейших неблагоприятных последствий для потерпевшего. В статье 207.2 УК РФ объективная сторона состава преступления по конструкции является материальной, для привлечения к уголовной ответственности необходимо наступление тяжких последствий. В случае подготовки заведомо ложной информации, например, в докладе, в тексте для размещения в Интернете, но не распространения её по обстоятельствам, не зависящим от виновного, такие деяния образуют покушение на преступление.

Состав преступления, содержащийся в ст. 207.1 УК РФ, не предусматривает возникновения уголовной ответственности в зависимости от наличия причинения вреда потерпевшим, достаточно лишь факта распространения заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан. С.С. Бурынин отмечает, что потерпевшим по ст. 207.1 УК РФ может быть «…физическое или юридическое лицо, которому преступлением причинен вред» [1, с. 53]. В случае выявления потерпевших, которым был причинен вред, во-первых, потребуется установление причинно-следственной связи между действиями виновного и наступившим вредом, во-вторых, полагаем, что наличие потерпевших является обстоятельством, влияющим на применение более строгой меры наказания, например, аналогично указанной в ст. 207.2 УК РФ.

В статье 207.2 УК РФ потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический вред. В связи с этим необходимо доказывать наличие прямой причинно-следственной связи между преступлением и последствиями, что представляется сложным в условиях обстоятельств, отклоняющихся от нормальной жизнедеятельности населения, когда человек находится в состоянии тревожности, беспокойства за будущее, например в ситуации пандемии коронавируса. Установление факта возникновения вреда здоровью человека от определенной ложной информации, а не от другого источника информации является непростым, учитывая масштабность различных информационных ресурсов.

Общим субъектом преступления в ст. 207.1 и 207.2 УК РФ в соответствии со ст. 20 УК РФ явля-

ется физическое вменяемое лицо, достигшее 16 лет. Специальным субъектом преступления в рассматриваемых статьях на основании ст. 6 Федерального закона от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [5] является должностное лицо, представившее заведомо ложную информацию в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций.

Субъективной стороной преступлений в рассматриваемых статьях является вина в форме прямого умысла по отношению к распространению ложной информации, о чем свидетельствует заведомость ложности распространяемой информации, т.е. виновное лицо осознает общественную опасность распространяемой информации, ложность информации, осознает особенности обстоятельств, в которых распространяется информация и желает вызвать панику, страх, беспокойство населения, нарушить общественный порядок. В случае невозможности проверки ложной информации на предмет соответствия достоверности или если установлен факт достоверности информации, а также в случае заблуждения лица относительно подлинности распространенной им информации предполагается отсутствие уголовной ответственности по анализируемым статьям. Мотивом преступлений могут быть увеличение аудитории подписчиков в социальных сетях, получение денежных средств, любые корыстные побуждения. Целью преступлений является нарушение общественной безопасности и порядка. Допустимо совпадение мотива и цели преступления. Дополнительно субъективной стороной преступления, предусмотренного ст. 207.2 УК РФ, является неосторожность по отношению к наступившим последствиям. Установление более строгой ответственности в ст. 207.2 УК РФ обусловлено совершением деяний, повлекших тяжкие последствия, а именно причинение вреда здоровью и жизни человека. В соответствии с ч. 1 и 2 ст. 207.2 УК РФ вина по отношению к таким последствиям может быть только неосторожной. В ином случае деяния будут квалифицироваться по ст. 105 УК РФ как убийство.

Вероятность ситуации доказательства лицом, распространившим ложную информацию, отсутствия в его действиях прямого умысла представляется почти невозможной по следующим основаниям. Во-первых, при квалификации преступлений учитываются мотивы совершенного деяния. Во-вторых, целью подобных деяний является нарушение общественного порядка, общественной безопасности, о чем свидетельствуют форма, содержание, характер ложной информации и способ ее распространения. В-третьих, для суда имеет значение место, обстановка и другие обстоятельства распространения информации.

В соответствии с позицией Верховного Суда РФ размещение лицом в сети Интернет или иной информационно-телекоммуникационной сети ложной информации посредством так называемого репоста может быть квалифицировано по ст. 207.1 или 207.2 УК РФ только при наличии прямого умысла лица [8]. Таким образом, к уголовной ответственности может быть привлечен не только тот, кто создал и разместил информацию, но и любое лицо, поделившееся чужой публикацией. В случае если лицо при распространении чужой информации не знало о его недостоверности, признак заведомой ложности информации отсутствует, поэтому содеянное не образует составов преступлений, указанных в ст. 207.1 и 207.2 УК РФ. В настоящее время по данным сайта Следственного комитета РФ имеются прецеденты возбуждения уголовных дел только в отношении тех, кто первым распространил информацию.

В заключение следует отметить необходимость отдельного научного исследования соотношения понятий «ложная информация» и «недостоверная информация», используемых в уголовном законодательстве; необходимость переименования ст. 207.2 УК РФ вследствие включения в нее нормы ст. 207.1 УК РФ; сложность привлечения к уголовной ответственности по ст. 207.2 УК РФ в связи с необходимостью установления причинно-следственной связи между преступлением и его последствиями. Кроме того, случаи распространения ложной информации в общественное пространство «провоцируются уже некоторой привычкой и терпимостью к подобным явлениям», а также «способствует этому явлению… развитие информационных технологий» [2, с. 96]. В связи с этим целесообразным является официальное опровержение ложной информации посредством информационно-телекоммуникационных сетей, СМИ.

Литература

1. Бурынин С.С. Когда квалифицировать действия как распространение фейков о коронавирусе // Уголовный процесс. 2020. № 6. С. 52-60.

2. Вербин А.А. Незнание в информационном обществе // Гуманитарные науки в современном вузе: вчера, сегодня, завтра: мат-лы международной научной конф-ции / под ред. С.И. Бугашева, А.С. Минина. М., 2019. С. 93-97.

3. Мельников В.Ю. Российское законодательство в период пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 // Российский судья. 2020. № 8. С. 12-18.

4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 01.04.2020 № 100-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 14 (часть I). Ст. 2030.

5. О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера [Электронный ресурс]: федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 35. Ст. 3648.

6. Об информации, информационных технологиях и о защите информации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

7. Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. № 715 // Собрание законодательства РФ. 2004. № 49. Ст. 4916.

8. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.04.2020) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Оценочные признаки в Уголовном кодексе Российской Федерации: научное и судебное толкование: научно-практическое пособие / Ю.И. Антонов, В.Б. Боровиков, А.В. Галахова и др.; под ред. А.В. Галаховой. М.: Норма, 2014 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Уголовный процесс, криминалистика, судебная экспертиза, оперативно-разыскная деятельность

УДК 343.102
В.Ю. Белицкий, *канд. юрид. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России
E-mail: vlad_belitskiy@mail.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ (ДОЗНАВАТЕЛЯ) ПО РОЗЫСКУ ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО) НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

В статье автор рассматривает проблемы нормативного регулирования деятельности сотрудников органов предварительного расследования по установлению места нахождения подозреваемого (обвиняемого). На основе исследования законодательных и подзаконных актов, научной литературы, эмпирических данных, публикаций в средствах массовой информации автором выделены основные группы разыскных действий следователя: следственные действия, имеющие разыскную направленность; иные процессуальные действия, производимые в целях розыска, и непроцессуальные, в т.ч. организационные разыскные, действия. Автор раскрывает содержание и приводит примеры каждой группы действий, дает рекомендации по проведению некоторых из них.

Ключевые слова: розыск, разыскная деятельность, разыскные меры, виды разыскных мер, приостановление предварительного расследования.

V.Yu. Belitsky, *Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor*
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: vlad_belitskiy@mail.ru

ACTIVITIES OF THE INVESTIGATOR (INQUIRER) ON THE SEARCH SUSPECT (ACCUSED) AT THE STAGE OF PRELIMINARY INVESTIGATION

The author examines the problems of legal regulation of the activities of employees of the preliminary investigation bodies to establish the location of the suspect (accused). Based on the study of legislative and bylaws, scientific literature, empirical data, publications in the mass media, the author identifies the main groups of investigative actions of the investigator: investigative actions that have a search orientation; other procedural actions performed for the purpose of search, and non-procedural, including organizational search actions. The author reveals the content and gives examples of each group of actions, and gives recommendations for some of them.

Key words: search, search activity, search measures, types of search measures, suspension of preliminary investigation.

Результаты изучения статистических данных о количестве приостановленных производством уголовных дел, научной литературы и материалов следственной практики позволяют утверждать, что проблема розыска подозреваемых (обвиняемых), как скрывшихся от органов предварительного расследования, так и местонахождение которых не установлено по иным причинам, является актуальной и практически значимой.

В 2020 году приостановлено производством по пунктам 1-3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ 963 752 преступления, что на 5,3% больше, чем в 2019 г. [17]. Лишь в международный розыск и только Следственным комитетом Российской Федерации объявлено около 2,1 тыс. человек [13].

Проблемам обеспечения розыска свои труды посвятили многие известные ученые. В их числе прежде всего выдающийся криминалист А.А. Закатов, разработавший более 30 лет назад криминалистическое учение о розыске. Значительный вклад в разработку рассматриваемой проблематики внесли А.В. Азаров, Т.Н. Алешкина, А.И. Бастрыкин, Б.Т. Безлепкин, Р.С. Белкин, В.В. Гончар, А.И. Глушков, С.Н. Есин, Э.Ф. Закирова, Е.А. Касаткина, В.П. Лавров, Е.М. Прохорова, М.С. Репкин, М.Г. Решняк, В.Н. Рябчиков, М.С. Строгович, А.А. Чувилев и многие другие ученые-криминалисты и процессуалисты.

Вместе с тем изменившиеся социально-экономические условия, уровень технической оснащенности как лиц, совершивших преступления, так и сотрудников правоохранительных органов, иные факторы объективного и субъективного порядка обуславливают необходимость дальнейших исследований рассматриваемого направления правоохранительной деятельности.

В числе субъективных факторов прежде всего с сожалением отметим недостаточный профессионализм следователей и дознавателей, которые не принимают исчерпывающий комплекс мер по установлению местонахождения уклоняющихся от органов предварительного расследования подозреваемых (обвиняемых).

Изучение материалов уголовных дел позволяет говорить, что для установления настоящего места нахождения подозреваемого (обвиняемого) следователи (дознаватели) порой ограничиваются лишь выездом по месту его регистрации (фактического проживания), формальным допросом его соседей и (или) родственников, не проводя иных возможных мероприятий. При этом предмет допроса свидетелей не содержит исчерпывающей информации, имеющей разыскной характер. В частности, не отражаются дополнительные адреса возможного пребывания подозреваемого (обвиняемого), место его работы, наличие, адреса и другие контакты его родственников, друзей, знакомых, круг увлечений, места возможного нахождения, а равно иная информация, которая может иметь значение для его последующего розыска и установления местонахождения разыскиваемого лица.

Например, по уголовному делу, возбужденному по ч. 1 ст. 228 УК РФ, подозреваемый В.В. Ч. не явился для производства судебной наркологической экспертизы. На телефонные звонки он не отвечал, по месту жительства отсутствовал. 20 октября 2020 г. уголовное дело приостановлено по п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. В ходе разыскных мероприятий было установлено, что В.В. Ч. находился у своего знакомого в реабилитационном центре. Информация о личности знакомого в протоколе допроса подозреваемого отсутствовала. Исчерпывающий перечень разыскных мероприятий дознавателем проведен не был[1].

Согласно результатам опроса сотрудников органов дознания и предварительного следствия Алтайского края, Республики Алтай, Новосибирской и Кемеровской областей к числу разыскных действий следователя (дознавателя) большинство опрошенных относят лишь направление запросов, поручений органу дознания и допросы, забывая об иных потенциальных возможностях.

Важно обратить внимание и на то, что поручения, направляемые органу дознания с целью установления местонахождения подозреваемого (обвиняемого), нередко носят формальный характер, не раскрывая обстоятельства совершенного преступления и не конкретизируя содержания мероприятий, которые необходимо выполнить в целях розыска подозреваемого (обвиняемого).

В литературе обоснованно отмечается, что направляются «трафаретные» поручения «провести комплекс ОРМ, направленных на установление лица, совершившего преступление», «допросить свидетелей», «провести выемку документов», копии которых могут быть запрошены письмом самим следователем [2, с. 147-149].

После направления поручений о производстве разыскных действий сотрудники органов предварительного расследования нередко устраняются от осуществления поисковых действий, не предпринимая иных разыскных мероприятий, на что также обоснованно обращено внимание исследователями [2, с. 147-149].

Очевидна недопустимость подобной организации работы по раскрытию и расследованию преступления, в связи с чем абсолютно правы ученые, утверждающие, что взаимодействие сотрудников органов предварительного расследования и органов

[1] Уголовное дело № 12001010049001231, возбужденное 20.09.2020. В производстве отдела дознания МУ МВД России «Бийское».

дознания выступает непременным условием успешного раскрытия и расследования преступлений, в т.ч. розыска подозреваемого (обвиняемого) [6 и др.].

Все изложенное обуславливает актуальность, практическую значимость избранной темы научной статьи, а также намерение её автора выделить основные группы разыскных действий следователя (дознавателя) и сформулировать рекомендации по их проведению.

Очевидно, что процесс расследования – это широкая, разнообразная по содержанию и осуществляемая в различных формах деятельность сотрудников органов дознания и предварительного следствия по познанию события прошлого [1, с. 11-12].

Одним из направлений расследования является разыскная деятельность следователя (дознавателя). При этом уголовно-процессуальный закон не закрепляет виды разыскных действий следователя, порядок их производства, а лишь содержит определение понятия «разыскные меры». При этом термины «разыскные меры»[1] и «разыскные действия» используются как тождественные.

Разделяем мнение ученых, обращающих внимание на то, что разыскные действия могут быть направлены на установление как подозреваемого (обвиняемого), так и иных участников уголовного судопроизводства: обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, а также имущества [15, 16 и др.]. Вместе с тем предметом изучения в рамках данной статьи является деятельность следователя (дознавателя) по розыску подозреваемого (обвиняемого) на стадии предварительного расследования.

Анализ норм уголовно-процессуального закона, материалов правоприменительной практики позволяет отметить, что для установления местонахождения подозреваемого (обвиняемого) следователь (дознаватель) использует следственные и иные процессуальные действия, которые, исходя из цели проведения, можно отнести к разыскным действиям.

В науке уголовного процесса выделяют следующие группы разыскных действий сотрудников органов предварительного расследования [10]:

1) следственные действия, имеющие разыскную направленность: осмотр; допрос; обыск; выемка; наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка; контроль и запись переговоров; получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами; назначение и производство судебной экспертизы и др.

Изучение научных трудов, материалов судебно-следственной практики позволяет утверждать, что в группе следственных действий, носящих разыскной характер, первое место занимает допрос свидетелей: родственников, друзей, знакомых, коллег по работе и т.д. разыскиваемого лица. Предметом допроса в данном случае являются сведения об отношениях с разыскиваемым, его биография, образование, род занятий, профессия, место работы, личностные особенности, хобби и круг увлечений, особые приметы, маршруты передвижения, наличие транспортного средства, места возможного нахождения разыскиваемого, наличие денежных средств в наличной и безналичной формах и пр. [19 и др.].

Следующим следственным действием, носящим разыскной характер, является обыск, целью проведения которого может выступать в том числе обнаружение разыскиваемых лиц (п. 16 ст. 182 УПК РФ). Также обыск может быть проведен с целью получения информации о личности разыскиваемого лица, круге знакомых и месте вероятного нахождения. Объектами поиска в данном случае будут являться: дневники, записные книжки, электронные носители информации, фотоальбомы, диски, иные носители электронной (цифровой) информации, документы об образовании; иные документы на имя разыскиваемого лица и другие объекты, которые способны идентифицировать разыскиваемое лицо, а равно способствовать установлению его места нахождения.

Местами производства обыска могут служить: место жительства, место работы разыскиваемого, а также места его вероятного нахождения;

2) иные процессуальные действия: например, требования, поручения и запросы следователя (дознавателя), направленные в порядке части 4 ст. 21 УПК РФ и имеющие разыскную цель [9, с. 144].

Исходя из цели настоящей статьи, считаем целесообразным привести перечень учреждений, организаций, являющихся адресатами направления запросов:

- Главный информационно-аналитический центр МВД России, а равно информационные центры ОВД по субъектам Российской Федерации – для получения информации о том, имеется ли судимость у разыскиваемого лица; привлекается ли он к уголовной ответственности в настоящее время; содержится ли под стражей; имеются ли в информационных центрах дактилоскопические карты на разыскиваемое лицо.

При установлении факта судимости целесообразно направить запросы:

а) в суд, вынесший приговор, – для истребования и изучения копии принятого решения с целью установления характера совершенного деяния, дополнительного получения сведений о личности разыскиваемого лица, его увлечениях, хобби, роде занятий,

[1] Под разыскными мерами, согласно п. 38 ст. 5 УПК РФ, предложено понимать «меры, принимаемые дознавателем, следователем, а также органом дознания по поручению дознавателя или следователя, направленные на установление лица, подозреваемого в совершении преступления».

наличии соучастников: их фамилии, имена, отчества, место жительства; получения иной информации, которая может иметь значение для установления настоящего местонахождения разыскиваемого лица;

б) по месту отбывания наказания – для истребования материалов, характеризующих разыскиваемое лицо, его фотографий, способствующих розыску;

- отдел кадров по месту работы (обучения) разыскиваемого лица. Целью направления запросов будет являться истребование информации из личного дела работника о составе его семьи, месте жительства, иных местах работы, повышения квалификации и прочей информации, которая может иметь ориентирующий и разыскной характер;

- органы ЗАГС – с целью получения информации о смене фамилии и пр.;

- лечебные учреждения, судебно-медицинские морги, места содержания под стражей, изоляторы временного содержания – с целью установления факта нахождения в них разыскиваемого лица;

- военный комиссариат – для проверки версии о том, не был ли разыскиваемый призван на военные сборы или на военную службу;

- УГИБДД – на предмет выявления факта наличия автотранспорта, зарегистрированного на имя разыскиваемого;

- ФГУП «Ростехинвентаризация – Федеральное БТИ», в отделение РОСРЕЕСТРа – с целью установления наличия (отсутствия) недвижимого имущества в собственности разыскиваемого лица;

- налоговая инспекция – для получения информации о проведении налоговых выплат за имущество, находящееся в собственности разыскиваемого лица, а если выплаты проведены, то когда, каким образом и кем;

- пенсионный фонд – с целью установления факта возможного перечисления работодателем отчислений за разыскиваемое лицо;

- бюро по трудоустройству (служба занятости) – на предмет обращения разыскиваемого лица;

- банки и иные кредитные организации – для установления наличия (отсутствия) депозитных, текущих или иных счетов, открытых на имя разыскиваемого лица, с целью проверки движения денежных средств по данным счетам и решения вопроса о возможности наложения на них ареста.

Помимо запросов, разыскной характер могут иметь требования, направленные в те или иные учреждения: медицинские, транспортные, при постановке на воинский учет и пр., о том, что при получении информации об обращении разыскиваемого лица данные сведения были своевременно переданы сотрудникам правоохранительных органов;

3) иные не предусмотренные уголовно-процессуальным законом разыскные действия.

Учитывая, что законодательно не определен перечень разыскных действий, думается, что к их числу могут быть отнесены и те, которые прямо не отражены в нормах УПК РФ:

- составление субъективных портретов. Так, Верховный Суд Российской Федерации в кассационном определении по делу № 9-О11-61 высказал мнение о том, что «составление субъективных портретов лиц, подозреваемых в нападении на Б., не противоречит ч. 4 ст. 21, п. 38 ст. 5 УПК РФ, поскольку указанные розыскные действия произведены в рамках возбужденного уголовного дела и с соблюдением установленного порядка» [7];

- прочесывание местности [4];

- заградительные мероприятия [4];

- подворные (поквартирные) обходы [8];

- проверка мест предполагаемого нахождения разыскиваемых лиц, а равно мест вероятного сбыта и хранения похищенного имущества;

- проверка лиц по справочным, оперативным, криминалистическим, дактилоскопическим и иным учетам, в т.ч. ИБД-Р, ИБД-Ф, ПТК «Розыск-Магистраль»; ДНК-учетам и др.;

- направление разыскных ориентировок в оперативно-разыскные подразделения территориальных органов внутренних дел и заданий в спецприемники для административно арестованных и приемники-распределители [18, с. 15-18];

- направление сообщений о розыске начальникам ОВД по месту возможного появления скрывшегося подозреваемого (обвиняемого);

- изучение информации в социальных сетях, интернете [5, с. 15] («Одноклассники», «ВКонтакте», Facebook, Instagram, Twitter, сайты знакомств и т.д.): фотографии разыскиваемого лица, круг его знакомых, интересов, увлечений, хобби и др.

В этой части особо эффективной является проверка установочных данных разыскиваемого лица (фамилии и имени) по сайту people yandex.ru, который позволяет выявлять старые и новые аккаунты в социальных сетях и Instagram. В частности, сеть Instagram позволяет в некоторых случаях установить геолокацию (географическое положение, вплоть до улицы или дома) лица во время его обращения к аккаунту;

- поиск лица, совершившего преступление, с участием представителей общественности [4, с. 79];

- использование в целях розыска средств массовой информации. В частности, согласно норме п. 35 ст. 13 Федерального закона «О полиции» полиция имеет право использовать на безвозмездной основе «возможности средств массовой информации и информационно-телекоммуникационной сети Интернет для размещения информации в целях …розыска лиц, скрывшихся от органов дознания, предварительного следствия или суда…» [12].

В целях розыска подозреваемого (обвиняемого), полагаем, целесообразно учитывать рекомендации, предложенные для поиска информации о должниках и их имуществе, разработанных Федеральной службой судебных приставов в 2010 г. В частности, использовать поисковые системы, базы данных адресов и телефонов, открытые базы данных государственных и коммерческих организаций, сайты новостей, где содержится информация о фамилиях граждан и наименованиях организаций, участвующих в событиях [11].

Напомним, что «через идентификацию IP и MAC-адреса можно установить физическое место пребывания разыскиваемого лица в момент выхода в сеть и идентифицировать оборудование, с которого осуществлялся данный выход» [3, с. 15-16], что позволяет определить местонахождение разыскиваемого подозреваемого (обвиняемого).

Прав В.В. Гончар, отмечая, что к разыскным действиям, носящим непроцессуальный, организационный характер, также следует отнести «систематическое выявление и изучение приостановленных производством уголовных дел, а равно возобновленных после приостановления, об однородных по способу совершения преступлениях» [4, с. 81].

Прежде чем объявить подозреваемого (обвиняемого) в розыск, следователь (дознаватель) должен установить, что лицо скрывается от органов предварительного расследования или место его нахождения неизвестно по иной причине. Объявление лица в розыск в отсутствие данных сведений не соответствует требованиям законности, обоснованности и мотивированности принятого процессуального решения (ч. 4 ст. 7 УПК РФ).

Так, например, дознаватель в постановлении об объявлении в розыск подозреваемого Р.И. Л. не отразил основания принятия данного решения, доказательства того, что местонахождение подозреваемого не установлено, равно как и полные данные о разыскиваемом лице. В судебном заседании свидетель а13 указала, что подозреваемый Р.И. Л. постоянно проживает по указанному им дознавателю адресу, никуда не скрывался.

Постановления о приводе подозреваемого, согласно которым привод должен быть осуществлен в день вынесения постановления, и рапорт полицейского-водителя а10 о невозможности его исполнения сами по себе не являются безусловным доказательством того, что место нахождения подозреваемого Р.И. Л. не было известно органу дознания.

Сведения о том, что дознавателем проверялся факт места нахождения подозреваемого Р.И. Л. по адресу его регистрации, по месту жительства, по месту работы, в деле отсутствуют. Других доказательств того, что дознавателем были приняты меры для установления настоящего местонахождения подозреваемого Р.И. Л., подтверждающих, что он скрылся или его местонахождение не установлено по иным причинам, в суд не представлено.

С учетом изложенного постановление дознавателя об объявлении подозреваемого Р.И. Л. в розыск судом было признано незаконным и необоснованным [14].

Таким образом, в завершение данной статьи отметим, что прежде чем принять решение об объявлении в розыск, следователь должен выполнить различные следственные и иные процессуальные и непроцессуальные (организационные) действия, направленные на установление местонахождения разыскиваемого лица. Разделяем мнение В.Ю. Стельмаха, утверждающего, что большую часть информации, носящей разыскной характер, следователь должен получить самостоятельно, поскольку для принятия законных и обоснованных процессуальных решений ему необходимо установить место нахождения скрывшегося подозреваемого (обвиняемого) [18, с. 17-18].

Итак, нами были выделены основные группы разыскных действий следователя, в числе которых следственные действия, имеющие разыскную направленность; иные процессуальные действия, производимые в целях розыска, а также непроцессуальные, в т.ч. организационные, разыскные действия. При этом особое внимание было уделено адресатам направления запросов и организационным действиям следователя (дознавателя), производство которых целесообразно, а в некоторых случаях и необходимо в целях получения ориентирующей и разыскной информации для установления разыскиваемого лица.

Выразим надежду на то, что сформулированные рекомендации будут полезны в практической правоприменительной деятельности и окажутся результативны в решении задачи по установлению места нахождения разыскиваемых лиц.

Литература

1. Алешина Т.Н. Понятие и сущность розыскной деятельности следователя // Современные проблемы права, экономики и управления. 2016. № 2 (3). С. 11-15.

2. Веснина С.Н., Неустроева А.В. О современных аспектах организации взаимодействия следователя с оперативными подразделениями по установлению местонахождения лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2016. № 1 (76). С. 146-150.

3. Гончар В.В. Некоторые аспекты определения розыскных действий в современном законодательстве // Молодой ученый. 2016. № 25.1 (129.1). С. 15-17.

4. Гончар В.В. Розыскные действия следователя на современном этапе // Вестник экономической безопасности. 2016. № 2. С. 79-86.

5. Гончар В.В. Теоретические и правовые аспекты розыскной деятельности следователя: монография. М.: Инфра-М, 2017. 162 с.

6. Есин С.Н. Криминалистическое обеспечение розыска лиц, скрывшихся от следствия и суда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 23 с.

7. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 22.11.2011 № 9-О11-61 // Договор-Юрист.Ру. URL: https://dogovor-urist.ru/судебная_практика/дело/9-о11-61 (дата обращения: 16.02.2021).

8. Кокурин Г.А. О некоторых особенностях проведения разведывательного опроса при подворно-поквартирном обходе // Российское право: образование, практика, наука. 2016. № 3 (93). С. 17-23.

9. Кольцов Д.В. Запрос как форма реализации оперативно-розыскного мероприятия «Наведение справок» (на примере подразделения ЭБиПК МВД России) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 2 (78). С. 144-150.

10. Котяжов А.В. Деятельность следователя по розыску несовершеннолетних, пропавших без вести: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 256 с.

11. Методические рекомендации по использованию сети Интернет в целях поиска информации о должниках и их имуществе: утверждены Федеральной службой судебных приставов РФ 30 ноября 2010 г. № 02-7 (в ред. от 16.03.2011) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. О полиции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 29.12.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. Порядка 2,1 тысячи человек объявлены в международный розыск по уголовным делам в РФ // SeldonNews. 14.01.2021. URL: https://news.myseldon.com/ru/news/index/243865545 (дата обращения: 16.02.2021).

14. Постановление № 22-3554/2013 22К-3554/2013 от 26 декабря 2013 г. по делу № 22-3554/2013. URL: https://sudact.ru/regular/doc/fZF51gfY9AlB/ (дата обращения: 16.02.2021).

15. Репкин М.С. Розыскные меры в стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. 189 с.

16. Репкин М.С. Нормативно-правовая основа розыска и заочного заключения под стражу // Общество и право. Краснодар: Изд-во Краснодар. ун-та МВД России, 2009. № 4 (26). С. 220-223.

17. Статистические данные МВД России. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2020 года. URL: https://мвд.рф/reports/item/22678184 (дата обращения: 16.02.2021).

18. Стельмах В.Ю. Процессуальные аспекты розыска подозреваемого и обвиняемого // Российский следователь. 2016. № 10. С. 15-18.

19. Теория оперативно-розыскной деятельности / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. 760 с.

УДК 343.13

Н.Н. Гаас
Барнаульский юридический институт МВД России
E-mail: nina.gaas@inbox.ru

ПРЕКРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В СВЯЗИ С ПРИМИРЕНИЕМ СТОРОН В СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДИСКРЕЦИОННОГО ПОДХОДА

В статье рассматривается правовая природа права следователя (дознавателя) на прекращение уголовного дела по основаниям, предусмотренным ст. 25 УПК РФ. На основе соотношения качественных показателей деятельности органов предварительного расследования и статистических данных о деятельности судов первой инстанции автор приходит к выводу о несовершенстве критериев оценки основных показателей органов внутренних дел по расследованию преступлений. Данный факт приводит к увеличению нагрузки на суды и, как следствие, расходованию бюджетных средств. Проведенный сравнительно-правовой анализ уголовно-процессуального регулирования прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон в Российской Федерации, Республике Казахстан, Республике Беларусь, Республике Узбекистан и Киргизской Республике позволил оценить своеобразие модели рассматриваемого института через призму национального законодательства стран.

Полученные в результате исследования сведения позволили сформулировать выводы о необходимости внесения изменений в нормы Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Ключевые слова: право, обязанность, примирение, прекращение уголовного дела, следователь, дознаватель, статистика.

N.N. Gaas
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: nina.gaas@inbox.ru

TERMINATION OF A CRIMINAL CASE IN CONNECTION WITH THE PARTIES' RECONCILIATION AT THE STAGE OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION: THE EFFECTIVENESS OF A DISCRETIONAL APPROACH

The article examines the legal nature of the right of the investigator (interrogator) to terminate the criminal case on the grounds provided for by Art. 25 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Based on the correlation between the qualitative indicators of the activities of the preliminary investigation bodies and statistical data on the activities of the courts of first instance, the author comes to the conclusion that the criteria for assessing the main indicators of the internal affairs bodies for the investigation of crimes are imperfect. This fact leads to an increase in the burden on the courts and, as a consequence, the expenditure of budgetary funds. The comparative legal analysis of the criminal procedural regulation of the termination of a criminal case in connection with the reconciliation of the parties in the Russian Federation, the Republic of Kazakhstan, the Republic of Belarus, the Republic of Uzbekistan and the Kyrgyz Republic made it possible to assess the originality of the model of the institution in question through the prism of the national legislation of the countries.

The information obtained as a result of the study made it possible to formulate conclusions about the need to amend the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Key words: right, duty, reconciliation, termination of a criminal case, investigator, interrogator, statistics.

Уголовный (далее – УК РФ) и Уголовно-процессуальный (далее – УПК РФ) кодексы Российской Федерации одним из оснований освобождения от уголовной ответственности предусматривают достижение соглашения между потерпевшей стороной и виновным, в соответствии с которым последний восстанавливает нарушенное право потерпевшего, загладив причиненный вред и возместив ущерб, а потерпевший за это «прощает» его. На первый взгляд все просто и вполне рационально. Подобный консенсус возможен лишь по уголовным делам небольшой и средней тяжести, что тоже вполне оправданно с точки зрения здравого смысла. В данном случае уголовное дело может быть прекращено по усмотрению лица, в производстве которого находится уголовное дело, в соответствии со ст. 25 УПК РФ и ст. 76 УК РФ. Вопрос возникает лишь в том, что законодатель наделил компетентное лицо таким правом, а не обязанностью.

Дискреция в уголовном судопроизводстве всегда носила и носит спорный характер. Опираясь на крылатое выражение «Сколько юристов, столько и мнений», каждый раз убеждаемся, что применение норм УПК РФ по «своему усмотрению» влечет за собой разнообразные, порой даже противоречивые процессуальные действия.

Не касаясь всего спектра процессуальных полномочий, когда должностное лицо в конкретных условиях вправе принимать различные по своему содержанию решения, рассмотрим лишь право следователя (дознавателя) о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон.

Ни для кого не секрет, что прекращение уголовного дела, будь то реабилитирующее или нереабилитирующее решение, является отрицательным показателем деятельности органов предварительного расследования. И право следователя (дознавателя) принимать решение о прекращении уголовного дела за примирением сторон за многие годы превратилось в невозможность его принятия. Такое положение вещей обусловлено ведомственной шкалой оценок процессуальной деятельности органов предварительного расследования.

К примеру, в своем выступлении на расширенном заседании коллегии МВД России в 2018 г. Министр внутренних дел РФ В. Колокольцев обозначил, что «качество предварительного расследования повысилось, положение дел в связи с соблюдением конституционных прав граждан при расследовании преступлений улучшилось, тенденция снижения прекращенных уголовных дел сохранилась». Обратим внимание, что Министр не ссылался на основания прекращения, а указал в целом, что их количество снижается, при этом в контексте выступления достигнутая динамика в сторону уменьшения воспринимается как положительный результат. «В минувшем году сохранилась тенденция снижения числа прекращенных уголовных дел на 44%»[1], – говорится в докладе В. Колокольцева [5]. Придерживаясь своей позиции в этом направлении, в 2020 г. Министр на том же расширенном заседании коллегии МВД России кратко отметил, что качество предварительного расследования за 2019 г. повысилось, число уголовных дел, прекращенных производством, сократилось [6]. Примечательно, что в некоторых субъектах Российской Федерации за 2019 г. следователями не принято ни одного решения о прекращении уголовного дела на основании ст. 25 УПК РФ (например, УМВД России по Тульской области, МВД по Республике Ингушетия и пр.). Принимая во внимание политику государства по сокращению и оптимизации затрат на обеспечение уголовного судопроизводства, это выглядит по меньшей мере весьма противоречиво. Таким образом, «палочная» система, диссонируя с действующим законодательством, диктует правила и условия правоприменительной деятельности.

По-прежнему одним из главных показателей качественной деятельности следователей и дознавателей остается количество уголовных дел, направленных в суды. Данный фактор препятствует использованию должностными лицами, осуществляющими расследование, своего права на прекращение уголовного дела, в частности за примирением сторон на стадии предварительного расследования.

Таким образом, прекращение уголовного дела по рассматриваемому основанию возводится в ранг «негодного» процессуального решения, которое принимается в крайнем случае и только по «бесперспективным» уголовным делам. Из этого следует, что в погоне за положительным процентом расследованных уголовных дел следователь (дознаватель) делегирует это полномочие суду, что явно не способствует фактическому улучшению процесса расследования и рассмотрения уголовных дел.

Уместно привести результаты анализа данных, опубликованных Верховным Судом Российской Федерации [9] в разделах 1, 2 «Статистические сведения о деятельности судов общей юрисдикции и мировых судей за первые полугодия 2018, 2019, 2020 гг.» (форма 1).

Из полученных данных следует, что доля уголовных дел, прекращенных судами в первой инстанции, относительно количества оконченных уголовных дел на протяжении трех лет остается примерно одинаковой. При этом стабильно бóльшая часть дел, прекращенных судами, – это дела, прекращенные в соответствии со ст. 25 УПК РФ.

[1] Речь идет о 2017 г.

Аналитическая таблица статистических сведений о деятельности судов общей юрисдикции за первые полугодия 2018, 2019, 2020 гг.

Годы	Окончено уголовных дел/ прекращено в целом	Прекращено уголовных дел в соответствии со ст. 25 УПК РФ	Доля прекращенных уголовных дел по ст. 25 УПК РФ по отношению к оконченным/ прекращенным делам
2018	437 943/87 357	64 968	14,8% / 74,4%
2019	399 279/83 765	53 807	13,5% / 64,2%
2020	336 219/82 581	47 785	14, 2% / 57,9%

С учетом упомянутых выше докладов Министра внутренних дел и курса на исключение примирения на стадии предварительного расследования эти цифры вполне предсказуемы. Хотелось бы отметить, что львиная доля преступлений небольшой и средней тяжести расследуется следователями и дознавателями органов внутренних дел.

Задумаемся над словами Г.П. Химичевой, полагающей, что прекращение уголовного дела по нереабилитирующему основанию – это гуманный акт государства, а не показатель того, что при возбуждении этого дела были допущены ошибки [11].

Институт примирения сторон активно изучался и изучается учеными-процессуалистами долгие годы. За этот период поступило немало предложений по совершенствованию его применения, в частности и на стадии предварительного расследования. Вопрос о том, является ли обязательным для следователя (дознавателя) волеизъявление сторон помириться, не теряет своей актуальности и по сей день, в т.ч. вопрос приоритета права компетентного лица над обязанностью принятия решения о прекращении уголовного дела по основанию, предусмотренному ст. 25 УПК РФ.

Разделяем точку зрения А.Н. Артамонова о том, что полномочие лица, расследующего уголовное дело, не может позволить ему принимать решение без учета всех обстоятельств уголовного дела, руководствуясь исключительно своим усмотрением [3]. Ведь каждое уголовное дело является уникальным, и шаблонного подхода в этом вопросе нет и не может быть.

В то же время Х.Д. Аликперов утверждает, что если у лица не будет гарантий прекращения уголовного дела и, как следствие, освобождения от уголовной ответственности, то у него не будет и стимула к позитивному поведению [1]. Солидарную позицию занимает и О.В. Уренева, которая предполагает, что лицо, совершившее преступление и не имеющее уверенности, что за восстановление нарушенного права оно избежит ответственности, испытывает «разочарование в справедливости» [12]. Интересную позицию занимает А.Ю. Афанасьев, утверждающий, что дискреционные основания являются потенциально коррупциогенными. При этом он делает вывод, что «на 62% вероятно то, что должностное лицо получит взятку, используя уголовно-процессуальные решения о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в связи с примирением сторон или в связи с деятельным раскаянием» [4]. Не разделяя данных точек зрения, полагаем, что законодатель, предоставляя право принимать решение о прекращении, учитывал, что следователь (дознаватель) им воспользуется исходя из конкретных обстоятельств уголовного дела в совокупности с оценкой личности преступника.

Возможно, сейчас, в условиях пандемии и развившегося на ее фоне экономического кризиса, а также проблем непосредственного участия при производстве процессуальных действий, вовлечение участников уголовного судопроизводства в процесс расследования и рассмотрения уголовных дел и требует своего пересмотра, но не на законодательном уровне.

Решение проблемы А.О. Малышева видит в разработке и принятии ведомственных мер организационно-правового характера [8].

Безусловно, принятие решения о прекращении уголовного дела, когда стороны не имеют друг к другу претензий, зависит от фактических обстоятельств дела, важности объекта, на который посягнул преступник, его личностных характеристик и многих других немаловажных факторов. Согласимся с мнением Н.В. Арсеновой о том, что прекращение уголовного дела в отношении лица, ранее уже освобождавшегося от уголовной ответственности по аналогичным основаниям, не является оправданным и целесообразным. Подобные проявления способствуют формированию у виновного ощущения безнаказанности [2]. Примером может служить уголовное дело в отношении Саловой М.К., осужденной за совершение трех эпизодов кражи (п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ). Московским областным судом Московской области в ходе рассмотрения апелляционной жалобы последней, ссылавшейся на необходимость прекращения уголовного дела в соответствии со ст. 25

УПК РФ, т.к. формально все условия для вынесения такого решения по уголовному делу соблюдены, было принято решение об отказе в удовлетворении жалобы. В основу отказа суд положил выводы о том, что осужденная ранее уже освобождалась от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшими, но, не сделав для себя выводов, вновь совершила преступление. Пользуясь правом (но не обязанностью!), даже при наличии формальных предпосылок для прекращения уголовного дела судом первой инстанции, как заключил вышестоящий суд, правомерно был вынесен обвинительный приговор [10]. Описанное уголовное дело является ярким примером взвешенного подхода суда к использованию своего права на прекращение уголовного дела. Как правило, это не свойственно предварительному расследованию органов внутренних дел, потому что, как показывает практика, на стадии предварительного расследования ключевым фактором при принятии решения о прекращении уголовного дела все же являются показатели органа внутренних дел. Причина этого кроется в том, что на конкретный отчетный период количество прекращенных уголовных дел является ограниченным для соблюдения баланса качественных показателей.

Обратимся к практике примирения в странах ближнего зарубежья.

Анализ национального законодательства Республики Казахстан показал, что примирение сторон является обстоятельством, исключающим производство по делу о преступлениях небольшой и средней тяжести, т.е. принятие такого решения введено в ранг обязанности. Примечательно, что УПК Республики Казахстан допускает прекращение уголовного дела по рассматриваемому основанию и в отношении лиц, совершивших тяжкое преступление, но по усмотрению должностного лица, в производстве которого находится уголовное дело (ч. 1 ст. 68 УК Республики Казахстан и п. 12 ч. 1 ст. 35 УПК Республики Казахстан) [13, 14].

Процессуальный порядок прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон в Республике Беларусь также имеет свои особенности. Субъектами принятия такого решения могут быть только суд, прокурор и следователь с согласия прокурора, а процессуальный статус лица, совершившего преступление, – только обвиняемый. При этом решение о прекращении, как и в российском законодательстве, является правом, а не обязанностью должностных лиц (ст. 29, 30 УПК Республики Беларусь) [15, 16].

В результате анализа действующего законодательства Республики Узбекистан установлен ряд особенностей прекращения уголовного дела в случае примирения сторон потерпевшего и обвиняемого. Так, Уголовный кодекс указанной республики предусматривает освобождение от уголовной ответственности только того лица, которое признало свою вину[1], помирилось с потерпевшим и загладило причиненный вред, и лишь по тем преступлениям, которые указаны в ст. 66.1 УК Республики Узбекистан[2]. Также следует отметить, что лица, имеющие непогашенную или неснятую судимость за совершение преступлений, относящихся к категориям небольшой или средней тяжести, наряду с лицами, не имеющими судимости, могут рассчитывать на прекращение уголовного дела в связи с примирением. При этом решения вопроса о виновности лица не требуется (ст. 84 УПК Республики Узбекистан). Заслуживает внимания и тот факт, что решение о прекращении уголовного дела по законодательству Республики Узбекистан может принимать только суд, этой процедуре в УПК выделена отдельная глава (гл. 62 УПК Республики Узбекистан). Если заявление о примирении поступило от потерпевшего на стадии расследования, то следователь, дознаватель и прокурор принимают такое заявление и с согласия подозреваемого (обвиняемого) выносят постановление о направлении уголовного дела в суд для принятия решения о прекращении уголовного дела, которое также согласовывает прокурор [17, 18]. Очевидно, что этому вопросу законодатель уделяет достаточное внимание и осознает важность решения освобождения виновного от уголовной ответственности. На наш взгляд, такой серьезный подход к вопросу примирения сторон может обеспечить высокий уровень законности принимаемого решения, которое, по всей видимости, будет являться окончательным. Отметим, что заинтересованные лица по уголовному делу не лишены возможности его обжаловать.

Не меньший интерес вызывает процессуальный порядок примирения в уголовно-процессуальном законодательстве Киргизской Республики, где в Уголовно-процессуальном кодексе, принятом в 2017 г., но вступившем в действие с 2019 г., этому отведена глава, состоящая из 3 статей. В соответствии с национальным законодательством Киргизской Республики вопрос о примирении сторон может рассматриваться только по делам о проступках и уголовным делам частно-публичного обвинения с конкретным перечнем статей[3]. В случае если в период с момента начала досудебного производства до вступления судебного акта в законную силу потерпевший и подозреваемый

[1] В российском уголовном процессе это не является обязательным требованием.

[2] Данный перечень является исчерпывающим и включает в себя 46 преступлений.

[3] В данный перечень входит 21 статья УК Киргизской Республики по преступлениям, относящимся к категории менее тяжких (или средней тяжести по российскому законодательству), за исключением одной статьи (ч. 1 ст. 161 УК Киргизской Республики).

(обвиняемый) примирились, они подают об этом соответствующее ходатайство лицу, в производстве которого находится уголовное дело. Затем должностное лицо органа дознания, следователь или суд составляют соответствующее соглашение о примирении, которое подписывается ходатайствующими сторонами. Процессуальное решение по уголовному делу с заключенным соглашением о примирении подлежит обязательному прекращению. Следует отметить, что в законе закреплен запрет должностным лицам препятствовать примирению сторон (гл. 60 УПК Киргизской Республики). Решение о прекращении может быть обжаловано. Не хотелось бы оставить без внимания и тот факт, что по отдельным преступлениям состояние опьянения виновного лица в момент совершения преступления является обстоятельством, исключающим возможность прекращения уголовного дела по рассматриваемому основанию [19, 20].

Несомненно, с учетом особенностей собственных путей формирования и развития российского законодательства полное заимствование правовых норм национальных законодательств других стран невозможно, да и не требуется. При этом обмен положительным опытом способствует возникновению прогрессивных идей для дальнейшего совершенствования судопроизводства с учетом потребностей общества в условиях современности. В частности, вызывает интерес возможность прекращения уголовного дела только в отношении обвиняемого (Республика Беларусь) и обязательное признание вины (Республика Узбекистан).

Рассматривая вопрос о праве или обязанности следователя (дознавателя) на прекращение уголовного дела, когда потерпевший и обвиняемый помирились, приходим к следующим выводам.

Во-первых, возложение обязанности прекращения уголовного дела на органы предварительного расследования в связи с примирением сторон, когда формально все условия для этого наличествуют, не отвечает принципам уголовного судопроизводства. Альтернативный подход в данном случае позволяет должностному лицу по каждому делу с позиции оценки обстоятельств совершения преступления и личности виновного принять верное решение, опираясь на соблюдение законности. Примером этому может служить описанное выше уголовное дело в отношении Саловой М.К. Самостоятельность в принятии решения позволяет уйти от процессуального шаблона, при этом расследование не вправе отказываться от установления и игнорировать установленные обстоятельства, влияющие на итоговое решение.

Во-вторых, в целях обеспечения законности принимаемого решения о прекращении уголовного дела за примирением сторон целесообразно вернуть прокурору полномочие на принятие такового решения, в частности при расследовании уголовного дела следователем. Данное полномочие позволит прокурору, изучив материалы уголовного дела, поступившего ему с обвинительным заключением (актом, постановлением), с учетом собранных доказательств о событии преступления, личности обвиняемого и фактических обстоятельств произошедшего принять решение о прекращении производства по делу. Рациональное зерно данного предложения заключается в том, что следователь, направляя уголовное дело прокурору с обвинительным заключением, проведет качественное расследование и не «испортит» показатели подразделения решением о прекращении дела. Прокурор в то же время, выполняя надзорную функцию, сможет объективно оценить ситуацию по делу и при наличии к тому оснований прекратить уголовное дело. Соответственно, потребуется внести соответствующую позицию в отчете № 1-Е, которая не должна будет влиять на итоговую цифру, отражающую качество расследования. Подобного же мнения придерживается Е.С. Кудряшова, предлагающая наделить правом прекращения уголовного дела начальника органа дознания [7].

Таким образом, эффективность применения уголовно-процессуальных норм в вопросе прекращения уголовного дела (уголовного преследования) в связи с примирением сторон достигается именно за счет их дискреционного характера. Подобный подход дает возможность следователю (дознавателю) принять решение, основанное на справедливости в совокупности с правильной оценкой характера преступного посягательства, общественной опасности, обстоятельств совершения преступления и личности винного лица.

Литература

1. Аликперов Х.Д. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим // Законность. 1999. № 6. С. 11.

2. Арсенова Н.В. Снижение степени общественной опасности деяния или лица, его совершившего, как условие прекращения уголовного дела по ст. 25.1 УПК РФ // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2020. № 1 (38). С. 136-138.

3. Артамонов А.Н. Прекращение уголовного дела (уголовного преследования) по нереабилитирующим основаниям // Законодательство и практика. 2015. № 1 (34). С. 71-78.

4. Афанасьев А.Ю. Коррупционные риски уголовно-процессуального доказательственного права. М.: Юрлитинформ, 2017.

5. Выступление Министра внутренних дел Российской Федерации Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России // Официальный сайт МВД России. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/document/12414315 (дата обращения: 11.01.2021).

6. Выступление Министра внутренних дел Российской Федерации генерала полиции Российской Федерации Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации // Официальный сайт МВД России. URL: https: // https://xn--b1aew.xn--p1ai/document/19639152 (дата обращения: 11.01.2021).

7. Кудряшова Е.С. Целесообразность смены приоритетов в оценке деятельности органов дознания // Алтайский юридический вестник. 2020. № 4 (32). С. 135-138.

8. Малышева О.А. К вопросу о целесообразности применения института примирения сторон органами предварительного расследования // Российский следователь. 2019. № 7. С. 20-24.

9. Официальный сайт Судебного департамента Российской Федерации. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 11.01.2021).

10. Постановление Московского областного суда Московской области от 14 мая 2019 г. по делу 22-3009/19 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). URL: //sudact.ru/regular/doc/XD3wKCmbIjLw/ (дата обращения: 11.12.2020).

11. Химичева Г.П. Прекращение уголовного дела и (или) уголовного преследования как форма окончания предварительного расследования // Черные дыры в российском законодательстве. 2003. № 1. С. 213.

12. Уренева О.В. Право потерпевшего на милость под судебный контроль // Российский судья. 2016. № 6. С. 26-30.

13. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V (с изм. и доп. по состоянию на 02.01.2021). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575852#pos=23;-56 (дата обращения: 18.01.2021).

14. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (с изм. и доп. по состоянию на 30.12.2020). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 18.01.2021).

15. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-3 (с изм. и доп. по состоянию на 30.12.2020). URL: https://kodeksy.by/ugolovno-processualnyy-kodeks (дата обращения: 18.01.2021).

16. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 (с изм. и доп. по состоянию на 30.12.2020). URL: https://kodeksy-by.com/ugolovnyj_kodeks_rb.htm (дата обращения: 18.01.2021).

17. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан: утвержден Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2013-XII (с изм. и доп. по состоянию на 02.01.2021). URL: https://lex.uz/docs/111463 (дата обращения: 18.01.2021).

18. Уголовный кодекс Республики Узбекистан: утвержден Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2012-XII (с изм. и доп. по состоянию на 02.01.2021). URL: https://lex.uz/ru/m/acts/111457 (дата обращения: 18.01.2021).

19. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 г. № 20 (с изм. и доп. по состоянию на 02.01.2021). URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111530?cl=ru-ru#st_23 (дата обращения: 18.01.2021).

20. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 г. № 19. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111527 (дата обращения: 18.01.2021).

УДК 343.85
П.Г. Новичихин
Волгоградская академия МВД России
E-mail: p_chih@mail.ru;
Н.Г. Корнаухова
Волгоградская академия МВД России
E-mail: pongo_07@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ДИСЦИПЛИНАРНОГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КАК РАЗНОВИДНОСТИ ВЕДОМСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ ЗА ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В настоящей статье рассмотрена составная часть ведомственного контроля за оперативно-разыскной деятельностью в виде дисциплинарного принуждения, а также роль руководителя органа внутренних дел по ее применению в современных условиях деятельности подразделений экономической безопасности и противодействию коррупции МВД России.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность, ведомственный контроль, дисциплинарное принуждение, дисциплинарное предупреждение, профилактика нарушений дисциплины и законности, подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции.

P.G. Novichikhin
Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia
E-mail: p_chih@mail.ru;
N.G. Kornaukhova
Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia
E-mail: pongo_07@mail.ru

FEATURES OF THE APPLICATION OF DISCIPLINARY WARNING MEASURES AS A TYPE OF DEPARTMENTAL CONTROL OVER OPERATIONAL AND INVESTIGATIVE ACTIVITIES IN THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

This article examines the component part of departmental control over operational and investigative activities in the form of disciplinary coercion, as well as the role of the head of the internal affairs body in its application in modern conditions of economic security and anti-corruption units of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Key words: operational search activity, departmental control, disciplinary coercion, disciplinary prevention, prevention of violations of discipline and legality, economic security and anti-corruption units.

Ведомственный контроль за деятельностью полиции регламентирован ст. 49 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции». Однако более детальный анализ указанной статьи говорит о ее ссылочной норме, т.к. она носит исключительно диспозитивный характер, выражающийся в установлении иными нормативно-правовыми актами «порядка», определяемого руководителем федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел.

При этом императивный характер содержания ст. 22 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД») свидетельствует уже о персональной ответственности руководителя за соблюдением законности при организации и проведении оперативно-разыскных мероприятий. По нашему мнению, именно императивный характер данной нормы при осуществлении оперативно-разыскной деятельности и наделяет руководителей, в т.ч. орган, осуществляющий оперативно-разыскную деятельность, иными субъектно-властными полномочиями по осуществлению мер дисциплинарного предупреждения в служебной деятельности.

Меры дисциплинарного предупреждения в оперативно-разыскной деятельности являются составной частью дисциплинарного принуждения и, на наш взгляд, наиболее востребованы в процессе обеспечения субъектами дисциплинарного контроля и служебной дисциплины. В этой связи грамотное и эффективное использование указанных мер позволит обеспечить желаемую жизнедеятельность оперативных подразделений органов внутренних дел, исходя из поставленных перед ними задач. Как нам кажется, осознавая это, законодатель в процессе построения диспозиции статьи 47 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» специально указал именно на то, что руководитель федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел и уполномоченный руководителем в целях обеспечения и укрепления служебной дисциплины применяет к сотруднику органов внутренних дел соответствующие меры. При этом особенности их применения, как нам представляется, определяются спецификой дисциплинарного деяния и обеспечиваемых отношений. Однако перед тем как их рассмотреть, нами будет предпринята попытка проанализировать понятие «предупреждение» и его разновидность «дисциплинарное предупреждение в оперативно-разыскной деятельности».

Итак, предупреждение, или превенция, как форма государственного (уголовного, административного и иного) принуждения выступает главнейшим способом поддержания общественного порядка и общественной безопасности в стране. Ее особенностью является тот факт, что в отличие от иных мер государственного принуждения, таких как пресечение, процессуальное обеспечение, правовосстановление или юридическая ответственность, предупреждение не является карательным следствием на факт совершенного правонарушения, оно позволяет творчески влиять на правосознание личности, исключая противоправное поведение, развивая рефлексивные особенности волеизъявления субъекта.

Таким образом, аксиологическое понимание предупреждения кроется не только в правовых, но и в гносеологических и социальных функциях обеспечения порядка и законности. Следовательно, дисциплинарное предупреждение как одна из форм его проявления обеспечивает и воздействует на дисциплинарные отношения с целью поддержания служебной дисциплины в органах внутренних дел. Соответственно, дисциплинарное предупреждение в оперативно-разыскной деятельности, исходя из понятия, закрепленного в ст. 22 ФЗ «Об ОРД» (ведомственный контроль), обеспечивает и воздействует как на дисциплинарные отношения, так и на конечные результаты в ходе осуществления оперативно-разыскной деятельности посредством принятия руководителем субъективных решений.

Далее остановимся на таком немаловажном моменте, как принудительный или непринудительный характер применения мер дисциплинарного предупреждения. Если в первом случае тут все ясно, и принуждение исходит от желания поддерживать законность, то во втором случае, как нам кажется, дело обстоит сложнее. «Непринудительное предупреждение» – имеет ли право на существование такая дефиниция? На наш взгляд, да! Ответ на этот вопрос кроется не в правовой функции предупреждения, а именно в гносеологической и социальной функциях. Желание коллектива (подразделения, отдела, управления и т.д.) жить в нормах законности и дисциплины, особенно когда приходится практически ежедневно сталкиваться со сведениями, составляющими государственную тайну, присуще ему интуитивно. Коллектив и его составная часть (личность) – это социальное явление. Любой человек хочет жить в мире и гармонии, а конфликты в его деятельности (в нашем случае это дисциплинарные нарушения) – это обострение отношений, в связи с чем человек инстинктивно тянется к покою и согласию. Исходя из того факта, что система органов внутренних дел выступает в качестве социального института нашего общества, она не является исключением из этого негласного правила.

Таким образом, социальная функция ведомственного контроля в части дисциплинарного пред-

упреждения в оперативно-разыскной деятельности исходит от самого субъекта дисциплинарного контроля непринужденно, без какого-либо давления на него и без внешнего раздражителя. В практической деятельности это может выражаться в создании благоприятного психологического климата функционирования подразделения, внутренней солидарности и сплоченности, стремлении сотрудников защищать закон и установившиеся в обществе допустимые правила и порядки.

Принудительные меры дисциплинарного принуждения занимают особое место в охране дисциплинарных правоотношений, они превалируют над социальными мерами, т.к., во-первых, изначально направлены на поддержание законности, во-вторых, социально допустимое поведение в коллективе может идти вразрез с законными действиями (например, при возникновении конфликта интересов).

Отличительные черты использования мер дисциплинарного предупреждения в органах внутренних дел зависят прежде всего от наличия оснований их применения и особенностей принудительного характера воздействия, установленных границами правового (дозволения и запреты) и морального-этического (нравственного) поведения.

Таким образом, ключевыми особенностями применения мер дисциплинарного предупреждения, на наш взгляд, должны выступать критерии законности, равенства перед законом, допустимости, справедливости, гуманизма и объективности. Все эти принципы можно проанализировать с позиции юриспруденции и иных социогуманитарных наук. Однако мы не ставим перед собой задачу описать указанные принципы с точки зрения морально-этического компонента аксиологии или праксиологии, а предлагаем остановиться лишь на правовых особенностях принудительного дисциплинарного предупреждения при осуществлении оперативно-разыскной деятельности.

Эмпирический и практический анализ использования властного компонента дисциплинарного предупреждения, исходя из понимания ст. 22 ФЗ «Об ОРД» как меры дисциплинарного принуждения, показывает, что он применяется в случаях возникновения юридических фактов, содержащих в себе угрозу угнетения или разрушения дисциплинарных правоотношений, возникающих в процессе осуществления оперативно-разыскной деятельности вне зависимости от того, было ли это событие правонарушением или попыткой его неосмысленного воссоздания. Проведя условную параллель с административным предупреждением, мы согласны с мнением А.И. Каплунова, считающего, что «…основанием применения принудительных мер административного предупреждения (а в нашем случае дисциплинарного предупреждения) является не конкретное правонарушение, а наступление особых, установленных законодательством условий, как связанных, так и не связанных с противоправным поведением лица, к которому применяются данные меры. Так, основанием применения отдельных предупредительных мер является неоднократное нарушение лицом установленных законом правил…» [3, с. 182].

Обобщая изложенное, мы приходим к выводу о том, что эти меры (правовые и воспитательные) применяются к должностным лицам органов внутренних дел в связи с ранее совершенными действиями, которые могут повлечь дисциплинарный проступок или правонарушение.

В качестве примера можно привести следующий интересный факт, послуживший основанием привлечения лица к дисциплинарной ответственности.

13 января 2018 г. в Управление МВД России по городу В. поступил рапорт полковника внутренней службы Д., начальника штаба Управления МВД России по городу В., о выявленных нарушениях законности при рассмотрении материалов процессуальной проверки КУСП.

В ходе проверки установлено, что 24 февраля 2018 г. в ОП № 3 Управления МВД России по городу В. поступило заявление С., в котором он просит привлечь к ответственности М. по факту хищения денежных средств, принадлежавших ООО «Л», зарегистрированному в КУСП.

Первоначальную процессуальную проверку по указанному заявлению проводил майор полиции Ш., старший оперуполномоченный ОЭБиПК Управления, который 5 марта 2018 г. принял решение об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления.

31 марта 2018 г. заместителем прокурора города В. вынесено постановление об отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела и возвращении материала для дополнительной проверки. Такую проверку проводил опять же майор полиции Ш., старший оперуполномоченный Управления, который 8 мая 2018 г. в нарушение установленного прокурором срока принял решение об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления.., далее по аналогии следовали 6 таких же событий отмены постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, возврата его на дополнительную проверку и вынесения сотрудником полиции повторного постановления об отказе в возбуждении уголовного дела с нарушением сроков и указаний прокурора. 5 января 2019 г. по указанному материалу проверки майором полиции Р., старшим следователем СУ Управления, было принято решение о возбуждении уголовного дела по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159.1 УК РФ.

По факту неоднократного вынесения необоснованного решения, нарушения сроков принятия решения по материалу проверки, а также за нарушение п. 57 Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, утвержденной приказом МВД России от 29 августа 2014 г. № 736, которую он должен строго исполнять согласно его должностному регламенту (должностной инструкции), начальником ОЭБиПК Управления подполковником полиции Е. майору полиции Ш. на служебном совещании было объявлено о наложении на него дисциплинарного взыскания «замечание» в устной форме, однако должных выводов майор полиции Ш. не сделал.

Наряду с этим одновременно с процессуальной проверкой начальником ОЭБиПК Управления подполковником полиции Е. было принято решение о заведении дела оперативного учета по указанным в заявлении ООО «Л» фактам, в рамках которого была задокументирована преступная деятельность М.

Тем самым подполковник полиции Е., обладая дисциплинарно властными полномочиями относительно своего подчиненного, желал положительного исхода рассмотрения заявления в виде возбуждения уголовного дела, а не привлечения своего сотрудника к дисциплинарной ответственности. Руководитель изначально контролировал ход и результаты проводимых оперативно-разыскных мероприятий в соответствии с требованиями ст. 22 ФЗ «Об ОРД» с целью достижения положительных результатов по делу оперативного учета и предупреждения возможного строгого дисциплинарного наказания, заблаговременно объявив майору полиции Ш. на служебном совещании выговор в устной форме. С одной стороны, дисциплинарное наказание усилилось, но с другой – оно также осталось устным.

В этой связи исключительное субъективное волеизъявление руководителя, выразившееся: а) в заведении дела оперативного учета и контроле за соблюдением законности при организации и проведении оперативно-разыскных мероприятий; б) назначении и проведении формальной служебной проверки, а также наложении дисциплинарного взыскания в виде выговора в устной форме, создало тот самый благоприятный психологический климат функционирования подразделения, о чем было отмечено выше.

Попытаемся детально разобрать данный пример, если руководитель не использовал бы свои властные полномочия, предоставленные ему ФЗ «Об ОРД».

Во-первых, на первоначальном этапе выявление предпосылок к единичному нарушению правовых отношений не означает его повтора. В данном случае допустимо применение таких устных методов, как:

а) разбор сложившейся ситуации и в случае необходимости детальное разъяснение пошаговой инструкции по принятию законного решения;

б) сравнение с коллегами по подразделению, не допускающими аналогичных нарушений и имеющими одинаковые условия труда, убеждение в неукоснительном следовании требованиям законодательства;

в) убеждение в необходимости следования «букве закона» с целью создания положительного мнения о деятельности сотрудника полиции (о подразделении), с целью формирования антагонистического отношения к попустительствам по службе и рефлексии, с целью исключения наступления негативных последствий от возможного дисциплинарного взыскания и т.д.;

г) «стимулирование» дополнительной нагрузкой, как то создание условий, при которых увеличивается объем работы, установленными законными методами и, соответственно, освобождение от указанных обязанностей при добросовестном их исполнении с целью констатации возможных мер реагирования на неоднократные нарушения дисциплины;

д) обсуждение неуспеваемости в служебной деятельности и негативных результатов работы на совещании при руководстве и т.д.

Во-вторых, в случае неэффективности вышеуказанных средств дополнительной мерой дисциплинарного производства служат письменное перераспределение или вменение дополнительных обязанностей в должностные инструкции сотрудников ОВД, за что может последовать дисциплинарное наказание (например, проведение сверок, ведение дел накопительного производства и т.д.).

В-третьих, отсутствие материального стимулирования по результатам работы подразделения.

В-четвертных, непосредственно осуществление дисциплинарного производства со всеми вытекающими из этого негативными последствиями. При этом хочется отметить тот факт, что первоначальная дисциплинарная ответственность также может быть применена в воспитательном и стимулирующем характере. Например, замечание или выговор устно по результатам проведенной проверки для отдельной категории лиц послужит мотивационным толчком к недопущению подобных нарушений впредь, для других исключительно более тяжкая дисциплинарная ответственность в виде строгого выговора или предупреждения о неполном служебном соответствии с лишением материальных источников финансирования заработной платы и понижение в квалификационных званиях могут послужить таким предупреждением и понуждением к соблюдению служебной дисциплины.

В этой связи грамотный подход руководителя органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность, благоприятно сказался на внутреннем

климате коллектива, что выразилось в сборе доказательной базы в рамках проведенных мероприятий по делу оперативного учета с целью привлечения фигурантов к уголовной ответственности.

Таким образом, подведем итог вышеизложенному. Как нам представляется, дисциплинарное предупреждение в рамках ведомственного контроля за оперативно-разыскной деятельностью, являясь элементом системы дисциплинарного принуждения, носит исключительно субъективно-властный характер, представляет собой совокупность мер (правовых и воспитательных), применяемых принудительно или непринудительно к должностным лицам органов внутренних дел в связи с ранее совершенными действиями, которые могут повлечь дисциплинарный проступок при ведении дел оперативного учета.

Особенности применения мер дисциплинарного предупреждения в рамках ведомственного контроля за оперативно-разыскной деятельностью зависят:

а) от субъекта дисциплинарного контроля, от уровня его морально-волевых, деловых качеств, уровня юридической эрудиции и т.д.;

б) объективных обстоятельств работоспособности сотрудника в том или ином коллективе (нехватка кадров, неблагоприятный психологический климат в коллективе, недостаточное материально-техническое обеспечение и т.д.).

Методы и средства дисциплинарного принуждения должны соответствовать критериям законности, равенства перед законом, допустимости, справедливости, гуманизма и объективности. Познание данных критериев должно происходить детерминировано с учетом практического опыта субъектов дисциплинарных правоотношений и междисциплинарно с точки зрения права и иных социогуманитарных наук. Главной ценностью дисциплинарной превентивности, на наш взгляд, должно являться формирование и становление у сотрудника органов внутренних дел антагонистического поведения к любому нарушению законности в служебной деятельности и дисциплинарной халатности, где особую роль играет руководитель подразделения, осуществляющего ведомственный контроль за оперативно-разыскной деятельностью.

Литература

1. Ванюшина И.Н. Дисциплинарный устав органов внутренних дел в системе правового регулирования дисциплинарной ответственности // Научные труды Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России (к 25-летию Конституции Российской Федерации): сборник статей. Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2018. С. 145-149.

2. Гришковец А.А. Проблемы правового регулирования и организации государственной гражданской службы в РФ: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. 60 с.

3. Каплунов А.И. Административное принуждение, применяемое органами внутренних дел (системно-правовой анализ): дис. … д-ра юрид. наук. М., 2005. 498 с.

4. О полиции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 29 августа 2014 г. № 736. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации (вместе с Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации, Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации, Уставом гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации) [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 10.11.2007 № 1495 (ред. от 21.02.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс]: федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Формирование профессионально-личностных компетенций в процессе воспитания сотрудников органов внутренних дел: монография / под общ. ред. Н.В. Сердюка. Омск, 2017. 240 с.

УДК 343.9
Б.П. Смагоринский, *доктор юрид. наук, заслуженный деятель науки РФ*
Волгоградская академия МВД России
E-mail: smagvolg@rambler.ru;
Е.В. Батыщева
адъюнкт Волгоградской академии МВД России
E-mail: adioop-vamvd@mail.ru

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПРЕСТУПНОСТИ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Статья посвящена рассмотрению современного состояния оперативно-разыскной деятельности уголовного розыска по противодействию преступности среди несовершеннолетних. Данное исследование представляет собой анализ и описание направлений оперативно-разыскной деятельности в целях предупреждения противозаконного поведения несовершеннолетних и раскрытия уже совершенных преступлений. Особенности данных преступных деяний и высокий уровень их активности дают основание говорить о необходимости совершенствования форм и методов реализации оперативно-разыскной деятельности уголовного розыска в целях противодействия преступности в подростковой среде.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность, оперативно-разыскное мероприятие, преступная среда, противодействие преступности, профилактика безнадзорности, несовершеннолетний, уголовный розыск, органы внутренних дел, подразделения по делам несовершеннолетних.

B.P. Smagorinsky, *Doctor of Juridical Sciences, professor, honored scientist of the Russian Federation*
Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia
E-mail: smagvolg@rambler.ru;
Ye.V. Batyshcheva
postgraduate student of Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia
E-mail: adioop-vamvd@mail.ru

THE CURRENT STATE OF THE OPERATIONAL INSPECTION ACTIVITIES OF THE CRIMINAL INQUIRY FOR COUNTERING TO CRIME AMONG MINORS

The article is devoted to the examination of the current state of the operational-search activity of the criminal investigation department to combat juvenile crime. This study is an analysis and description of the areas of operational-search activity in order to prevent illegal behavior of minors and disclose already committed crimes. The peculiarities of these criminal acts and the high level of their activity give grounds to speak of the need to improve the forms and methods of implementation of the operational-search activities of the criminal investigation department in order to combat crime juvenile crime.

Key words: operational-search activity, operational-search activity, criminal environment, crime prevention, prevention of neglect, underage, criminal investigation, internal affairs bodies, juvenile affairs units.

Преступная деятельность всегда порождала опасность как в общественной жизни граждан отдельного региона, страны, так и в целом для мирового сообщества.

Криминальная среда является серьезной проблемой, однако наиболее негативным социальным явлением в данной сфере выступает преступность несовершеннолетних, т.к. именно несовершеннолетние граждане отражают уровень развития нашего общества, от них в прямой зависимости находится будущее страны и всего человечества.

Сегодня в России уровень преступности в подростковой среде является довольно высоким. Так, согласно последним данным статистики МВД России за январь-сентябрь 2020 г. каждое двадцать девятое преступление (3,4%) совершается несовершеннолетними или при их участии [7, с. 6].

Реализация оперативно-разыскной деятельности (ОРД), направленной на противодействие преступности несовершеннолетних, оказание эффективных мер профилактики правонарушений, выступает сегодня важной задачей всего процесса искоренения преступности в России.

Несовершеннолетние граждане являются самой незащищенной частью общества, что обуславливается их социальной и психофизической незрелостью. В процессе реализации ОРД важно учитывать одновременное обеспечение их прав и соблюдение интересов. Данная социальная группа подлежит особому вниманию со стороны органов внутренних дел, в т.ч. и со стороны специализированных учреждений профилактики данного вида преступных деяний.

Органы внутренних дел занимают особое место в системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, т.к. полиция, будучи наиболее крупным и универсальным по набору инструментов принудительного воздействия правоохранительным органом, по сути, выступает основным субъектом непосредственного выявления, предупреждения и пресечения девиантного поведения несовершеннолетних [4, с. 220].

В настоящем исследовании рассмотрим отдельное направление работы уголовного розыска по оказанию мер противодействия преступности среди несовершеннолетних как самостоятельного структурного подразделения центрального аппарата МВД России.

К вопросам, входящим в компетенцию уголовного розыска, относятся обеспечение и реализация ОРД, в т.ч. и в среде несовершеннолетних, в полном объеме, установленном Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».

Подразделения уголовного розыска имеют довольно согласованную организационную структуру, в соответствии с которой к задачам определенных сотрудников относится работа в подростковой среде. Осуществляя различные оперативно-разыскные мероприятия (далее – ОРМ), деятельность уголовного розыска сводится к выполнению ряда задач, которые можно условно разделить на два направления: предупреждение (профилактика) преступной деятельности в подростковой среде и раскрытие уже совершенных преступлений.

Так, предупреждение, или, иначе говоря, профилактика, преступной деятельности в подростковой среде представляет собой процесс опережающего противодействия преступности. В достижении данной цели в рамках ОРД проводятся различные как гласные, так и негласные мероприятия в основном поискового и проверочного характера. Действия сотрудников уголовного розыска в решении этой задачи направлены на своевременное выявление подростков, имеющих преступные намерения, выявление факторов, этому способствующих, и принятие мер, меняющих мышление и взгляды конкретного несовершеннолетнего в позитивную сторону.

В процессе осуществления подобного рода мероприятий «выявление криминогенных объектов является ключевым моментом профилактической деятельности и создает информационные предпосылки для ее эффективного осуществления» [1, с. 122].

Таким образом, в настоящее время осуществление ОРД подразделениями уголовного розыска в целях предупреждения (профилактики) противоправного поведения среди несовершеннолетних имеет следующие основные функции:

- профилактика и пресечение преступности несовершеннолетних, в т.ч. и преступной деятельности групп подростков;
- выявление лиц, вовлекающих подростков в преступную деятельность, наркоманию, пьянство, проституцию, бродяжничество, попрошайничество и др.;
- розыск несовершеннолетних граждан, самовольно ушедших из дома или специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа.

Эффективному выполнению первой из выделенных функций (функции профилактики и пресечения преступности), безусловно, будет способствовать только своевременно и качественно организованные мероприятия, которые окажут необходимое психологическое воздействие на подростка или группу подростков. Иными словами, чем раньше будет выявлен правонарушитель, тем больше существует возможности для его дальнейшего перевоспитания. В отношении выявления асоциальных групп подростков прежде всего важно правильно установить не только участников группы, но и связи между ними, а также определить лидера.

Исследуя ОРД в отношении преступности несовершеннолетних, важно отметить, что в целом «профилактика молодёжной преступности имеет свои особенности, поскольку она имеет специфические социальные причины, обращена к субъектам, которые отличаются своим социальным статусом, психологическими и физиологическими особенностями» [6, с. 126]. Подростки зачастую формируют категоричные убеждения под влиянием различных событий общественной жизни. Многим подросткам свойственно критически воспринимать окружающую действительность, однако это далеко не основной показатель того, будет ли данный несовершеннолетний гражданин способен на преступление в будущем или нет. На возможность преступного поведения конкретного несовершеннолетнего оказывает влияние совокупность большого количества факторов, основная часть которых следует из образа жизни его семьи.

Так, поведение близких членов семьи может в перспективе повлиять на формирование антиобщественного поведения подростка: чрезмерная оценка несовершеннолетних со стороны родителей; отсутствие свободы выбора, самостоятельности, ответственности; неблагоприятные, аморальные условия воспитания несовершеннолетних в семье; отсутствие внимания, доброты и любви в отношении несовершеннолетнего со стороны родителей; чрезмерное удовлетворение капризам, потребностям, благам несовершеннолетнего; излишняя или чрезмерная требовательность и авторитарность родителей; правовая непросвещенность несовершеннолетних и родителей [2, с. 93].

Ежегодные данные статистики МВД России свидетельствуют о довольно активной преступной деятельности в подростковой среде. За период январь-сентябрь 2020 г. выявлено 24,572 тыс. несовершеннолетних, совершивших преступления, что на 10,1% меньше, чем за аналогичный период 2019 г. Однако, несмотря на снижение приведенного показателя, уровень преступности несовершеннолетних остается высоким – 3,8% от общего числа преступлений [7, с. 55].

Очевидно, такие статистические данные указывают на то, что меры, предпринимаемые органами и учреждениями профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, работают не так эффективно.

В целом на сегодняшний день процессы, протекающие в современной криминогенной подростковой среде, отличаются определенной спецификой. Преступления становятся более организованные, тщательно спланированные. Практически половина данного рода противоправных деяний совершается в группе, что представляет собой повышенную социальную опасность. Так, за период январь-сентябрь 2020 г. наблюдается большое количество несовершеннолетних правонарушителей, совершающих преступные деяния в группе – 11,489 тыс. чел. (46,8% от общего числа несовершеннолетних преступников), 51 чел. из которых состоял в организованном преступном сообществе [7, с. 55]. Кроме того, преступность несовершеннолетних стала носить более тяжёлый корыстный характер. Анализ данных статистики свидетельствует о высоком уровне тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их участии – 26,8% преступлений, что больше на 0,4%, чем за аналогичный период 2019 г. [7, с. 57].

Таким образом, определенная специфика и тенденции сегодняшней преступности среди несовершеннолетних должны приниматься во внимание подразделениями уголовного розыска при осуществлении оперативно-разыскной деятельности. Следует отметить, что особое внимание важно уделить рецидиву. Сегодня наблюдается высокая доля несовершеннолетних преступников, уже ранее совершавших преступления – 25,6% (9,1% из которых уже были ранее судимы), что представляет большую опасность для общества и его дальнейшего благоприятного развития [7, с. 55]. Профилактика рецидивной преступности среди несовершеннолетних граждан должна занимать важное место и осуществляться «посредством создания условий для предоставления своевременных мер социальной поддержки, социально-педагогической, социально-психологической, социально-правовой и иной помощи несовершеннолетним, состоящим на учете в органах внутренних дел, комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав» [3, с. 204].

Многие вопросы в процессе реализации ОРД уголовного розыска по противодействию преступности среди несовершеннолетних решаются во взаимодействии данного подразделения с другими субъектами: участковыми уполномоченными полиции, сотрудниками подразделений по делам несовершеннолетних (ПДН), в т.ч. подразделениями следствия, дознания в рамках предоставленных им полномочий и др. Как правило, значительную часть взаимодействий между субъектами профилактики преступности несовершеннолетних составляет систематический обмен сведениями. Так, оперативный работник уголовного розыска должен систематически получать информацию о выявлении несовершеннолетних, нуждающихся в помощи государства, оставшихся без попечения родителей, подростков, находящихся в тяжелой жизненной ситуации. Данного рода сведения предоставляют органы опеки и попечительства, органы управления социальной защитой населения, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, а также органы управления образованием, органы по делам молодежи и др.

В отношении взаимодействия уголовного розыска и других субъектов приведем актуальное исследование А.В. Гамзиной. Автор утверждает, что одним из ключевых факторов противодействия преступности в подростковой среде выступает взаимодействие уголовного розыска с ПДН и поясняет, что «особенно важна такая скоординированная совместная деятельность указанных подразделений при проведении ОРД применительно к несовершеннолетним» [5, с. 53]. В своем исследовании автор затрагивает проблему необходимости повышения взаимодействия между данными субъектами как фактора, который способствует эффективности проведения оперативно-разыскных действий. Автор обосновывает важность устранения территориального разделения (по месту дислокации) оперативных подразделений полиции с инспекциями ПДН.

С приведенной точкой зрения А.В. Гамзиной нельзя не согласиться, т.к. в действительности такое удаленное территориальное нахождение инспекций за пределами отделов вызывает значительные трудности у инспекторов ПДН. Решая текущие задачи противодействия преступности несовершеннолетних, сотрудники данных подразделений ограничены в возможности эффективно взаимодействовать с другими подразделениями, что существенно сказывается на результатах ОРД.

С практической точки зрения данная проблема, безусловно, не может быть незамедлительно решена по причине больших экономических затрат. Тем не менее данная рекомендация актуальна, и обозначенную проблему можно решать постепенно.

Раскрытие преступлений, совершенных несовершеннолетними, как одно из направлений ОРД уголовного розыска подразумевает выполнение следующих задач:

- розыск предполагаемых несовершеннолетних преступников;
- тщательное проведение осмотра места происшествия;
- проверка несовершеннолетних лиц, которые могли совершить данное преступление исходя из личных особенностей их характера и образа жизни;
- выявление организаторов преступлений;
- применение целевых и комплексных тактических операций по изъятию оружия преступления, предмета преступного посягательства, по задержанию преступника с поличным и иных операций в зависимости от ситуации;
- исследование оперативных сводок о преступных деяниях, совершенных до и после конкретного преступления с целью получения и анализа сведений о возможном осуществлении подобных преступных посягательств;
- установление характера, возможного способа реализации криминальных связей несовершеннолетнего преступника с другими лицами в криминальной среде.

Необходимо отметить, что важная роль в осуществлении ОРД уголовного розыска, направленной на противодействие преступности несовершеннолетних лиц, отводится взаимодействию между следователем и сотрудниками, непосредственно осуществляющими ОРД. В качестве отдельных направлений данного взаимодействия можно выделить: совместное планирование процесса расследования; изучение первичных материалов; участие в осмотре места преступления; выполнение отдельных следственных действий; исследование результатов проводимых ОРМ и др.

Данное взаимодействие направлено главным образом на реализацию оперативно-разыскных операций и принятие мер по установлению личности несовершеннолетнего правонарушителя. Кроме того, данное взаимодействие обеспечивает обмен важными сведениями, в связи с чем повышается возможность собрать более полную и достоверную доказательную базу и принять объективное решение о наказании преступника в соответствии с характером совершенного им преступления.

Таким образом, значимость проблемы преступности несовершеннолетних для нашего современного общества очевидна.

Современное состояние ОРД уголовного розыска по противодействию преступности несовершеннолетних характеризуется выполнением большого количества задач.

Обобщая вышеизложенное, можно отметить, что основным и наиболее эффективным направлением деятельности уголовного розыска выступает реализация ОРД в целях профилактики преступлений как важнейшего инструмента предупреждения преступности в будущем. Оказываемые меры профилактики и пресечения противоправного поведения подростков представляют собой целенаправленное воздействие на несовершеннолетних для ослабления и устранения факторов, способствующих совершению ими преступных деяний.

Приоритетной задачей для нашего общества выступает обеспечение безопасного и защищенного детства каждому несовершеннолетнему. В свою очередь, подразделения уголовного розыска выполняют в реализации данной задачи важную роль.

Применение форм и методов оперативно-разыскной деятельности в профилактической работе с несовершеннолетними способствует эффективному выявлению конкретных причин и условий совершения преступлений и иных скрытых процессов, содействующих развитию противоправного поведения подростков. В связи с этим сотрудник уголовного розыска в процессе анализа оперативной обстановки должен проводить исследование статистических дан-

ных о правонарушениях среди несовершеннолетних, безнадзорности в подростковой среде, исследование сведений о неблагополучных семьях и их образе жизни, а также анализировать информацию о местах, где совершаются правонарушения, условиях и причинах, которые способствуют их совершению.

Сущность вышеизложенного сводится к тому, что состояние оперативной обстановки в подростковой среде требует дальнейшего совершенствования методов оперативно-разыскной деятельности, обеспечения более эффективного и тесного взаимодействия всех заинтересованных органов и учреждений в целях обеспечения профилактики семейного неблагополучия, предупреждения безнадзорности и преступности среди несовершеннолетних, а также защиты их прав и законных интересов.

Литература

1. Аносов А.В., Ищук Я.Г. Оперативно-разыскная профилактика преступлений несовершеннолетних: направления, содержание, меры // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1 (45). С. 120-124.

2. Богданов А.В., Ильинский И.И., Хазов Е.Н. Причины и условия совершения правонарушений несовершеннолетними и профилактическая деятельность полиции по их предупреждению // Вестник экономической безопасности. 2019. № 2. С. 91-96.

3. Богданов А.В., Комахин Б.Н., Хазов Е.Н. Профилактические мероприятия, проводимые полицейскими подразделениями, по пресечению правонарушений и преступлений среди несовершеннолетних // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 4. С. 202-208.

4. Богданов А.В., Хазов Е.Н. Основные направления деятельности полиции по предупреждению и профилактике правонарушений среди несовершеннолетних // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 3. С. 218-222.

5. Гамзина А.В. К вопросу о территориальном разделении инспекций по делам несовершеннолетних и подразделений уголовного розыска как одном из факторов, ухудшающих их взаимодействие при проведении оперативно-розыскных мероприятий в отношении несовершеннолетних // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 2 (14). С. 52-58.

6. Проценко Д.Е., Байкова И.Н., Якушев В.В. Работа с молодежью в системе профессиональных задач сотрудников МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 3 (75). С. 125-128.

7. Состояние преступности в России за январь-сентябрь 2020 года. М.: ФКУ «Главный информационно-аналитический центр», 2020. 66 с.

УДК 343.98

Н.Э. Сороколетова
адъюнкт Барнаульского юридического института МВД России
E-mail: sorokoletova.natalia.1993@mail.ru

О ПОНЯТИИ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ «ИССЛЕДОВАНИЕ ПРЕДМЕТОВ И ДОКУМЕНТОВ»

В статье рассматриваются различные точки зрения на определения понятия оперативно-разыскного мероприятия «исследование предметов и документов». Изучаются дефиниции, предложенные российскими учеными, а также закрепленные в законах «Об оперативно-розыскной деятельности» различных стран. Проведен сравнительный анализ оперативно-разыскного мероприятия «исследование предметов и документов» с криминалистической экспертизой. Указаны логические правила, в соответствии с которыми осуществляется решение задачи, направленной на построение понятия оперативно-разыскного мероприятия «исследование предметов и документов», т.к. структура понятия является одним из главных факторов, влияющих на правильность отражения его содержимого. Определен ряд существенных признаков, которые, по мнению автора, должны отражать определение понятия. На основании анализа имеющихся понятий оперативно-разыскного мероприятия «исследование предметов и документов» уточнена его дефиниция.

Ключевые слова: понятие, исследование предметов и документов, оперативно-разыскная деятельность.

N.E. Sorokoletova
postgraduate student of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: sorokoletova.natalia.1993@mail.ru

ON THE CONCEPT OF OPERATIONAL-SEARCH MEASURES «RESEARCH OF OBJECTS AND DOCUMENTS»

The author of the article examines various points of view on the definition of the concept of an operational-search measure «research of objects and document». Namely, the definitions proposed by Russian scientists, as well as those enshrined in the laws «On operational-search activities» of various countries, are being studied. A comparative analysis of the operational-search activity «research of objects and documents» with a forensic examination is carried out. The logical rules are indicated, in accordance with which the solution of the problem is carried out, aimed at building the concept of an operational-search measure «research of objects and documents», since the structure of the concept is one of the main factors affecting the correct reflection of its content. A number of essential features have been identified, which, in the author's opinion, should reflect the definition of the concept. On the basis of the study of the existing concepts of the operational-search measure «research of objects and documents», its definition was clarified.

Key words: concept, research of objects and documents, operational-search activity.

Оперативно-разыскное мероприятие (далее – ОРМ) «исследование предметов и документов» является одним из 15 мероприятий, включенных в исчерпывающий перечень ОРМ, закрепленный в Федеральном законе № 144 «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД») [10]. Но законодатель не дает в нем определения ни одному из видов ОРМ, в т.ч. и ОРМ «исследование предметов и документов». Важно отметить, что множество различных определений понятия ОРМ «исследование предметов и документов» приводит к возникновению вопросов в практической деятельности.

Перед тем как начать изучение различных точек зрения на понятие рассматриваемого нами ОРМ, следует разграничить сходства и различия между оперативным исследованием и криминалистической экспертизой. По содержанию ОРМ «исследование предметов и документов» имеет некоторые общие и отличительные черты с криминалистическими экспертизами. Сходство состоит в том, что, во-первых, и в одном и в другом случае применяются аналогичные методы исследований, с помощью которых решаются идентичные задачи, во-вторых, и те и другие исследования чаще всего производятся сотрудниками экспертно-криминалистических центров (далее – ЭКЦ). Оперативное исследование отличается от криминалистической экспертизы в первую очередь способом ее назначения. При проведении оперативного исследования в качестве ОРМ сотрудник оперативного подразделения направляет в ЭКЦ задание на исследование, а при криминалистической экспертизе следователем выносится постановление о назначении экспертизы. Результаты этих двух исследований также оформляются не идентично. В случае оперативного исследования – справка об исследовании, при производстве криминалистической экспертизы – заключение эксперта.

Как отмечалось ранее, понятие ОРМ «исследование предметов и документов» не отражено в ФЗ «Об ОРД», но, несмотря на это, можно рассмотреть определения, имеющиеся в ФЗ «Об ОРД» других стран, например Узбекистана и Беларуси. В законе Республики Узбекистан ОРМ «исследование предметов и документов» определено как «мероприятие, проводимое с привлечением специалистов, обладающих научными, техническими и иными специальными познаниями, необходимыми для изучения предметов и документов в целях решения задач ОРД» [12]. А в статье 24 Закона «Об ОРД» Республики Беларусь понятие ОРМ «исследование предметов и документов» определяется как «изучение предметов и документов, полученных при осуществлении оперативно-разыскной деятельности, в целях получения сведений, необходимых для выполнения задач оперативно-разыскной деятельности» [11].

Модельный закон «Об ОРД», принятый на межпарламентской ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств, немного в другой интерпретации преподносит понятие ОРМ «исследование предметов и документов»: «исследование предметов и документов и иных объектов», а именно «изучение предметов, документов и иных объектов, которые сохранили или могли сохранить на себе следы преступления, являлись или могли являться орудием совершения преступления или результатом преступной деятельности в целях выявления следов и орудий совершения преступлений и результатов преступной деятельности» [13].

В научном сообществе имеется большое количество подходов к пониманию понятия ОРМ «исследование предметов и документов». С нашей точки зрения, они не лишены логики.

Так, например, Ю.Ф. Кваша и К.В. Сурков определяют, что «исследование предметов и документов – это оперативно-розыскное мероприятие, основывающееся на различных криминалистических методах получения информации, посредством которых обеспечивается описание, сравнение исследуемых объектов – носителей информации в интересах получения сведений о назначении исследуемых предметов, технологии, времени, месте их изготовления, качественных характеристик и т.п.» [3, с. 210].

В то же время М.П. Смирнов определяет, что под ОРМ «исследование предметов и документов» следует понимать «непроцессуальное криминалистическое исследование объектов, полученных в результате ОРМ, проводимых, как правило, до возбуждения уголовного дела с целью выявления признаков преступной деятельности и причастности к ней конкретных проверяемых лиц» [7, с. 128].

По мнению А.Е. Чечетина, ОРМ «исследование предметов и документов» представляет собой «непроцессуальное криминалистическое, научно-техническое или иное исследование объектов, полученных в результате других ОРМ, проводимое с целью выявления признаков преступной деятельности и причастности к ней конкретных проверяемых лиц» [8, с. 56].

Д.В. Березин определяет ОРМ «исследование предметов и документов» как «изучение тех из них, которые, вероятно, сохранили на себе следы преступления, являлись или могли явиться орудием совершения преступления или результатом преступной деятельности, а равно познание их особенностей, которые могут способствовать решению иных задач» [1, с. 142].

И.И. Бранчель [2, с. 101] и А.М. Хлус под ОРМ «исследование предметов и документов как изучение предметов и документов» понимают «изучение в це-

лях выявления следов и орудий совершения преступления или результатов преступной деятельности» [14, с. 73].

М.С. Десятов обозначает ОРМ «исследование предметов и документов» как «непроцессуальное криминалистическое, научно-техническое или иное исследование объектов, полученных в результате проведенных ОРМ, в целях выявления признаков преступной деятельности и причастности к ней конкретных проверяемых лиц» [4, с. 88].

Е.С. Дубоносов говорит о том, что ОРМ «исследование предметов и документов» – это «непроцессуальное криминалистическое исследование объектов, сохранивших следы преступной деятельности или явившихся орудием совершения преступлений» [5, с. 159].

Анализируя данные определения, мы приходим к выводу о том, что во многих определениях отсутствует указание на лицо, которое в рамках ОРМ имеет возможность проводить исследование. Становится непонятно, кто именно должен проводить исследование: сам сотрудник оперативного подразделения или же лицо, привлекаемое к проведению исследования на основании «задания на исследование» в рамках проводимого оперативным сотрудником ОРМ. По нашему мнению, определение обязательно должно отражать такой существенный признак, как субъект проведения ОРМ «исследование предметов и документов». Это один из важнейших аспектов, который в первую очередь должен быть отражен в понятии. Также необходимо более точно конкретизировать задачи, решаемые специалистами при проведении ОРМ «исследование предметов и документов». Тем не менее в анализируемых определениях, на наш взгляд, удачно отражены существенные признаки ОРМ «исследование предметов и документов», касающиеся целей и сведений, которые возможно получить при помощи рассматриваемого ОРМ.

Предлагая инициативный авторский проект федерального закона «Об ОРД», В.Ф. Луговик посвятил каждому ОРМ отдельную статью. ОРМ «исследование предметов и документов» в Оперативно-разыскном кодексе объединено с ОРМ «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местностей и транспортных средств». Новое оперативно-разыскное мероприятие называется «оперативный осмотр», оно включает в себя оперативный осмотр местности, жилища, иного помещения, транспортных средств, предметов и документов, производится в целях поиска лиц, предметов, веществ, следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для решения задач оперативно-разыскной деятельности [9]. Безусловно, любое ОРМ направлено на решение задач ОРД, но каждое отдельно существующее ОРМ имеет различное содержание. По нашему мнению, совмещение ОРМ «исследование предметов и документов» с ОРМ «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местностей и транспортных средств» нецелесообразно.

При решении задачи, направленной на определение понятия «исследование предметов и документов» как ОРМ, считаем верным учитывать логические правила его построения. Важна не только достоверность определения в его сути, но и правильность его построения. Существует ряд правил, в соответствии с которыми составляется верное по своему строению определение:

1. Соразмерность определения. Определение не должно быть уже определяемого понятия или определяемое понятие не должно быть шире определения – это ошибки слишком узкого и слишком широкого определения.

2. Запрет круга. Например, повтор идентичных слов в самом определяемом понятии и определении.

3. Ясность определения. Определение должно отражать такие признаки определяемого понятия, которые не требуют дальнейшего разъяснения (ошибка определения неизвестного через неизвестное).

4. Определение не может быть отрицательным. Определение не должно указывать на то, чем не является определяемое понятие, должно быть отражением того, что в него входит [6, с. 50-51].

Определение понятия должно в полной мере раскрывать сущность ОРМ. В связи с этим, по нашему мнению, наиболее полным является определение, содержащее ряд существенных признаков, таких как:

1) указание на закрепление в нормативно-правовом акте;

2) отражение субъекта, уполномоченного на проведение конкретного ОРМ;

3) перечень сведений, которые возможно получить при проведении ОРМ;

4) цели проведения ОРМ.

Сопоставив выделенные нами признаки, которые должно включать в себя определение понятия ОРМ «исследование предметов и документов», мы хотели бы предложить свое авторское определение понятия рассматриваемого ОРМ.

Исследование предметов и документов – это закрепленное в федеральном законе оперативно-разыскное мероприятие, проводимое с привлечением специалистов, осуществляющих свою деятельность на основании нормативных правовых актов Российской Федерации, направленное на получение сведений о различных качественных характеристиках предметов и документов, с целью выявления признаков преступной деятельности и причастности к ней конкретных проверяемых лиц.

Как и любой вывод, предложенное автором определение возможно подвергнуть критике, несмотря на это, считаем уместным использовать данное определение в научной сфере и в практической деятельности.

Литература

1. Березин Д.В. Основы оперативно-розыскной деятельности: учебник / Д.В. Березин и др. М.: Российская таможенная академия, 2012. 240 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.iprbookshop.ru/69496.html (дата обращения: 20.02.2021).

2. Бранчель И.И. Оперативно-розыскная деятельность: пособие для студентов вузов / И.И. Бранчель и др. Минск: ТетраСистемс, Тетралит, 2014. 352 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.iprbookshop.ru/28163.html] (дата обращения: 10.03.2021).

3. Горяинов К.К., Кваша Ю.Ф., Сурков К.В. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: Комментарий. М.: Новый Юрист, 1997. 576 с.

4. Десятов М.С. Основы оперативно-розыскной деятельности: учебное пособие / М.С. Десятов и др. Омск: Омская академия МВД России, 2017. 88 с.

5. Дубоносов Е.С. Основы оперативно-розыскной деятельности: учебное пособие / под ред. проф. Г.К. Синилова. 2-е изд., перераб и доп. М.: ИД «Юрайт», 2011. 350 с.

6. Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика: учебник для юридических вузов / под ред. проф. В.И. Кириллова. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009. 240 с.

7. Комментарии оперативно-розыскного законодательства РФ и зарубежных стран: учебное пособие / М.П. Смирнов и др. М.: Изд-во «Экзамен», 2003. 544 с.

8. Комментарий к Федеральному закону Российской Федерации «Об оперативно-розыскной деятельности» / под ред. А.И. Алексеева, В.С. Овчинского. М.: Проспект, 2013. 176 с.

9. Луговик В.Ф. Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации (авторский проект федерального закона) // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 1 (31). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/operativno-razysknoy-kodeks-rossiyskoy-federatsii-avtorskiy-proekt-federalnogo-zakona (дата обращения: 15.03.2021).

10. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс]: федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Об оперативно-розыскной деятельности: Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З: принят Палатой представителей 26 июня 2015 г.; одобрен Советом Республики 30 июня 2015 г. URL: https://kgb.by/ru/zakon289-3/ (дата обращения: 29.03.2021).

12. Об оперативно-розыскной деятельности: Закон Республики Узбекистан от 25.12.2012 № ЗРУ-344: принят Законодательной палатой 07.11.2012; одобрен Сенатом 05.12.2012. URL: https://nrm.uz/contentf?doc=294717_zakon_respubliki_uzbekistan_ot_25_12_2012_g_n_zru-344_ob_operativno-rozysknoy_deyatelnosti_(prinyat_zakonodatelnoy_palatoy_07_11_2012_g_odobren_senatom_05_12_2012_g_)&products=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana (дата обращения: 29.03.2021).

13. Об оперативно-розыскной деятельности: модельный закон: принят на двадцать седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ; постановление от 16.11.2006 № 27-6. URL: http://docs.cntd.ru/document/902050857 (дата обращения: 09.12.2020).

14. Хлус А.М., Бранчель И.И. Основы оперативно-розыскной деятельности: ответы на экзаменационные вопросы. Минск: ТетраСистемс, 2012. 144 с. URL: http://www.iprbookshop.ru/28172.html] (дата обращения: 15.03.2021).

УДК 343.985.4
Е.И. Третьякова, *канд. юрид. наук, доцент*
Восточно-Сибирский институт МВД России
E-mail: eit20@mail.ru;
В.С. Крапивин
ЭКЦ ГУ МВД России по Иркутской области
E-mail: krapivin1989@bk.ru

СЛЕДСТВЕННЫЙ ОСМОТР ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА КАК ОБЪЕКТА ПОЖАРА

Ввиду значительного распространения фактов возгораний автотранспортных средств и необходимости установления их причин особую актуальность приобретает тактика производства осмотра сгоревшего транспортного средства. Процесс собирания следов преступления включает в себя сложные и взаимосвязанные этапы их поиска, фиксации, упаковки и изъятия. Упущения при работе на месте пожара, неупорядоченные и бессистемные действия в ходе осмотра объекта пожара ведут к необратимым последствиям в виде утраты следовой информации. В этой связи особо остро встает вопрос о необходимости повышения качества производства осмотра такого объекта пожара. В статье на основе анализа практики (следственных и экспертно-криминалистических подразделений МВД России) даны рекомендации по осмотру такого объекта пожара, как транспортное средство.

Ключевые слова: транспортное средство, следственный осмотр, осмотр транспортного средства, объект пожара, пожар, следы преступления, специалист.

E.I. Tretyakova, *Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor*
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: eit20@mail.ru;
V.S. Krapivin
Forensic Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Irkutsk Region
E-mail: krapivin1989@bk.ru

INVESTIGATIVE INSPECTION OF THE VEHICLE AS A FIRE OBJECT

In view of the significant spread of the facts of motor vehicle fires and the need to establish the causes, the tactics of conducting an inspection of a burnt-out vehicle becomes particularly relevant. The process of collecting traces of a crime involves complex and interrelated stages of their search, fixation, packaging and removal. Omissions when working at the fire site, disordered and unsystematic actions during the inspection of the fire object lead to irreversible consequences in the form of loss of trace information. In this regard, the question of the need to improve the quality of the inspection of the fire object is particularly acute. In the article, based on the analysis of practice (investigative and forensic units of the Ministry of Internal Affairs of Russia), recommendations are given for the inspection of such a fire object as a vehicle.

Key words: vehicle, the investigative inspection of the vehicle, the object of the fire, the fire, the traces of the crime, specialist.

В настоящее время автомобилю как основному средству передвижения отдается предпочтение. Их количество на единицу населения и площади с каждым годом растет. Автомобиль, являясь источником повышенной опасности с высокой концентрацией горючей нагрузки [9, с. 12], становится объектом пожаров, которые как по количеству, так и по нанесенному ущербу стабильно занимают второе место, уступив лишь пожарам на объектах жилища. В этой связи важным становится установление причин возникновения пожара, подтверждение или опровержение признаков криминального события. В соответствии с ФЗ от 21.12.1994 № 69-ФЗ «О пожарной безопасности» пожар определяется как неконтролируемое горение, причиняющее материальный ущерб, вред жизни и здоровью граждан, интересам общества и государства. Однако, несмотря на признак неконтролируемости, он развивается по определенным законам физики, оставляя характерную следовую картину.

Исследование рассматриваемого объекта пожара в рамках осмотра места происшествия осуществляется с целью обнаружения, фиксации и изъятия всего комплекса следов – как общекриминалистических (к примеру, следов пальцев рук непосредственно в зоне окопчения) [8, с. 67-68], так и специфических, образованных в ходе возникновения и развития пожара.

Осмотр автомобиля как объекта пожара и прилегающей территории производится в целях определения обстоятельств возникновения и развития пожара, обнаружения системы следов, которые образуются в результате высокотемпературного воздействия, для дальнейшего установления температурных процессов, развивающихся в ходе пожара, что в совокупности необходимо для установления месторасположения очага пожара. В будущем он может способствовать установлению причины возникновения пожара в ходе проведения пожарно-технической экспертизы. Место или объект пожара как носитель следовой информации, по своей сути, всегда является уникальным [6, с. 147].

Анализ криминалистической литературы позволяет констатировать высокую степень разработанности тактики следственного осмотра [1, 4, 5, 7, 9]. Тем не менее, подчиняясь законам развития и обогащения научных знаний, они требуют своего постоянного совершенствования, в т.ч. в рамках осмотра места пожара, который имеет свою характерную ярко выраженную специфику.

Анализ следственной и экспертной практики позволяет отнести осмотр места или объекта пожара к одному из наиболее сложных видов осмотра. Он включает в себя осмотр прилегающей к пожару территории, обнаружение предметов, способствующих возникновению и развитию пожара, описание объекта пожара, начиная от их размеров, конструктивных особенностей и ориентации в пространстве, заканчивая подробным описанием термических и иных повреждений, содержащих признаки места первоначального возникновения горения, а также описания направленности горения, разбора пожарного мусора и др. Допущение ошибок при проведении такого осмотра может повлечь уничтожение следов, восполнить которые в дальнейшем чаще всего не представляется возможным.

Рассматривая тактические особенности осмотра объекта пожара, отметим, что традиционное деление на этапы: подготовительный, рабочий и заключительный, сохраняется и при осмотре места пожара.

Так, подготовительный этап осмотра места происшествия характеризуется выяснением обстоятельств пожара, касающихся точного расположения объекта пожара, лиц, его обнаруживших, метеорологических условий, преобладающих во время обнаружения пожара (наличия или отсутствия осадков, скорости и направления ветра, температуры воздуха окружающей среды), места первоначального обнаружения горения, направленности распространения горения с течением времени и др. В научных публикациях по исследуемой теме [10, с. 73] отмечается, что наибольшая результативность и точность выясненных сведений наблюдается во время его тушения, при этом у следователя возникает ряд преимуществ:

- наблюдение и фиксация хода развития пожара, а также сопровождающих его явлений;
- возможность принятия своевременных мер по сохранности выявленных в процессе ликвидации пожара следов и вещественных доказательств;
- установление среди наблюдающих лиц очевидцев возникновения пожара;
- получение свежей информации от участников тушения пожара о месте, характере горения на момент их прибытия к месту пожара и дальнейшем ходе распространения огня.

Нужно учитывать, что идеальные ситуации, при которых имеется возможность присутствовать в процессе развития пожара, достаточно редки. Кроме того, особенность возгораний таких объектов, как транспортные средства, заключается в интенсивном развитии пожара, высокой скорости распространения горения и уничтожения горючих элементов и деталей, что связано с высокой концентрацией пожарной нагрузки (элементы отделки, технические жидкости и т.д.) на относительно небольшой площади.

В этой связи определенный вклад в анализ процесса горения и распространения огня могут внести участвующие специалисты. Это, как правило, сотрудники экспертно-криминалистических подразделений

системы МВД, МЧС либо другие лица, обладающие специальными знаниями в области тушения, расследования и экспертизы пожаров. Помимо указанного, действующие нормы уголовно-процессуального права позволяют следователю привлечь к участию в осмотре места происшествия необходимых ему иных специалистов.

Тем не менее одним из плюсов такого участия является возможность использования специалистом знаний специальной терминологии, необходимой для качественного описания конструктивных элементов объекта пожара, элементов его топливной, тормозной систем, электросистемы, а также повреждений, образованных в результате высокотемпературного воздействия.

Рабочий этап осмотра места происшествия по общим тактическим рекомендациям начинается со статической стадии, задачами которой является определение границ осмотра, расположения объекта осмотра на участке местности, сбор сведений о транспортном средстве (модель, марка, тип кузова, цвет, расположение двигателя, особенности электроснабжения, используемый вид топлива, компоновка салона, данные государственного регистрационного знака, номер кузова).

Приведем пример: *«Объектом осмотра является участок местности, расположенный около дома № Х по улице Х города Х. Участок местности представляет собой парковочную площадку, покрытие – асфальт, на поверхности которого находится автомобиль марки Х в кузове белого цвета. Автомобиль передней частью ориентирован на восток. Тип кузова – седан, номер государственного регистрационного знака Х. Автомобиль марки Х с передним расположением двигателя. Используемый вид топлива – бензин. Электропитание осуществляется от аккумулятора напряжением Х вольт, расположенного в левой части моторного отсека, а также от генератора переменного тока. В компоновку салона входят два кресла в передней части, одно – в задней. Багажное отделение находится за перегородкой от салона, выполненной из полимерного материала».*

Также в ходе статической стадии осмотра необходимо обращать внимание на состояние запорных устройств, остекления, механических повреждений кузова, деталей, не имеющих отношения к возгоранию.

Динамическая стадия осмотра предполагает работу с объектом пожара и прилегающей к нему территорией. На этой стадии действия следователя по осмотру места пожара сопровождаются расчисткой пожарного мусора с целью его исследования на наличие посторонних предметов, а также для получения доступа к элементам транспортного средства для их подробного описания.

Анализ практики свидетельствует, что определенные затруднения вызывает описание термических повреждений.

Описание термических повреждений рекомендуется начинать с состояния лакокрасочного покрытия, металла под ним (если лакокрасочное покрытие отсутствует), состояния шин колес, подкрылков, брызговиков и других элементов экстерьера. Особое внимание следует обратить на поиск следов легковоспламеняющихся и горючих жидкостей и иных предметов под автомобилем и на прилегающей территории.

При этом в протоколе осмотра места происшествия фиксируется следующая информация: *«Максимальные термические повреждения внешней поверхности автомобиля установлены в его передней правой части (ориентация по ходу движения автомобиля) и выражены в виде уничтожения слоя лакокрасочного покрытия (далее – ЛКП) передней правой части крыши, переднего правого крыла, частей капота и передней правой двери, прилегающих к данному крылу, образования деформации, окалины металла, цветов побежалости (темно-красный оттенок) вышеописанных конструктивных элементов автомобиля. Шина и брызговик правого переднего колеса вместе с колесным диском, выполненным из легкосплавного материала, полностью уничтожены огнем. Кроме этого, в передней правой части автомобиля также уничтожены огнем все горючие материалы экстерьера автомобиля: осветительные приборы, часть бампера, повторитель указателя поворота, зеркало заднего вида и другие декоративные элементы.*

Передняя левая часть автомобиля имеет менее интенсивные термические повреждения по сравнению с вышеописанной зоной, выраженные в частичном выгорании ЛКП переднего левого крыла, левой части капота, наслоении копоти на поверхности остальных конструктивных элементов. Шина левого переднего колеса частично уничтожена и карбонизирована преимущественно в верхней части. Другие термические повреждения внешней поверхности передней левой части автомобиля отсутствуют.

Передняя и задняя части автомобиля поочередно приподнимались с использованием домкрата. При этом в ходе осмотра нижней части кузова (днища) автомобиля было установлено следующее: левая часть днища автомобиля имеет менее выраженные следы термических повреждений относительно правой части (наличие копоти, частичное сохранение ЛКП). Передняя часть днища в районе двигателя и коробки передач имеет термические повреждения в виде выгорания ЛКП, расплавления алюминиевых и изменения цвета стальных деталей до белого, уничтожения полимерных и резиновых узлов и дета-

лей. Задняя часть днища термических повреждений не имеет.

В задней части автомобиля термические повреждения не обнаружены».

Горючая нагрузка в автомобиле распределена неравномерно. В зависимости от комплектации автотранспортного средства часть сконцентрирована в моторном отсеке в виде элементов топливной и электрической систем, часть – в салоне и багажном отделении в виде элементов интерьера (материалы отделки дверей, пола, потолка, отделки и наполнения кресел, панель приборов), изоляции электропроводников, перевозимого груза.

Пожаровзрывоопасность указанных веществ и материалов выражена в виде их способности к воспламенению, горению и взрыву при соединении с другими веществами и образовании взрывоопасных концентраций при определенных условиях.

Такая неравномерность распределения горючей нагрузки в автомобиле позволила исследователям в рассматриваемой сфере [2, 3] выделить три периода распространения пожара в зависимости от количества горючих материалов, находящихся в салоне, и условий газообмена. Первый период включает в себя возникновение горения на небольшом по площади очаге и последующее распространение по всему объему салона в течение времени, как правило, от нескольких секунд до нескольких минут. За это время происходит воспламенение и устойчивое горение всей горючей нагрузки объекта. Второй период характеризуется выравниванием динамики распространения пожара, сгоранием значительной части горючей нагрузки и нивелированием очаговых признаков в течение 10-20 минут. Третий период – затухание пожара. Эти периоды находят свое отражение в следовой картине на объекте пожара.

Термические повреждения автомобиля, визуально напоминающие форму треугольника (конуса), когда в верхней части площадь, пройденная огнем, больше по сравнению с нижней, формируются, как правило, над очагом пожара под действием конвективных потоков раскаленных газов. В случае обнаружения подобная следовая картина может фиксироваться в протоколе осмотра места происшествия следующим образом: *«В совокупности термические повреждения автомобиля образуют пространственную фигуру в виде конуса, вершина которого совпадает с местом расположения правого переднего колеса».*

Также очаговая зона может описываться следующим образом: *«Наибольшие термические повреждения автомобиля X сосредоточены в месте расположения левой части заднего сиденья (ориентация по ходу движения автомобиля). На это указывают уничтожение горючих материалов левой части заднего сиденья, отделки задней левой двери, деформация и уничтожение отделки крыши по направлению к данной зоне в салоне, изменение цвета металла задней левой части крыши и задней левой двери до белого. По мере удаления от вышеописанной зоны степень термических повреждений автомобиля резко уменьшается».*

В ходе пожара полимерные элементы бампера, брызговиков и других деталей экстерьера автомобиля частично выгорают, и их карбонизированные фрагменты находятся на поверхности земли, под которыми нередко можно обнаружить следы интенсификаторов горения в виде легковоспламеняющихся или горючих жидкостей. Как отмечают некоторые авторы, их обнаружение возможно даже спустя сутки после пожара (по сравнению с открытыми участками местности, на которых следы интенсификаторов горения в зависимости от их состава, уничтожаются за короткий промежуток времени – до нескольких часов) [11, с. 24]. После обнаружения фрагменты со следами интенсификаторов горения изымаются и герметично упаковываются. Вопрос выбора упаковочного материала для подобных объектов должен основываться на принципах индивидуальности, герметичности. Практика свидетельствует, что универсальным упаковочным материалом является фольга, которая исключает возможность агрессивного воздействия на себя легковоспламеняющихся или горючих жидкостей. После этого сверток фольги помещается в полимерный пакет либо стеклянную емкость.

После осмотра внешней поверхности автомобиля осуществляется осмотр его отсеков (моторный отсек, салон, багажное отделение).

Пожарную опасность могут составлять образование горючей среды из-за неисправностей в гидравлических системах, в системе охлаждения двигателя, топливной системе, в аккумуляторной батареи и др.

В моторном отсеке особое внимание необходимо уделить состоянию электрокоммуникаций и электрооборудования. Следует уделить внимание элементам электропроводки с видимыми признаками аварийных режимов работы в виде спекания жил электропроводов, образования оплавлений на них, которые могут иметь разные формы: шарообразную, конусообразную, кратерообразную, в виде косого и поперечного срезов. Подробно описать состояние элементов электрооборудования с термическими повреждениями и блоков предохранителей.

При этом в протоколе осмотра места происшествия может отражаться следующая информация: *«При осмотре передней части автомобиля установлено, что капот имеет следы равномерных термических повреждений в виде выгорания ЛКП без изменения цвета металла как с внешней, так и с внутренней стороны. Наибольшие термические поврежде-*

ния в моторном отсеке находятся в центральной части в районе задней стенки, в месте расположения технологических отверстий. Следов аварийных режимов работы электрокоммуникаций и электрооборудования в моторном отсеке не обнаружено».

При обнаружении элементов электрических систем с признаками аварийных режимов работы часть их изымается для дальнейшего проведения пожарно-технического исследования. При этом упаковка должна сохранять целостность при их хранении и транспортировке.

При осмотре салона и багажного отсека автомобиля в протоколе осмотра отражаются сведения о термических повреждениях элементов отделки, интерьера, проводится расчистка пожарного мусора, осуществляется поиск предметов, которые могли быть использованы в качестве источника зажигания, следов интенсификаторов горения.

Кроме того, необходимо уделить внимание площадке, на которой расположено транспортное средство. На ее поверхности могут быть обнаружены фрагменты емкостей со следами горючих или легковоспламеняющихся жидкостей либо жидкость в нативном виде, фрагменты спичек, спичечных коробков, зажигалок, зажигательных устройств, электропроводов, причастных к возникновению пожара.

На заключительном этапе осмотра места происшествия изъятые объекты упаковываются.

В качестве одной из особенностей проведения осмотра места происшествия по делам о пожаре, на наш взгляд, является то, что процессуальное оформление его результатов необходимо начинать уже со статической стадии осмотра, поскольку это позволит обеспечить максимальную полноту внесенных в протокол сведений.

Проблемным аспектом осмотра рассматриваемого нами объекта пожара является качество составленного протокола. Отмечается наличие пробелов в знаниях должностных лиц, участвующих в проверке сообщения по факту пожара транспортного средства. Так, С.И. Соболевская приводит результаты опроса экспертов о качестве составленного протокола осмотра, больше половины которых (53,2%) отметили неполноту описания характера, степени и особенностей термического воздействия, отразившихся на объекте, и, как следствие, невозможность последующего объективного представления о сложившейся картине пожара в целом [10, с. 76-77].

Последствия такого некачественного описания представить несложно. Очевидно, что в рассматриваемом случае некачественно выполненный осмотр, не изъятые следы и пробы для исследования, незафиксированные квалификационные признаки поджога – всё это может привести к необоснованному процессуальному решению о возбуждении уголовного дела или об отказе в его возбуждении.

Отметим, что частично восполнить недочеты проведенного описания объекта осмотра позволяют результаты применения технических средств фиксации. В то же время результаты технической фиксации – это лишь приложение к протоколу осмотра места происшествия, а именно он является доказательством по делу, и полученные в ходе рассматриваемого следственного действия следы допустимы как доказательства только в том случае, если они облечены в предусмотренную процессуальным законом форму.

Считаем, что предложенные практические рекомендации по тактике производства осмотра транспортного средства как объекта пожара могут способствовать совершенствованию дальнейших исследований в этой области, а также повышению качества производства данного следственного действия.

Литература

1. Богуцкая М.Ю. Методика расследования умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества, совершенного путем поджога: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. 184 с.

2. Дашко Л.В., Синюк В.Д., Плотникова Г.В. Методологическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений, сопряженных с пожарами автотранспортных средств // Теория и практика судебной экспертизы: международный опыт, проблемы, перспективы: сборник научных трудов II Международного форума, приуроченного к 100-летию создания экспертно-криминалистической службы МВД России (Москва, 4-5 апреля 2019 г.). М.: Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, 2019. С. 120-123.

3. Девисилов В.А., Дроздова Т.И., Плотникова Г.В., Решетов А.П. Физико-химические основы развития и тушения пожара. М.: Научно-издательский центр «ИНФРА-М», 2018. 176 с.

4. Евтушенко А.Н. Осмотр места происшествия и его значение для производства судебной пожарно-технической экспертизы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. 232 с.

5. Зернов С.И. Теоретические и прикладные проблемы применения специальных познаний при выявлении и расследовании преступлений, сопряженных с пожарами: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. 517 с.

6. Колмаков А.И. Исследование причин возгорания автотранспортных средств: учебное пособие / под ред. канд. техн. наук. М.: ГУ ЭКЦ МВД России, 2003. 82 с.

7. Лантух Э.В. Методика расследования убийств, сопряженных с поджогом: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1998. 154 с.

8. Овсянников В.В. О возможности обнаружения следов рук человека на объектах вещной обстановки в ходе осмотров мест происшествий, сопряженных с пожаром // Сборник материалов криминалистических чтений. Барнаул: БЮИ МВД России, 2017. № 14. С. 67-68.

9. Плотникова Г.В., Уланов А.Г. Ошибки и недостатки при осмотре места пожара // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 4 (8). С. 146-149.

10. Соболевская С.И. Осмотр места криминального пожара // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2015. № 2 (5). С. 72-77.

11. Шаевич А.А., Паньшина Н.В. Анализ практики использования специальных знаний при осмотре автомобиля после поджога // Судебная экспертиза. 2018. № 4 (56). С. 17-26.

УДК 343.132.2
В.С. Удовиченко
Барнаульский юридический институт МВД России
E-mail: viktorudovichenko@yandex.ru;
С.А. Сорокина
Барнаульский юридический институт МВД России
E-mail: 2000ssa07@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ИЗЪЯТИЯ ИНФОРМАЦИИ С ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Статья посвящена одной из дискуссионных проблем уголовно-процессуального права, рассматриваемых с теоретико-правовой и практической сторон, а именно анализируются особенности и проблемы изъятия электронных носителей и информации в досудебном производстве. Особое внимание уделено определению понятия «электронный носитель». Авторами предложены законодательные изменения рекомендательного характера, нацеленные на совершенствование деятельности следователей и дознавателей при работе с электронными носителями информации, а также на соблюдение, защиту и реализацию конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства.
Ключевые слова: электронный носитель информации, изъятие, специалист, вещественные доказательства.

V.S. Udovichenko
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: viktorudovichenko@yandex.ru;
S.A. Sorokina
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: 2000ssa07@mail.ru

PECULIARITIES OF WITHDRAWAL OF INFORMATION FROM ELECTRONIC MEDIA IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS

The article is devoted to one of the debatable problems of criminal procedural law from the theoretical and practical sides, namely, it analyzes the features and problems of withdrawal and inspection of electronic media and information in pre-trial proceedings. Particular attention is paid to the definition of the concept of «electronic medium». The authors proposed legislative changes of a recommendatory nature, aimed at improving the activities of investigators and interrogators when working with electronic information carriers, as well as the observance, protection and implementation of constitutional rights and freedoms of participants in criminal proceedings.
Key words: electronic storage medium, withdrawal, specialist, material evidence.

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) до 2018 г. содержались нормы, регламентирующие изъятие электронных носителей в рамках проведения обыска и выемки, поэтому цели, которые преследовал законодатель при введении новой статьи 164.1, уже были частично реализованы в предыдущих редакциях ст. 182 и 183 УПК РФ. В действующем уголовно-процессуальном законе изъятие электронных носителей информации стало возможным при проведении ряда следственных действий, что привело к необходимости введения особых правил в виде новой статьи, регламентирующей изъятие электронных носителей при любых следственных действиях. В науке уголовного процесса вопрос об осмотре и изъятии информации с электронных носителей разрабатывался такими учеными, как: С.В. Зуев, В.Б. Вехов, Ю.В. Гаврилин, А.Л. Карлов, Л.Б. Краснова, Т.С. Крюкова, О.В. Овчинникова и др. Несмотря на тщательное изучение данной проблемы учеными-процессуалистами, специальных терминов для ст. 164.1 УПК РФ до сих пор в УПК РФ не сформулировано.

Так, в ст. 5 УПК РФ отсутствует понятие «электронный носитель», в связи с чем возникают проблемы определения объектов, относящихся к «электронным носителям». Поэтому большинство авторов, исследующих данный вопрос, используют определение в соответствии с п. 3.1.9 ГОСТа 2.051-2013 «Единая система конструкторской документации. Электронные документы. Общие положения»: «электронный носитель – это материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемой с помощью средств вычислительной техники» [15]. Ю.В. Гаврилин заметил несовершенство данного определения, т.к. им охватывается абсолютно любое микропроцессорное устройство [5, с. 8]. На практике к таким объектам можно отнести компьютеры, мобильные телефоны, системные блоки, устройства, составляющие материальную часть компьютерной системы, кассовое оборудование и иные гаджеты. По мнению П.В. Козловского и П.В. Седельникова, «электронный носитель» является достаточно широким понятием, охватывающим CD, DVD-диски, сотовые телефоны и т.п., а профессор Б.В. Вехов полагает, что к таким объектам можно отнести стиральную или кофе-машину, микроволновую печь, электронный ключ от домофона и др. [4, с. 10].

В целом соглашаясь с указанным выше широким подходом к определению электронного носителя информации, считаем необходимым понимать под ним не только съемные носители информации (например, карты памяти, флеш-накопители, съемные жесткие диски, оптические диски и др.), но и персональные компьютеры и серверы, а также иные микропроцессорные устройства, которые предназначены для постоянного или временного хранения компьютерной информации. Для единого законодательного подхода предлагаем дополнить ст. 5 УПК РФ пунктом, детерминирующим понятие «электронный носитель информации»: «электронный носитель информации – это устройство, предназначенное для постоянного или временного хранения информации в пригодном для использования в электронных вычислительных машинах виде, а также для ее передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах». Дополнив ст. 5 УПК РФ данным понятием, можно избежать проблем и разногласий, возникающих на практике.

Одной из существенных проблем является отнесение изъятых электронных носителей и информации, полученной из них, к определенному виду доказательств – к вещественным доказательствам или к «иным документам». Анализ результатов проведенного анкетирования следователей и дознавателей Алтайского края и Кемеровской области показал, что 90% опрошенных (45 из 50 человек) приобщают к уголовному делу в качестве вещественных доказательств изъятые электронные носители и информацию, полученную из них. Данную тенденцию можно объяснить тем, что практические работники, руководствуясь ч. 4 ст. 81 УПК РФ, стараются признать вещественными доказательствами изъятые электронные носители информации, иначе их необходимо вернуть лицам, у которых они были изъяты. То есть буквально толкуя данную норму, по логике законодателя электронные носители информации являются вещественным доказательством. Соответственно, в соответствии с ч. 1 ст. 82.1 УПК РФ электронные носители информации, которые содержат информацию, имеющую значение для разрешения дела, будут признаны вещественными доказательствами и приобщены к материалам уголовного дела.

Следует отметить, что открытым остается вопрос, к какому виду доказательств будет отнесена информация, хранящаяся не в самой памяти электронного носителя, а в облачном хранилище, так называемом облаке смартфонов или других устройств. Это могут быть и переписка в социальных сетях, интернет-мессенджерах, сведения о посещенных местах (с использованием геолокации и через приложение, к примеру Google Maps), а также медиафайлы (фотографии, видеозаписи). Фактически доступ к такой информации возможен только при подключении к сети Интернет, но в этом случае исследование информации выходит за пределы изъятого объекта (сотового телефона, ноутбука, планшета и др.), поэтому изъятие данного объекта у лица необязательно в связи с тем, что доступ в Интернет можно осуществить с любого другого устройства.

По смыслу ч. 4 ст. 81 УПК РФ электронные носители информации интерпретированы как вещественные доказательства, и, возможно, законодатель определил это в связи с апробированным порядком, применяемым для вещественных доказательств, чего не скажешь о процессуальном обращении с «иными документами». Согласно п. 3 ч. 1 ст. 81 УПК РФ к вещественным доказательствам относятся и иные документы или предметы, которые могут иметь значение для расследования уголовного дела. Но следует отметить, что данная норма содержит пробел, т.к. в процессе расследования интерес представляют не сами электронные носители, т.е. не объекты материального мира (предметы, документы), а информация, которая содержится на них, что не позволяет признать электронные носители вещественными доказательствами. Таким образом, сами электронные носители информации относятся к «иным документам». Поэтому необходимо внести изменения в п. 3 ч. 1 ст. 81 и ч. 1 ст. 84 УПК РФ, которые позволят определить обстоятельства, предметы и документы, которые имплементируются в уголовное дело и процесс доказывания через вещественные доказательства или «иные документы». Изъятие самой информации, содержащейся на электронных носителях, должно быть оформлено в виде протокола в соответствии с правилами, указанными в ст. 166 УПК РФ, и тогда, соответственно, она будет относиться к таким доказательствам, как «иные документы».

Особая сложность возникает у следователя до возбуждения уголовного дела, когда необходимо изымать электронные носители информации. В законе при проверке сообщения о преступлении таких способов предусмотрено два: в ходе протокола изъятия в порядке ч. 1 ст. 144 УПК РФ или в ходе проведения осмотра места происшествия. В обоих случаях «электронный носитель информации, представляющий собой сложный аппаратно-программный комплекс, подлежит осмотру, как и любой другой предмет, в порядке ст. 176-180 УПК РФ. Отличие осмотра обычных предметов от осмотра электронных носителей информации заключается в том, что основная часть информации не может быть воспринята непосредственно человеком с помощью органов чувств, поэтому для этого используются специальные технические приспособления и программное обеспечение. Поэтому Н.Н. Федоров утверждает, что следует проводить не осмотр, а экспертизу электронного носителя информации» [14, с. 67].

Некоторые ученые-процессуалисты считают, что при осмотре электронных носителей информации в ходе проведения такого следственного действия, как осмотр места происшествия, требуется присутствие специалиста. Анализируя порядок проведения выемки и обыска, приходим к выводу, что главной целью при осмотре электронного носителя информации является просмотр самого содержания информации, хранящейся на нем, что возможно только в присутствии специалиста. Но в УПК РФ отсутствует требование, устанавливающее подобный порядок проведения осмотра места происшествия. Однако некоторые процессуалисты полагают, что в данном случае следует применять аналогию закона [8, с. 22]. Считаем, что это нецелесообразно, т.к., выезжая на осмотр места происшествия, лицо, производящее данное следственное действие, не может располагать такими сведениями, как необходимость наличия специалиста для изъятия электронных носителей информации. К примеру, при осмотре квартиры, откуда осуществлялся сбыт наркотических средств, кроме самих обнаруженных запрещенных средств, были также изъяты электронные носители информации (2 сотовых телефона, ноутбук) для того, чтобы получить информацию о соучастниках, производителях и других обстоятельствах, имеющих значение для расследования [13]. Осмотр производился без специалиста, т.к. перед осмотром следователю не было известно о том, что в ходе производства следственного действия возникнет необходимость изъятия электронных носителей информации. Следует отметить, что отсутствие специалиста при изъятии электронных носителей информации в ходе осмотра места происшествия, с одной стороны, ограничивает права граждан, а с другой – облегчает работу органам предварительного расследования в виде достаточной доказательственной базы для возбуждения уголовного дела и последующего его расследования [10, с. 255].

Кроме рассмотренных выше проблем, одной из немаловажных является наличие судебного разрешения на проведение следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан. В статье 23 Конституции РФ закреплено право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Соответственно, для того чтобы ограничить данное конституционное право граждан, необходимо судебное решение. В УПК РФ содержатся 3 следственных действия, при производстве которых по судебному решению данное право ограничивается. Однако есть изъятие электронных носителей информации в порядке ч. 1 ст. 144 УПК РФ, а равно информации с них, которое фактически ограничивает конституционное право граждан, закрепленное в ст. 23 Конституции РФ. В связи с этим интересна позиция Конституционного Суда РФ [12], согласно которой в ходе производства осмотра и экспертизы сотового телефона были нарушены права Д.А. Прозоровского на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных обращений, т.к. орган предварительного следствия получил возможность доступа к информации

о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами в ходе осмотра и производства экспертизы сотового телефона без судебного решения. Было установлено, что проведение осмотра и экспертизы с целью получения имеющей значение для уголовного дела информации, находящейся в электронной памяти абонентских устройств, которые были изъяты при проведении следственных действий в установленном законом порядке (в данном случае это проведение осмотра места происшествия, которое возможно до возбуждения уголовного дела), и в целях обнаружения следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, не предполагает вынесения судебного решения. Лица, которые считают, что проведенные следственные действия и принятые по ним процессуальные решения нарушают их конституционные права, вправе подать жалобу в суд в порядке, установленном ст. 125 УПК РФ.

Стоит заметить, что изъятие информации с электронных носителей рассматривается на этапе проверки сообщения о преступлении, что обязывает дознавателя, орган дознания, следователя или руководителя следственного органа успеть в течение 3 суток принять решение. Таким образом, изъятие электронных носителей при осмотре места происшествия до возбуждения уголовного дела при необходимости судебного решения буквально будет обязывать следователя приостановить производство осмотра. После этого следователю нужно будет: собрать необходимые материалы; утвердить ходатайство; обратиться с ним в суд; дождаться его рассмотрения. Соблюдая данный порядок, процесс принятия решения о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела будет затянут, что может привести к утрате важных для следствия доказательств [7, с. 59]. Законодатель не предусмотрел данный аспект, и поэтому на практике возникают проблемы, и адвокаты вместе с их доверителями подают жалобы в суд на нарушение конституционных прав, ссылаясь на то, что отсутствует судебное решение, и, как правило, данные жалобы не удовлетворяются. Следовательно, практика сформировала подход по проведению изъятия электронной информации до возбуждения уголовного дела без судебного разрешения.

Совершенствуя уголовно-процессуальное законодательство и введя ст. 164.1 УПК РФ, законодатель оставил без изменения проблемный аспект, касающийся изъятия электронных носителей информации в ходе предварительного расследования в присутствии специалиста, т.к. на практике не всегда имеется возможность его привлечь. Обобщение судебной практики и изучение мнений ученых по вопросу о необходимости привлечения специалиста в производство изъятия электронных носителей информации показали ее противоречивость. При одних и тех же обстоятельствах, т.е. при изъятии электронных носителей информации без специалиста, в одних случаях протоколы следственных действий были признаны недопустимыми доказательствами, а в других – допустимыми. Только в 10% случаев отсутствие специалиста было признано существенным нарушением производства следственных действий, протоколы которых были признаны недопустимыми доказательствами [11, с. 62].

Как правило, общие криминалистические знания и навыки работы с электронными носителями на уровне среднестатистического пользователя оказываются достаточными для того, чтобы следователь смог их изъять без специалиста. По мнению Ю.А. Андриенко, электронные носители информации, цифровые технологии достаточно давно вошли в жизнь человека, стали ее неотъемлемой частью, а некоторые сферы деятельности уже невозможно представить без них. Сложность, которая может возникнуть при изъятии электронных носителей, к примеру вероятность удаления информации, содержащейся на электронных носителях, из-за неправильного отключения от сети, очень мала и является частным случаем, поэтому неправильно распространять ее на общий порядок производства следственных действий [1, с. 102]. При этом судебная практика формируется при строгом и буквальном соблюдении процедуры, установленной законом, не допуская расширенного объема полномочий следователя при изъятии информации с электронных носителей. Например, Соликамский городской суд Пермского края в апелляционном постановлении от 17.10.2017 № 10-83/2017 признал в качестве недопустимого доказательства CD-диск, изъятый следователем в ходе производства выемки без специалиста [2].

В научном мире данная позиция не разделяется, неоднократно указывалось на нецелесообразность обязательного участия специалиста при изъятии электронного носителя информации. В свою очередь, С.В. Зуев приводит обобщенное мнение ученых, которые считают, «что для привлечения специалиста при производстве изъятия электронных носителей информации отсутствует техническая необходимость, хотя по закону это является обязательным» [7, с. 22-23]. С.В. Зуев считает, «что в данном случае необходимо шире использовать институт усмотрения следователя, который вправе самостоятельно определять ход расследования (п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ)» [6, с. 60]. Предлагаем внести изменения в ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ, где уточнить вопрос о привлечении следователем специалиста по своему усмотрению, что будет соответствовать общей норме, указанной в ст. 168 УПК РФ. И тогда следователь не будет ограничен тем, что для изъятия электронных носителей,

не требующих специальных знаний, необходимо обязательно привлекать специалиста, а в случаях, когда специальные знания будут действительно нужны, следователь сможет воспользоваться таким правом.

Исходя из проведенного анкетирования следователей и дознавателей Алтайского края и Кемеровской области, проходивших повышение квалификации в БЮИ МВД России, 70% опрошенных (35 из 50 человек) посчитали, что обязательное присутствие специалиста при изъятии электронных носителей информации в ходе следственных действий нецелесообразно, 30% (15 из 50 человек) выразили мнение, что специалист необходим.

Одним из проблемных аспектов при копировании информации с одного электронного носителя на другой является то, что, кроме специалиста, требуется наличие двух понятых, отсутствие которых позволяет стороне защиты обжаловать действия следователей при копировании с изъятых электронных носителей. Полагаем, что процесс копирования фиксируется объективно и не нуждается в удостоверении со стороны понятых. В УПК РФ содержится неоднозначная норма в ч. 1 ст. 170 УПК РФ, которая требует обязательного наличия понятых при копировании информации с электронных носителей, т.е. отсылка на ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ приводит к норме, которая утратила силу. В связи с этим полагаем, что использование понятых в данной ситуации необходимо считать альтернативным, т.е. при их отсутствии вполне законно будет применение средств фиксации – видеозаписи.

Проблемным вопросом остается исследование электронных носителей и информации с подключением к сети Интернет. Как отмечалось исследователями [9, с. 144] и подтверждено практическими примерами, существует два варианта развития событий.

В первом случае лицо, чей электронный носитель изъят, дает согласие на ознакомление с информацией из технического средства и сообщает все необходимые сведения (логины, пароли) для осуществления доступа. «При согласии лица в ГСУ ГУ МВД России по Алтайскому краю применяется практика производства следственного эксперимента с участием владельца электронного носителя информации» [1, с. 100]. В ходе проведения данного следственного действия такому лицу предоставляется принадлежащий ему электронный носитель информации, подключенный к сети Интернет, после чего ему предлагается произвести определенные действия, например те, которые лицо производило при работе в интернет-магазине, сбывавшем наркотические средства, или же он должен показать свои контакты, сообщения для того, чтобы вычислить лиц, причастных к совершению преступления. Исследование электронного носителя путем следственного эксперимента по своей природе наиболее соответствует описанному выше способу получения и исследования информации.

Во втором случае, который встречается чаще, лицо, которому принадлежит изъятый электронный носитель, отказывается предоставлять данные, необходимые для доступа. Выходом в этом случае представляется возможность в соответствии со ст. 165 УПК РФ получить судебное решение. В случаях, не терпящих отлагательств, возможно действовать без судебного решения, но с последующим уведомлением суда о проведенном следственном действии. Данные предложения основываются на том, что такие изменения позволили бы исключить нарушения права владельца изъятого электронного носителя информации на тайну переписки и иных сообщений.

Разногласия, возникающие на практике, касаются также того, в каком состоянии (выключенном или включенном) следует изымать электронный носитель информации. Н.А. Архипова отмечает, что «электронные устройства чаще всего изымаются в выключенном состоянии». В своей работе она дает рекомендации, согласно которым «в ходе осмотра места происшествия, осмотра помещений или участка местности, а также обыска и выемки устройство следует описать и сфотографировать во включенном состоянии, после чего отключить и изъять в выключенном состоянии. Данные действия позволят сохранить информацию, которая хранится в устройстве, от уничтожения» [3, с. 17]. Это связано с тем, что «современные устройства постоянно сопряжены с удаленными серверами и пользователь имеет возможность управлять находящейся в устройствах информацией – модифицировать ее, блокировать или уничтожать» [3, с. 17]. Г.В. Семенов дает противоположные рекомендации, указывая, что «в случае изъятия мобильного устройства не следует отключать его, так как при дальнейшем включении могут возникнуть проблемы с разблокировкой, которая необходима для работы мобильного устройства и соответственно исследования его содержимого» [14, с. 256]. Позиция Н.А. Архиповой эффективна, т.к. риск утраты информации в результате удаленного доступа пользователя гораздо выше, чем риск от возможного блокирования устройства при его выключении.

Таким образом, реализация предложений и усовершенствование уголовно-процессуального законодательства в вопросах, затрагивающих особенности изъятия электронных носителей информации и копирования их содержания при производстве следственных действий, помогут избежать ошибок в применении норм ст. 164.1 УПК РФ. При устранении всех проблемных вопросов конституционные права участников уголовного судопроизводства будут реализованы и защищены в соответствии с Конституцией РФ. Данное положение будет способствовать

уменьшению жалоб, получаемых судом, на действия следователя или дознавателя, а деятельность последних, в свою очередь, будет тщательно регламентирована. Реализация предложений поможет формировать достаточную доказательственную базу, не утрачивать доказательства, которые имеют значение для уголовного дела, и раскрывать преступления в наиболее короткие сроки.

Литература

1. Андриенко Ю.А. Отдельные аспекты использования информационных технологий и работы с электронными носителями информации в доказывании по уголовным делам: старший следователь по особо важным делам следственной части ГСУ ГУ МВД России по Алтайскому краю (г. Барнаул) // Дискуссионная трибуна соискателей ученых степеней и званий. 2018. № 3 (32).

2. Апелляционное постановление Соликамского городского суда № 10-83/2017 Пермского края от 17 октября 2017 г. URL: http:// sudact.ru (дата обращения: 24.01.2021).

3. Архипова Н.А. К вопросу об использовании возможностей средств мобильной связи в раскрытии и расследовании преступлений // Криминалистические чтения: сборник материалов. Барнаул: БЮИ МВД России, 2014. № 10. С. 16-17.

4. Вехов В.Б., Ковалев С.А. Особенности использования специальных знаний для получения доказательственной информации при исследовании электронных мобильных устройств // Судебная экспертиза. 2016. № 4 (48). С. 8-19.

5. Гаврилин Ю.В. Электронные носители информации в уголовном судопроизводстве // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4 (44). С. 45-50.

6. Зуев С.В. Осмотр и изъятие электронных носителей информации при проведении следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий // Законность. 2018. № 4 (1002). С. 58-60.

7. Зуев С.В. Электронное копирование информации – регламентация в УПК // Законность. 2013. № 8.

8. Карлов А.Л. Использование в доказывании по уголовным делам сведений, составляющих тайну связи, расположенных в сети Интернет // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2015. № 2 (19). С. 142-146.

9. Краснова Л.Б. Электронные носители информации как вещественные доказательства // Известия Тульского государственного университета. 2013. № 4-2.

10. Крюкова Т.С. Некоторые вопросы изъятия электронных носителей информации в ходе производства следственных действий: анализ судебной практики // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 4 (11). С. 61-63.

11. Луценко О.А. и др. Следственный осмотр. Понятие, виды и доказательственное значение: учебно-практическое пособие / отв. ред. О.А. Луценко. Элиста, 2007.

12. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Позоровского Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 176, 177 и 195 УПК РФ [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 25 января 2018 г. № 189. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

13. Приговор Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбурга (Свердловская область) № 1-327/2015 от 16 сентября 2015 г. по делу № 1-327/2015. URL: http:// sudact.ru (дата обращения: 24.01.2021).

14. Семенов Г.В. Расследование преступлений в сфере мобильных телекоммуникаций: монография. М.: Юрлитинформ, 2008.

15. Электронные документы. Общие положения: ГОСТ 2.051-2013. ЕСКД: введен приказом Росстандарта от 22 ноября 2013 г. № 1628-ст. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

Гражданско-правовые отношения

УДК 347.515.6
И.И. Алгазин, *канд. юрид. наук*
Сибирский юридический университет
E-mail: Igor_algazin@mail.ru;
Ю.Б. Лавров, *канд. юрид. наук*
Сибирский юридический университет
E-mail: y.b.lavrov@gmail.com

ОСНОВАНИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВЛАДЕЛЬЦА ИСТОЧНИКА ПОВЫШЕННОЙ ОПАСНОСТИ

В статье дается понятие обстоятельств непреодолимой силы, в т.ч. путем анализа основных критериев, закрепленных в действующем российском законодательстве. Авторы статьи ставят вопрос о возможности расширения перечня обстоятельств, освобождающих от ответственности в связи с причинением вреда в результате деятельности, представляющей повышенную опасность для окружающих.

Рассмотрены сложившиеся в правоприменительной практике позиции по исследуемому вопросу, в т.ч. примеры из судебной практики, проводится анализ мнений ученых в области гражданского права по изучаемым проблемам. В заключение приводятся предложения по разрешению возникающих проблем в связи с возможностью или невозможностью отнесения отдельных обстоятельств к основаниям освобождения от ответственности в связи с причинением вреда в результате деятельности, представляющей повышенную опасность для окружающих.

Ключевые слова: основания освобождения от ответственности, непреодолимая сила, источник повышенной опасности, умысел потерпевшего, грубая неосторожность потерпевшего, обязательства вследствие причинения вреда, деликтные обязательства.

I.I. Algazin, *Candidate of Juridical Sciences*
Siberian Law University
E-mail: Igor_algazin@mail.ru;
Yu.B. Lavrov, *Candidate of Juridical Sciences*
Siberian Law University
E-mail: y.b.lavrov@gmail.com

CONDITIONS OF RELEASE FROM LIABILITY OF THE OWNER SOURCE OF INCREASED DANGER

The authors of the article raise the question of the possibility of expanding the list of circumstances that exempt from liability in connection with causing harm as a result of activities that pose an increased danger to others.

Within the framework of this work, the positions that have developed in law enforcement practice on the issue under study, including examples from judicial practice, are analyzed, the opinions of scientists in the field of civil law on the issues under study are analyzed. The study concludes with proposals for resolving emerging problems in connection with the possibility or impossibility of attributing certain circumstances to the grounds for exemption from liability in connection with harm as a result of activities that pose an increased danger to others.

Key words: grounds for exemption from liability, force majeure, source of increased danger, intention of the victim, gross negligence of the victim, obligations due to harm, tort obligations.

Обладание и использование источника повышенной опасности налагает на его собственника или лицо, под контролем (управлением) которого такой источник находится, особые обязанности, связанные с возможными неблагоприятными последствиями эксплуатации. Действительно, некоторые объекты материального мира ввиду своей технической сложности требуют особого к ним отношения и навыков использования, а также повышенных мер социальной и юридической ответственности собственника (владельца). Однако в ряде случаев гражданско-правовые механизмы привлечения к ответственности владельца источника повышенной опасности могут быть применены без учета справедливости такой ответственности.

Давая оценку проблеме, связанной с деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих, О.А. Красавчиков отмечал, что «ответственность владельца источника повышенной опасности оказывается тем пробным камнем, на котором проверяется любая теория гражданско-правовой ответственности» [6, с. 118].

Одним из актуальных вопросов исследуемой темы является отсутствие единого подхода среди правоприменителей и ученых относительно отдельных оснований освобождения от ответственности владельца источника повышенной опасности вследствие причинения вреда деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих, что прослеживается при анализе судебной практики по разрешению споров, вытекающих из подобных деликтов.

Как верно отмечает в своем диссертационном исследовании В.Е. Суржиков, в области гражданско-правового регулирования ответственности за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность, необходимо также соблюдать определенный баланс.

Сбалансированный подход, по мнению ученого, позволит, с одной стороны, эффективно решать вопросы, связанные с возложением ответственности и возмещением вреда потерпевшим, особенно учитывая постоянное возрастание уровня аварийности и травматизма от деятельности, создающей повышенную опасность (например, от дорожно-транспортных происшествий), с другой – беспрепятственно осуществлять права человека и не ущемлять права владельцев источников за счет наступления повышенной ответственности по сравнению с иными физическими и юридическими лицами [13, с. 4].

В подтверждение сказанному отметим, что на сегодняшний день причиной дорожно-транспортных происшествий является порой не виновное поведение водителя транспортного средства, а иные факторы, в частности противоправное поведение иных участников дорожного движения, плохая дорожная инфраструктура и др.

Статьей 1079 Гражданского кодекса РФ устанавливаются основания освобождения от ответственности владельца источника повышенной опасности: возникновение вреда вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего, выбытие источника повышенной опасности из обладания в результате противоправных действий других лиц. В статье 1083 ГК РФ закреплено еще одно основание освобождения от ответственности владельца источника повышенной опасности. Так, при грубой неосторожности потерпевшего и отсутствии вины причинителя вреда в возмещении вреда может быть отказано, если вред причинен имуществу потерпевшего.

Применение на практике указанных положений закона говорит об отсутствии единых подходов у судебных инстанций к пониманию указанных выше оснований, в связи с чем считаем, что перечень таких оснований требует уточнения.

Так, в судебной практике встречаются случаи, когда в результате деятельности, представляющей повышенную опасность для окружающих, причиняется вред вследствие действий третьих лиц.

Проиллюстрируем это следующим примером. Пешеход двигается по тротуару в непосредственной близости от проезжей части, и третье лицо (прохожий) толкает данного пешехода на проезжую часть. Водитель, проезжающий в непосредственной близости от тротуара в силу внезапности случившегося не успевает вовремя среагировать, увернуть, затормозить и тем самым, совершая наезд, причиняет вред здоровью пешехода.

Личность третьего лица может быть не установлена, либо сам потерпевший не может пояснить, каким образом он попал под колеса автомобиля (амнезия, невменяемость, кома и др.). Потерпевший, понимая, что взыскать с третьих лиц, из-за действий которых, собственно, и произошел инцидент, компенсацию за причиненный вред будет достаточно сложно (особенно если личность третьего лица неизвестна потерпевшему), в качестве ответчика привлечет владельца автомобиля, поскольку тот как владелец источника повышенной опасности при причинении вреда здоровью отвечать будет в любом случае, т.к. его ответственность наступает независимо от вины. Исключение составляют лишь те ситуации, когда имеются основания освобождения от ответственности владельца источника повышенной опасности.

Будем считать, что вины водителя в причинении вреда нет. Тем не менее вред согласно ст. 1079 ГК РФ он должен возмещать, т.к. ни одно из оснований освобождения от ответственности владельца источника повышенной опасности здесь не применяется. На первый взгляд это представляется именно так.

Тем не менее, несмотря, казалось бы, на отсутствие в этой ситуации основания освобождения от ответственности владельца источника повышенной опасности, проанализируем имеющиеся основания в ст. 1079 ГК РФ для того, чтобы однозначно в этом удостовериться. Может быть, следует действия третьих лиц в указанной ситуации рассматривать как обстоятельства непреодолимой силы? Попробуем выяснить это путем выявления ее сущностных признаков.

Поскольку непреодолимая сила освобождает от ответственности без вины и «ограничивает» ее применение, определение признаков непреодолимой силы необходимо для того, чтобы определить саму сферу применения ответственности без вины [12, с. 93].

Итак, непреодолимая сила выступает общим основанием освобождения от ответственности для всех обязательств вследствие причинения вреда. По мнению О.С. Иоффе, ответственность владельца источника повышенной опасности при непреодолимой силе исключается ввиду особого характера ситуации, в условиях которой вред наступил [5, с. 195].

Приведенный в качестве примера случай, на наш взгляд, как раз можно отнести к таким особым ситуациям. Для водителя внезапное падение человека под колеса в том месте дороги, где этого не могло произойти, чего он не мог предвидеть, будет являться особым, нетипичным случаем.

Е.А. Павлодский считает, что «предусматривая ответственность за пределами вины, законодатель требует от участников гражданского оборота учитывать в своей производственной деятельности возможность наступления случайных обстоятельств (знание необходимости позволяет предусмотреть, в каких случайностях она может проявиться). Речь идет лишь о так называемых внутренних случайностях, типичных для данной деятельности» [9, с. 77].

Типичным в деятельности водителя во время поездки может быть противоправное поведение пешехода на опасных участках дороги, где ими периодически нарушаются правила дорожного движения (когда пешеход перебегает перекресток в неположенном месте либо на красный свет, едет на велосипеде по пешеходному переходу и др.).

Определение понятия «непреодолимая сила» вытекает из п. 3 ст. 401 ГК РФ, согласно которому лицо, не исполнившее или ненадлежащим образом исполнившее обязательство при осуществлении предпринимательской деятельности, несет ответственность, если не докажет, что надлежащее исполнение оказалось невозможным вследствие непреодолимой силы, т.е. чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельствах.

Несмотря на наличие законодательно закрепленного определения рассматриваемого понятия, его содержание остается дискуссионным. Это обусловлено, с одной стороны, нетипичностью каждой конкретной ситуации, в которой проявляются обстоятельства непреодолимой силы, с другой стороны, разнообразием самих явлений, которые можно отнести к указанным обстоятельствам. Кроме того, позволим себе предположить, что, формулируя положения ст. 401 ГК РФ, законодатель больше ориентировался на договорные обязательства. В деликтных обязательствах имеется своя специфика, которая требует своего учета при применении норм о непреодолимой силе.

Определяя содержание этого понятия, следует избегать, на наш взгляд, слишком широкого толкования непреодолимой силы, в результате чего происходит фактическое сужение ответственности владельца источника повышенной опасности, а также понимать, что сужение пределов данного понятия ведет к обратному – расширению ответственности владельцев источников повышенной опасности.

Необходимо отметить, что в силу п. 3 ст. 401 ГК непреодолимой силой признается обстоятельство, а не событие, как было в ранее действовавшем законодательстве.

В теории непреодолимой силы под чрезвычайными обстоятельствами понимаются как события, так и действия, но только такие, какие являются исключительными, мощными, из ряда вон выходящими.

Таким образом, в качестве непреодолимой силы могут рассматриваться и такие юридические факты, как действия.

Очевидно, что произошло расширение границ понятия. Поэтому к непреодолимой силе можно отнести:

1) события: природные катаклизмы (стихийные бедствия), техногенные и технические катастрофы, экологические катастрофы и др.;

2) действия: забастовки, акции протеста, военные действия, противоправные действия третьих лиц.

Так, В.Т. Смирнов и А.А. Собчак указывали, что «непреодолимой силой могут считаться и обстоятельства общественного (эпидемии, военные действия) характера» [12, с. 94].

В.М. Болдинов относит к обстоятельствам непреодолимой силы гражданские волнения, военные действия и иные подобные обстоятельства общественного характера [1, с. 14].

В качестве аргумента он приводит пример про авиабомбы или крылатые ракеты, которые иногда залетают и в нейтральные страны и якобы способны причинить огромный вред вследствие попадания, например, в нефтехранилища. В данном случае, пишет автор, будет налицо причинение вреда окружающим вредоносными свойствами источника повышенной опасности при способствующем воздействии непре-

одолимой силы. Это воздействие, по сути, не отличается от воздействия природных сил, например молнии [2, с. 125].

Это утверждение, по мнению Н.М. Головина, спорно, поскольку в примере, сконструированном В.М. Болдиновым, вред, как считает ученый, возникает на основании юридического факта – противоправных виновных действий третьего лица – агента вражеской авиации, а не вредоносных свойств опасного объекта (в данном случае находящейся в хранилище нефти). То есть источник повышенной опасности выводится из числа причин, вызвавших наступление вреда, теряя тем самым самостоятельное необходимое значение. В анализируемом деле непринципиально, попали бомбы, скажем, в библиотеку или в нефтехранилище, в любом случае вред причиняется действиями третьего лица, а не вследствие воздействия вредоносных свойств источника повышенной опасности, и каким-либо образом квалифицировать деликт по ст. 1079 ГК РФ здесь не требуется [4, с. 125]. Критика приведенного примера, на наш взгляд, вполне обоснована.

Считаем, что квалифицировать деликт по ст. 1079 ГК РФ не требуется и в тех ситуациях, когда на деятельность водителя по эксплуатации транспортного средства оказывают влияние противоправные действия третьего лица (пешехода, нарушающего правила дорожного движения и внезапно выбегающего на дорогу в неположенном месте), в результате чего он, избегая столкновения, причиняет вред жизни и здоровью случайным прохожим. Результаты изучения судебной практики подтверждают, что действия пешехода в подобных случаях суды не относят к непреодолимой силе. Как раз признак непредотвратимости здесь и отсутствует. В этой ситуации усматривается иное основание, при котором водитель может быть освобожден от ответственности, – обстоятельство крайней необходимости.

Так, в рассматриваемом в 2000 г. судом деле дорожно-транспортное происшествие произошло из-за того, что в нарушение правил дорожного движения на проезжую часть выбежал пешеход, создав помеху для движения автомобиля КАМАЗ. Водитель КАМАЗа во избежание наезда на пешехода выехал на полосу встречного движения, где и произошло столкновение с автомобилем ВАЗ-2108. Суд отклонил довод ответчика о том, что для водителя автомобиля ВАЗ-2108 выезд на встречную полосу движения автомобиля КАМАЗ, вызванный неправомерным поведением пешехода, может быть расценен как непреодолимая сила. Суд указал, что действия пешехода и действия водителя транспортного средства не являются непреодолимой силой [10].

Несмотря на то что «непреодолимая сила причинно не связана с повышенно опасной деятельностью… закон, однако, требует, чтобы непреодолимая сила была предопределяющей причиной вреда» [11, с. 32].

В форме таковой она может выступать в двух случаях: «1) источник… является посредствующим звеном, причиняющее воздействие которого вызывается воздействием события непреодолимой силы (пример: ураганный ветер повредил высоковольтную линию электропередачи, что послужило причиной гибели людей); 2) при поражении действием непреодолимой силы обслуживающего источник повышенной опасности персонала (машинист поезда погибает от удара молнии)» [12, с. 98].

Существует подход, согласно которому непреодолимую силу как основание освобождения от ответственности владельцев источников повышенной опасности следует понимать иначе, чем в области договорной ответственности, относя к ней лишь обстоятельства природного характера, т.к. лишь они могут вызвать вредоносное воздействие повышенно опасных свойств источника [4, с. 17].

Стоит отметить, что Н.М. Головин не первый среди исследователей непреодолимой силы обращает внимание на специфику понятия непреодолимой силы как основания освобождения от ответственности владельца источника повышенной опасности.

В частности, О.А. Красавчиков определял непреодолимую силу как «объективно-случайное, причинно не связанное с действиями владельца источника повышенной опасности и в силу этого им непредотвратимое обстоятельство, являющееся следствием тех или других явлений природы» [6, с. 180].

Прежде чем обозначить свою позицию по данному вопросу, проанализируем подход Верховного Суда РФ, который изложен в п. 8 Постановления Пленума от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» (далее – Постановление Пленума № 7), где указывается, что для признания обстоятельства непреодолимой силой необходимо, чтобы оно носило чрезвычайный и непредотвратимый характер [8].

Непредотвратимость характеризует неподконтрольность человеку действия непреодолимой силы и невозможность остановить, ликвидировать ее действие при данных конкретных условиях. Лицо не знает о конкретном месте, времени наступления обстоятельств непреодолимой силы, а также о ее характере и особенностях. К тому же Верховный Суд РФ в п. 8 Постановления Пленума № 7 разъясняет, что обстоятельство признается непредотвратимым, если любой участник гражданского оборота, осуществляющий аналогичную деятельность, не мог бы избежать наступления этого обстоятельства или его последствий [8].

Чрезвычайность состоит в экстраординарных изменениях, происходящих в природе и обществе, приводящих к переменам в общественных отношениях. Чрезвычайность также можно толковать как нетипичность самого обстоятельства или его последствий. Непреодолимая сила, по верному замечанию Е.А. Павлодского, – «столь чрезвычайное явление, что, даже будучи предвидимой, не может быть предотвращена» [9, с. 77].

Отсутствие одного из признаков непреодолимой силы (чрезвычайность, непредотвратимость) приводит к невозможности освобождения лица от гражданско-правовой ответственности.

В описанном нами в самом начале статьи случае можно вести речь о наличии обоих указанных признаков. Ведь водитель не знает о конкретном месте, времени наступления противоправного акта, а также о его характере и особенностях. Невозможно предвидеть, что некое лицо может толкнуть под колеса автомашины человека. Можно говорить и о нетипичности указанной ситуации. Сомнительно, что каждый день кто-то кого-то умышленно толкает под колеса.

Мы понимаем, что природный катаклизм не идет ни в какое сравнение с умышленными действиями конкретного человека. Тем не менее если рассматривать признаки непреодолимой силы сквозь призму описанной нами ситуации, то получается, что противоправные действия, послужившие основой причинения вреда в результате деятельности, представляющей повышенную опасность для окружающих, вполне можно отнести к действию непреодолимой силы[1].

Пожалуй, наиболее полный учет всех рассматриваемых в литературе признаков непреодолимой силы содержит, на наш взгляд, следующее определение: непреодолимая сила – это внешнее неотвратимо наступившее чрезвычайное (независимо от предвидения) при данных условиях обстоятельство, последствия которого делают исполнение договорного обязательства абсолютно невозможным либо своим воздействием вызывают причинение вреда независимо от деятельности лица. Ссылка на обстоятельства непреодолимой силы не допускается, если их последствия не были предупреждены и (или) ликвидированы вследствие непринятия лицом всех возможных для него и для других лиц, похожих по роду и условиям деятельности мер заботливости и осмотрительности [3].

Таким образом, представляется, что не стоит ограничиваться узким подходом при установлении наличия обстоятельств непреодолимой силы в ситуации причинения вреда источником повышенной опасности, т.к. это может привести к наступлению ответственности владельца источника повышенной опасности там, где ее быть не должно.

Вторым основанием для освобождения от гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности, выступает умысел потерпевшего лица, который в соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» следует рассматривать как противоправное поведение, при котором потерпевший не только предвидит, но и желает или сознательно допускает наступление негативного результата (например, суицид) [7].

Если законодатель посчитал наличие умысла потерпевшего основанием для освобождения от гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности, то логично, что к таковому можно отнести умышленные действия третьих лиц, по причине которых возник деликт с участием владельца источника повышенной опасности. Ведь могло случиться так, что его довели до самоубийства, т.е. психологически «толкнули» под колеса машины. Фактически здесь речь идет о тех же противоправных действиях третьих лиц, только опосредованно влияющих на причинение вреда источником повышенной опасности.

В некоторых случаях, в частности, когда вред причинен имуществу, владелец источника повышенной опасности также может быть освобожден от ответственности при наличии грубой неосторожности потерпевшего.

В судебной практике грубой неосторожностью потерпевшего признается переход проезжей части вне пешеходного перехода, выход на проезжую часть в состоянии сильного алкогольного опьянения, добровольно совершенная поездка в автомобиле с водителем, заведомо находящимся в состоянии алкогольного опьянения, передвижение пешехода по проезжей части в темной одежде в условиях недостаточной видимости, создание помех для движения транспортных средств и др.

Бывают ситуации, когда в дорожно-транспортном происшествии виноваты не водитель, не потерпевший, а лица, которые причастны к созданию аварийной ситуации на дороге (иные участники дорожного движения), как в описанном нами случае с КАМАЗом.

Для таких случаев М.С. Шатан предлагает предусмотреть такое условие освобождения от ответственности, как виновное создание иными лицами ситуации причинения вреда источником повышенной опасности [14], что, на наш взгляд, вполне справедливо.

[1] В силу ограниченного объема статьи мы не проводим здесь более обстоятельной аргументации представленной нами точки зрения.

Фактически деятельность самого пешехода, нарушающего правила дорожного движения, тем самым действующего противоправно, можно рассматривать как деятельность, представляющую повышенную опасность для окружающих. Именно его поведение на дороге может быть непосредственной причиной возникновения вреда.

Как считает К.Б. Ярошенко, «было бы правильным закрепить норму об ответственности любых лиц, виновных в создании повышенной вероятности причинения вреда при использовании опасных объектов» [15, с. 48].

Указанные авторы, хоть и упоминают про вину третьих лиц, но только лишь в создании ситуации, т.е. условий причинения вреда. В нашем же примере умышленные противоправные действия являются непосредственной первоосновой причинения вреда. При этом вред жизни и здоровью потерпевшему от умышленных действий (толчка) мог быть причинен и другими объектами, не относящимися к источнику повышенной опасности. Это, например, могла быть бегущая толпа людей, животных, под ноги или, соответственно, копыта которых мог попасть лежащий на дороге человек.

Еще одним условием, при котором лицо, владеющее источником повышенной опасности, освобождается от ответственности, является выбытие источника повышенной опасности из его обладания вследствие совершения противоправных действий третьими лицами, например при угоне. В таких случаях ответственность лиц, фактически владевших источником повышенной опасности, определяется по правилам ст. 1079 ГК РФ.

При возложении ответственности за вред, причиненный транспортным средством, на лицо, управлявшее автомобилем без законных оснований, необходимо выяснить обстоятельства, при которых произошло выбытие автомобиля из обладания законного владельца, и исходить из положений п. 2 ст. 1079 ГК РФ.

Таким образом, считаем, что не только выбытие источника повышенной опасности из обладания вследствие совершения противоправных действий третьими лицами следует относить к основаниям освобождения владельца источника повышенной опасности от ответственности, но и иные противоправные действия третьих лиц, в результате которых причиняется вред источником повышенной опасности.

При этом действия третьих лиц, которых возможно идентифицировать как инициаторов причинения вреда источником повышенной опасности, следует квалифицировать как отдельное основание освобождения от ответственности владельца такого источника. Напротив, действия третьих лиц, идентификация которых поименно как субъектов гражданско-правовой ответственности невозможна или крайне затруднительна (как в случае с массовым скоплением граждан), целесообразно относить к непреодолимой силе, освобождающей владельца источника повышенной опасности от ответственности. В этой связи необходимо внести соответствующие изменения в п. 2 ст. 1079 ГК РФ.

Подобный подход, по нашему мнению, в большей степени отвечает принципу справедливости юридической ответственности, на котором должна строиться система права в целом.

Литература

1. Болдинов В.М. Ответственность за причинение вреда источником повышенной опасности: автореф. дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2000. 25 с.

2. Болдинов В.М. Ответственность за причинение вреда источником повышенной опасности. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2002. 372 с.

3. Боуш К.С. Правовые аспекты соотношения юридической и гражданско-правовой ответственности // Современные тенденции в фундаментальных и прикладных исследованиях: мат-лы международной заочной научно-практ. конф-ции (г. Рязань, 27 февраля 2015 г.). Рязань, 2015. С. 79-80.

4. Головин Н.М. Феномен непреодолимой силы: цивилистическое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. 200 с.

5. Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву. Л.: Изд-во ЛГУ, 1955. 310 с.

6. Красавчиков О.А. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. М.: Юрид. лит., 1966. 200 с.

7. О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Павлодский Е.А. Избранное / сост. Ю.Н. Кашеварова, М.Л. Шелютто. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2010. 160 с.

10. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 1 ноября 2000 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

11. Рясенцев В., Субботин А. Условия освобождения от возмещения вреда, причиненного источником повышенной опасности // Социалистическая законность. 1983. № 3. С. 32-34.

12. Смирнов В.Т., Собчак А.А. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве. Л., 1983. 152 с.

13. Суржиков В.Е. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 195 с.

14. Шатан М.С. Освобождение от гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности // Аллея Науки. 2019. № 2 (29). URL: Alley-science.ru.

15. Ярошенко К.Б. Защита граждан, пострадавших в результате дорожно-транспортных происшествий (состояние законодательства и перспективы его совершенствования) // Журнал российского права. 2015. № 12. С. 39-48.

УДК 347.4:339.187.62
В.Н. Гаврилов, *канд. юрид. наук, доцент*
Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: vladimirrgavrilov@rambler.ru;
М.Д. Баженова
Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: mari.bazh3nova@yandex.ru;
А.И. Селютина
Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: nassel2627@gmail.com

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДОГОВОРА ЛИЗИНГА В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

В работе проанализированы вопросы формирования и развития лизинговых отношений в Российской Федерации, даны определения лизинга, классификация его форм, видов субъектов, их права и обязанности. Проведен анализ лизинговых отношений на международном уровне, выявлены плюсы и минусы лизинга как в России, так и в ряде зарубежных стран (Германии, США, Японии). В результате проведенного анализа обосновывается необходимость возвращения лизингового лицензирования, т.к. данная процедура позволит минимизировать беззаконие проводимых лизинговых сделок. Предложено законодательно урегулировать отказ от возвратного лизинга, т.к. в его конструкции заложен механизм злоупотребления правом в сфере финансовых операций, что является основанием для признания недействительности заключаемых сделок. Авторами поддержана позиция о двусторонней природе лизинга как сделки.

Ключевые слова: собственность, лизинг, лизинговые платежи, лизингодатель, лизингополучатель, субъекты предпринимательства, договор лизинга, имущественные права.

V.N. Gavrilov, *Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor*
Saratov State Law Academy
E-mail: vladimirrgavrilov@rambler.ru;
M.D. Bazhenova
Saratov State Law Academy
E-mail: mari.bazh3nova@yandex.ru;
A.I. Selyutina
Saratov State Law Academy
E-mail: nassel2627@gmail.com

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE LEASE AGREEMENT IN RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES

The formation and development of leasing relations in the Russian Federation are analyzed in the research. The leasing definitions, the classification of its forms, the concepts of subjects, their rights and obligations are given. The analysis of leasing relations at the international level is carried out, the pros and cons of leasing both in Russia and in number of foreign countries (Germany, the USA, Japan) are revealed. The purpose of the work is to analyze leasing and develop proposals for improving legislation for the successful development of the leasing business with minimization of risks for the subjects of the agreement or their complete absence in the future. As a result of the research work, the necessity of leasing licensing returning is proved, as the procedure cam enable to minimize a lawlessness of leasing deals. Moreover, not only the subject but the term of the contract and its price as the essential conditions of the lease agreement are considered. The regulation of the refusal of a leaseback is suggested as there is a mechanism of abuse of rights in the sphere of financial operations (what is a basis to invalidate contracts) in its structure. The position of leasing as a bilateral deal is endorsed by the authors.

Key words: property, leasing, lease payments, lessor, lessee, business entities, lease agreement, property rights.

На сегодняшний день в кризисной ситуации находится не только Российская Федерация, но и население всех государств мира, виной чему стали посткризисные условия, которые коснулись абсолютно всех – пандемия коронавирусной инфекции COVID-2019. Это отразилось главным образом на предпринимательской деятельности: закрытие предприятий и производств, мест массового досуга граждан и приостановление их работы, сокращение рабочих мест, переход на дистанционный формат работы. Общеизвестно, что именно в такое тяжелое для экономики время получение банковских кредитов весьма затруднительно. Однако выходом из таких ситуаций как раз и является лизинг как наиболее удобное средство развития в сфере предпринимательства, т.к. с помощью этого механизма происходит внедрение в производство передовых технологий, обновление оборудования и техники либо расширение производства путем увеличения количества используемой в производстве аппаратуры.

Слово «лизинг», в переводе с английского языка означает «сдавать в аренду», т.е. его главная цель – путем кредитований приобрести для субъектов предпринимательства основные фонды, самыми распространенными из которых являются легковые автомобили, спецтехника, водный, железнодорожный виды транспорта, станки и т.п. Он широко распространен за рубежом и сейчас получил развитие в России [4].

Договор лизинга заключается на определенный срок, в течение которого потребитель обязан уплатить не только стоимость приобретаемого для него имущества, но и вознаграждение лизинговой компании, после чего имущество полностью переходит в собственность данного лица [2, с. 584].

Преимущество лизинга – сочетание долгосрочной аренды и финансового кредита, но в отличие от последнего лизинг не требует залога, а рассрочка на длительный период позволяет снизить размеры выплат по договору и свободно распоряжаться имуществом, являющимся предметом договора.

Федеральный закон от 29 октября 1998 г. № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)» (далее – ФЗ «О лизинге») в своих положениях определяет лизинг как инвестиционные отношения в виде своеобразной триады, в состав которой входят три группы субъектов: первая – поставщик или производитель; вторая – инвестор или лизингодатель; третья – пользователь или, соответственно, лизингополучатель.

Между учеными возникают споры относительно состава сторон договора лизинга: это двусторонняя или многосторонняя сделка? Ряд учёных, высказывают свое мнение относительно того, что договор является многосторонней (трехсторонней) сделкой. Например, И.А. Решетник придерживается точки зрения, согласно которой договор лизинга носит трехсторонний характер, т.к. одна из сторон – лизингополучатель – в связи с невозможностью приобретения имущества из-за недостаточности финансовых средств обращается к другой стороне – лизингодателю – с просьбой приобретения необходимого оборудования у третьей стороны – продавца – и предоставления данного оборудования лизингополучателю. В данном случае «речь идет о системе имущественных отношений, возникающих в связи с приобретением лизингодателем в собственность указанного лизингополучателем имущества у определенного продавца и последующим предоставлением этого имущества во временное владение и пользование за определенную плату» [12]. Е.В. Кабатова, рассматривая трехстороннюю природу договора лизинга, обращает внимание на существование тесной взаимосвязи сторон [6]. Данная позиция базируется на Оттавской конвенции о международном финансовом лизинге 1988 г., в ней подчеркивается центральное место пользователя (лизингополучателя) в трехсторонней лизинговой сделке.

Обратной точки зрения придерживается А.А. Иванов, в своих научных трудах он выражает позицию, согласно которой договор лизинга – двусторонняя сделка, имеющая неразрывную связь с договором купли-продажи арендованного имущества. Следует отметить, что участники этих договоров не имеют одновременного воплощения обязанностей и прав, что является ключевым для определения многосторонности сделки.

Проанализировав мнения ученых, можно сделать вывод о том, что позиция, которая рассматривает договор лизинга как двустороннюю сделку, представляется более точной.

Предметом лизинга являются все вещи, не находящиеся в потреблении, используемые в целях предпринимательства [9]. К основным формам лизинга относятся: внутренний и международный лизинг, а также выделяют сублизинг. Ряд ученых выделяют классификацию лизинговых отношений в зависимости от видов по признаку окупаемости – финансовый, операционный и возвратный лизинг [2, с. 583]. Наиболее распространенным видом лизинговых отношений в Российской Федерации является финансовый лизинг, где субъектный состав представлен лизинговой организацией, поставщиком и лизингополучателем. Сегодня на рынке нашей страны операционный лизинг практически отсутствует, потому что он представлен лишь одной категорией – лизингом легковых автомобилей, и то очень неуверенно, т.к. сущность данного вида лизинга противоречит национальному законодательству о специальном приобретении имущества в лизинг в целях передачи его заинтересованному лицу [3, с. 85].

Третий вид лизинга предполагает сочетание в одном лице лизингополучателя и поставщика. Данный вид носит название возвратного лизинга, при заключении которого организация-собственник передает свое имущество в собственность лизинговой фирме и сразу же берет его в лизинг, получая при этом право владения и пользования имуществом. В чем суть, а главное преимущество данного договора? Возвратный лизинг позволяет на длительное время приобрести для развития своей деятельности оборотные средства, используя при этом налоговые льготы и иные преимущества.

Что касается зарубежного рынка лизинга, то нам следует обратить свое внимание на зарубежные страны, где у каждого государства степень развитости экономики своя, отсюда урегулированность нормативными актами понятия лизинга и в целом такого явления, как лизинг, находится на разном уровне. Существенные различия в урегулировании на законодательном уровне лизинговых отношений породило идею об унификации правил, регламентирующих их, а это в дальнейшем привело к разработке и подписанию 28.05.1988 в рамках Международного института по унификации частного права УНИДРУА экономически важного документа – Конвенции о международном финансовом лизинге, которую ратифицировали в 20 государствах, Россия также является одной из стран-участниц [11]. В ней содержатся такие общие положения о лизинге, как понятие, его основные характеристики, характеристики заключаемого сторонами договора. Эти правила регулируют международные договоры лизинга, в которых заинтересованное лицо (лизингополучатель), в ходе своих действий контролирует процесс приобретения предмета лизинга лизингодателем. Предмет лизинга приобретается лизингодателем в связи с договором лизинга и известен лизингодателю, вследствие чего цена аренды высчитывается таким образом, чтобы включать всю или существенную часть цены предмета лизинга. Основная идея Конвенции – урегулирование со стороны экономики и юриспруденции трехсторонних отношений между субъектами лизинга в сфере международного права и придание, таким образом, стабильного положения развивающегося рынка лизинговых услуг [6].

Говоря о мировом опыте лизинга в зарубежных странах, следует отметить ряд государств с наиболее высоким уровнем его развитости. Например, в Германии основным условием заключения лизингового договора является то, что обычный срок службы предмета сделки должен быть практически идентичным сроку действия договора лизинга, иначе сделка заключена не будет. Также немаловажным фактором является невозможность расторжения договора лизинга в течение срока его действия.

В Голландии ситуация аналогична Германии в части невозможности расторжения договора и внесения платежей, где их соотношение происходит по следующей схеме: цена покупки плюс прибыль лизингополучателя.

В Соединенных Штатах Америки операция соответствует условиям финансового лизинга только тогда, когда лизингодатель вносит в имущество не менее 20% его стоимости, общая длительность лизинга не превышает 80% срока службы оборудования, а остаток по стоимости в конце срока действия сделки – не менее 20% от первоначальной суммы [1, с. 358]. Что касается законодательного закрепления данной процедуры, то не существует прямой зависимости между успехом распространения лизингового бизнеса и уровнем его законодательного регулирования [4, с. 41].

Общеизвестно, что Япония является одной из самых прогрессирующих во всех направлениях государств, и в направлении лизинга она находится сегодня на втором месте после Америки по количеству производимых лизинговых операций. Такой договор, как лизинг, Японии очень выгоден, ведь ею выбран достаточно удобный налоговый режим, ориентированный на экспорт льгот из одного государства в другое. Срок лизинга строго фиксированный, а общая сумма платежей равна общим затратам на покупку оборудования, которое сдано в лизинг. Но, как и в случае с Германией и Голландией, расторжение договора в течение срока его действия не представляется возможным.

Следует отметить, что система лизинговых отношений несовершенна, отсюда и огромное количество плюсов и минусов, некоторые из которых будут рассмотрены в рамках данной научной статьи.

Первый основной минус лизинга некоторых зарубежных стран – его недоступность для физических лиц. Только юридические лица имеют право на заключение сделки с лизинговой компанией. Российская Федерация, напротив, предусматривает лизинг для физических лиц, ранее было сказано про лизинг легковых автомобилей. Существует такое явление, как невозможность расторжения договора в течение срока его действия, как, например, в Германии, Голландии и ряде других государств. В России же в пункте втором статьи 13 вышеупомянутого ФЗ, наоборот, данное положение предусмотрено, но расторжение договора досрочно происходит только по инициативе лизингодателя, а все расходы несет лизингополучатель, что, несомненно, является минусом.

Огромным плюсом, на наш взгляд, является право выбора заинтересованным лицом лизинговой организации, но в некоторых регионах нашей страны свою деятельность осуществляет лишь небольшое количество лизинговых организаций, а их условия

могут оказаться далеко не всегда выгодными для заинтересованных субъектов. Обратить данную проблему в плюс несложно: ряд лизинговых компаний работает со своими клиентами из любой точки Российской Федерации, что представляется достаточно удобным. Следовательно, вывод следующий: лизинг сегодня имеет огромную популярность, но слаженно (из-за ряда проблем, в большинстве своем решаемых) механизм пока еще не работает [5, с. 5].

26 февраля 1996 г. было принято Постановление Правительства Российской Федерации № 167 «Об утверждении Положения о лицензировании лизинговой деятельности в Российской Федерации», по которому на территории страны была введена обязательная процедура лицензирования организаций на осуществление ими лизинговых услуг [10]. Позднее оно было упразднено, т.к. указанное постановление Правительства утратило свою силу, что также отразилось в ранее упомянутом федеральном законе, где шестая статья, регламентирующая лицензирование лизинговой деятельности, была исключена. Данные действия были совершены в целях стимулирования развития предпринимательства [9]. Но в связи с отменой получения лицензий на осуществление данного вида деятельности прозрачность и качество предоставляемых услуг лизинговыми компаниями при заключении ими договоров снизились, а у клиентов данных организаций теперь существуют определенные риски. Исходя из изложенного, необходимо вернуть лизинговое лицензирование, что позволит снизить криминализацию проводимых лизинговых сделок.

В сложившихся условиях кризиса в сфере экономики нами также предлагается расширить сферы использования лизинга через закрепление в положениях ФЗ «О лизинге» права на применение объекта лизинга в личных целях (помимо лизинга легкового автотранспорта), а не только в целях предпринимательства.

Затем на законодательном уровне необходимо урегулировать отказ от возвратного лизинга (хотя среди ученых существует противоположное мнение [6, с. 10]), где заинтересованное в получении имущества лицо является также поставщиком оборудования, ведь лизингодатель – посредник при проведении сделки в операции в сфере финансов одного и того же субъекта предпринимательской деятельности. При проведении возвратного лизинга лизингодатель может «прикрыть» любую иную сделку, в результате чего происходит неоднократный оборот финансов, а техника подлежит списанию по механизму ускоренной амортизации. На основе вышеизложенного можно сделать вывод о том, что в конструкции возвратного лизинга уже заложен механизм злоупотребления правом, что является основанием для признания заключаемых сделок недействительными.

При заключении договора к основным его условиям следует относить не только предмет (о чем указано в п. 3 ст. 15 ФЗ «О лизинге»), но и срок его действия и цену, которая сочетает в себе лизинговые платежи и выкупную цену предмета лизинга. Цена договора обязана включать в себя не только доход и возмещение затрат лизингодателя, связанные с приобретением и передачей оборудования лизингополучателю лизингодателем, возмещение затрат при оказании иных услуг (например, транспортировки), но и такое условие, как выкупная цена предмета лизинговой сделки. На основе вышеизложенного право собственности на предмет лизинга переходит только после уплаты заинтересованным субъектом всех платежей по лизингу и выкупной цены оборудования. Срок действия сделки должен быть определен при заключении договора и быть указанным, т.к. он, как уже ранее было отмечено, определяется в большинстве своем сроками полной амортизации лизингового оборудования, а также выступает как коэффициент для расчета платежей по лизингу.

Подводя общий итог, следует отметить, что лизинг является одним из самых популярных договоров на международном уровне и достаточно прогрессирующим в России. Ежегодно спрос на данный договор только растет, а при рассмотрении и принятии решений компетентными государственными органами по возникающим проблемам в данной сфере более детальное урегулирование отдельных положений в законе и защита субъектов лизинговых отношений позволят вывести лизинг в нашей стране в один ряд с кредитованием банками. Международный опыт указывает нам на то, что позитивное изменение лизингового бизнеса через его развитие представляется возможным только с помощью эффективной поддержки государства и никаким иным образом.

Литература

1. Афанасьева Н.Д. Развитие лизинга в зарубежных странах // Молодой ученый. 2020. № 23 (313). С. 356-360. URL: https://moluch.ru/archive/313/71124/ (дата обращения: 07.12.2020).

2. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга вторая: Договоры о передаче имущества. М., 2000. 800 с.

3. Витрянский В.В. Договор финансовой аренды (лизинга): О лизинге: Документы и комментарий // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. Специальное приложение к № 10: О лизинге: Документы и комментарий. М.: ЮРИТ-Вестник, 1999. С. 47-96.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 27.12.2019, с изм. от 28.04.2020) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410; 2020. № 52. Ст. 7807.

5. Груздева А.А. Лизинг в гражданском праве России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2000. 24 с.

6. Кабатова Е.В. Лизинг: понятие, правовое регулирование, международная унификация. М., 1991.

7. Конвенция УНИДРУА о международном финансовом лизинге (Оттава, 28 мая 1988 г.) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 32. Ст. 4040.

8. О присоединении Российской Федерации к Конвенции УНИДРУА о международном финансовом лизинге: федеральный закон от 08.02.1998 № 16-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 787.

9. О финансовой аренде (лизинге): федеральный закон от 29.10.1998 № 164-ФЗ (ред. 16.10.2017) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 44. Ст. 5394; 2017. № 43 (часть II). Ст. 6229.

10. Положение о лицензировании лизинговой деятельности в Российской Федерации: утверждено постановлением Правительства РФ от 26.02.1996 № 167// Собрание законодательства РФ. 1996. № 10. Ст. 936 (утратило силу).

11. Реформа лизинга: самые важные изменения в регулировании договорных отношений: мнения участников отрасли. ZAKON.RU. URL: https://zakon.ru/discussion/2017/08/31/reforma_lizing. (дата обращения: 22.11.2020).

12. Решетник И.А. Гражданско-правовое регулирование лизинга в РФ: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Пермь, 1998.

13. Черненко В.П., Кузнецов А.Е. Спорные вопросы гражданско-правового регулирования лизинга по законодательству Российской Федерации и Республики Польша // Colloquium-journal. (Warszawa, Polska) (польский международный научный журнал). 2019. № 1-9 (25). С. 41-44.

14. Чуйко В.В. Лизинг в Российской Федерации: проблемы гражданско-правового регулирования и правоприменительной практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 27 с.

УДК 347.73

Е.П. Глебова
адъюнкт Барнаульского юридического института МВД России
E-mail: glebovaep@mail.ru

НАДЛЕЖАЩИЙ СПОСОБ ЗАЩИТЫ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ ПОТЕРПЕВШИХ В РЕЗУЛЬТАТЕ МОШЕННИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ПУТЕМ ЗАКЛЮЧЕНИЯ КРЕДИТНЫХ ДОГОВОРОВ ОТ ИХ ИМЕНИ

В настоящей статье с точки зрения правовой обоснованности и целесообразности рассматриваются предполагаемые способы защиты имущественных прав и интересов потерпевших в результате мошеннических действий, совершенных путем заключения кредитных договоров от их имени. Делается вывод о том, что надлежащим способом защиты прав указанных лиц является заявление требования о признании такого договора незаключенным. Приведенный вывод обосновывается тем, что в соответствии с положениями действующего законодательства договором является соглашение двух или нескольких лиц, которые выразили в надлежащей форме свою волю на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Когда лицо, поименованное стороной сделки, фактически в какой-либо форме свою волю на возникновение кредитного договора не выражало, не желало наступления правовых последствий в виде характерных прав и обязанностей, соответственно, со стороны заемщика отсутствовал интеллектуально-волевой элемент сделки, тогда договор не может считаться заключенным. Удовлетворение требования о признании порочного кредитного договора незаключенным освободит потерпевшего от обязанности выплаты денежных средств в пользу кредитной организации (банка).

Ключевые слова: имущественные права, мошенничество, надлежащий способ защиты права, расторжение договора, признание сделки недействительной, признание договора незаключенным.

E.P. Glebova
postgraduate student of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: glebovaep@mail.ru

PROPER WAY TO PROTECT THE PROPERTY RIGHTS OF VICTIMS AS A RESULT OF FRAUDULENT ACTIONS COMMITTED BY CONCLUDING LOAN AGREEMENTS ON THEIR BEHALF

The author considers the alleged ways of protecting property rights and interests of victims as a result of fraudulent actions committed by concluding loan agreements on their behalf from the point of view of legal justification and feasibility. It is concluded that the proper way to protect the rights of these persons is to make a demand for the recognition of such an agreement as not concluded. The above conclusion is justified by the fact that, in accordance with the provisions of the current legislation, an agreement is an agreement between two or more persons who have expressed in the proper form their will to establish, change or terminate civil rights and obligations. When the person named by the party to the transaction, in fact, in any form, did not express his will for the emergence of the loan agreement, did not want the onset of legal consequences in the form of characteristic rights and obligations, respectively, there was no intellectual and volitional element of the transaction on the part of the borrower, then the agreement cannot be considered prisoners. Satisfaction of the requirement to recognize the faulty credit agreement as not concluded will release the victim from the obligation to pay funds in favor of the credit institution (bank).

Key words: property rights, fraud, the proper way to protect rights, termination of the contract, invalidation of the transaction, recognition of the contract as not concluded.

Анализ статистических данных о состоянии преступности за 2020 год, приведенных Министерством внутренних дел Российской Федерации, свидетельствует об увеличении количества преступлений, предусмотренных ст. 159-159.6 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [9]. В частности, за указанный отчетный период правоохранительными органами зарегистрировано 335 631 сообщение о таких преступлениях, что на 30,5% превышает соответствующие показатели за аналогичный предыдущий период. При этом заявлений о мошенничествах, ответственность за которые предусмотрена ст. 159 УК РФ, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, зарегистрировано 210 493, что на 75,6% больше, чем за предшествующий период [4].

Сферу возможностей для совершения деяний в виде хищения чужих денежных средств путем обмана или злоупотребления доверием существенно расширило появление дистанционного способа заключения кредитных договоров, который согласуется со ст. 160 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [2], содержащей положения о письменной форме сделки. В одних случаях потерпевшие от таких преступлений, находясь под влиянием обмана, совершают активные действия, направленные на заключение договора и получение кредитных денежных средств, которые впоследствии поступают в незаконное владение противоправно действующих лиц, например, сообщают последним логин и пароль для входа в личный интерактивный кабинет системы кредитной организации (банка), в других – потерпевшие не реализуют каких-либо действий, направленных на возникновение кредитных обязательств, такие действия от их имени фактически осуществляют посторонние лица. При этом правовые последствия приведенных ситуаций с позиции регулятивного законодательства существенно различаются.

Безусловно, привлечение к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении мошеннических преступлений, отвечает, в частности, задаче отечественного уголовного закона по охране прав граждан и собственности (ст. 2 УК РФ). Вместе с тем восстановление нарушенных в результате таких противоправных деяний имущественных прав потерпевших возможно только путем применения гражданско-правовых норм.

В этой связи представляется актуальным вопрос о надлежащем гражданско-правовом способе защиты имущественных прав потерпевших по делам о мошенничествах, совершенных путем заключения кредитных договоров от их имени третьими лицами.

Отметим, что сам по себе факт возбуждения уголовного дела по признакам состава преступления, предусмотренного, в частности, ст. 159 УК РФ, а также факт привлечения к уголовной ответственности соответствующих виновных лиц не влияют на возникшие между банком (кредитором) и потерпевшим (заемщиком) правоотношения, в т.ч. не прекращают их. Кредитор сохраняет к поименованному в договоре заемщику право требования исполнения обязательств по возврату суммы основного долга, уплате процентов за пользование денежными средствами и иных платежей.

Безусловно, кредитный договор, на заключение которого лицо, указанное в качестве его стороны, фактически волю не выражало, порочен. Однако выбор истцом (потерпевшим) ненадлежащего способа защиты права будет являться самостоятельным основанием для отказа в удовлетворении заявленных требований, что, в свою очередь, не приведет к восстановлению принадлежащих ему имущественных прав и интересов.

В соответствии с положениями ст. 12 ГК РФ гражданские права могут быть защищены, в частности, путем восстановления положения, существовавшего до нарушения права, и пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения; применения последствий недействительности ничтожной сделки; прекращения или изменения правоотношения.

Представляется, что в рамках рассматриваемых отношений истцом в целях защиты своих интересов потенциально могут быть заявлены такие корреспондирующие приведенным способам защиты гражданских прав требования, как расторжение кредитного договора, признание его недействительным, а также признание указанного договора незаключенным.

Последовательно рассмотрим каждый из указанных способов с точки зрения правовой обоснованности и целесообразности применения к рассматриваемой ситуации.

Основания ***расторжения договора*** закреплены в ст. 450 ГК РФ, в силу положений которой по требованию одной из сторон договор может быть изменен или расторгнут по решению суда только при существенном нарушении договора другой стороной, а также в иных случаях, прямо предусмотренных указанным кодексом, другими законами или договором. Понятие существенности нарушения договора одной из сторон приведено в п. 2 указанной статьи и состоит в нарушении условий договора, которое причинило для другой стороны ущерб, лишающий того, на что эта сторона была вправе рассчитывать при его заключении.

Поскольку в обозначенной ситуации кредитор (банк) условия самого кредитного договора не нарушал, соответственно, требование истца (потерпевшего) о его расторжении по этому основанию удов-

летворено быть не может. Напротив, при нарушении потерпевшим как поименованным заемщиком обязательств по возврату денежных средств право требования расторжения кредитного договора возникает у кредитора (банка), в случае если возвращение кредита предусмотрено частями, у последнего также появляется право требования досрочного возвращения всей суммы займа (ст. 811, 821.1 ГК РФ) [3].

Какие-либо иные основания для удовлетворения требования потерпевшего (заемщика) о расторжении в рассматриваемом случае кредитного договора ни ГК РФ, ни другими федеральными законами не предусмотрены.

Отдельно отметим, что даже гипотетическое удовлетворение требований потерпевшего (истца) о расторжении кредитного договора в силу положений ст. 453 ГК РФ не освободит последнего от обязанности возврата денежных средств, явившихся предметом такого договора. Напротив, указанная обязанность сохранится, соответственно, нарушенные имущественные права потерпевшего при использовании такого способа защиты восстановлены не будут. Данный вывод согласуется с позицией, изложенной в п. 31 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.12.2020 № 45 «О некоторых вопросах разрешения споров о поручительстве» [5].

В отношении возможности заявления потерпевшим в результате соответствующих мошеннических действий требования ***о признании недействительным кредитного договора*** отметим следующее.

По общему правилу, предусмотренному п. 1 ст. 168 ГК РФ, сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта, является оспоримой. Исключение предусмотрено п. 2 указанной статьи, в соответствии с которым сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта и при этом посягающая на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц, ничтожна.

Из системного толкования положений ст. 153, п. 3 ст. 154, п. 1 ст. 420, п. 1 ст. 432 ГК РФ следует, что договором является соглашение двух или нескольких лиц, которые выразили в надлежащей форме свою волю на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей.

Поскольку при заключении кредитного договора мошенническим путем потерпевший только формально поименован стороной договора, фактически действий, направленных на возникновение соответствующих правоотношений с кредитной организацией (банком), не совершал, указанный договор посягает на его права и интересы как третьего лица, постольку такая сделка противоречит требованиям закона, в частности положениям п. 3 ст. 154 ГК РФ, и, следовательно, может быть признана недействительной (ничтожной) по его иску на основании п. 2 ст. 168 ГК РФ.

Основные правовые последствия признания недействительной сделки предусмотрены ст. 167 ГК РФ, исходя из положений которой недействительная сделка не влечет юридических последствий за исключением тех, которые связаны с ее недействительностью. По общему правилу, закрепленному в п. 2 указанной статьи, при недействительности сделки каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке (двусторонняя реституция).

Однако поскольку потерпевший в результате мошеннических действий фактически стороной сделки не являлся, кредитные денежные средства по такой сделке банком ему не предоставлялись, на него не может быть возложена обязанность их возврата.

Отметим, что в ряде случаев практика Верховного Суда Российской Федерации также исходит из недействительности (ничтожности) договора, заключенного в результате мошеннических действий под именем потерпевшего неизвестным лицом. Вместе с тем соответствующая позиция основывается на том, что когда лицо фактически кредитный договор не подписывало, обязательства по данному договору на себя не принимало, тогда не была соблюдена письменная форма кредитного договора, требуемая положениями ст. 820 ГК РФ. В силу прямого указания закона такой договор считается ничтожным [6].

Представляется, что институт недействительности сделок по своей правовой природе подлежит применению к тем договорам, которые фактически сторонами были заключены. Иными словами, признано недействительным может быть то, что надлежаще состоялось в рамках правового поля.

В этой связи полагаем, что надлежащим способом защиты имущественных прав потерпевшего в результате мошеннических действий, выразившихся в заключении от его имени кредитного договора, является требование о ***признании такого договора незаключенным.***

Для обоснования данной позиции обратимся к анализу порядка заключения договора.

В силу прямого указания п. 3 ст. 154 ГК РФ договор считается заключенным тогда, когда на это надлежащим образом выражена и согласована воля сторон.

Действующее законодательство не содержит определения понятия воли.

В литературе воля рассматривается как центральный элемент сделки [1, с. 152]. По мнению Ю.Ф. Беспалова, воля представляет собой «психическое состояние субъекта, выраженное в его поведении» [10, с. 89].

Вместе с тем, когда лицо фактически в какой-либо форме свою волю на возникновение кредитного

договора не выражало, не желало наступления характерных для такого рода договора правовых последствий в виде предусмотренных прав и обязанностей, соответственно, отсутствует интеллектуально-волевой элемент сделки, тогда договор не может считаться заключенным. Обратное противоречит законодательно закрепленному понятию заключенности договора.

В свою очередь, непосредственно с моментом заключения договора действующее законодательство связывает его вступление в силу и обязательность для сторон (п. 1 ст. 425 ГК РФ).

Именно признание кредитного договора незаключенным подтверждает отсутствие между сторонами кредитных правоотношений и лишает кредитора возможности требовать от заемщика (потерпевшего) возврата денежных средств, выступивших предметом такой сделки. Освобождение от данной обязанности, по существу, восстанавливает имущественные права лица, потерпевшего от мошенничества. У кредитной организации возникает право требования возврата перечисленных денежных средств лицу, обогатившемуся в результате мошеннических действий на основании положений ст. 1102, п. 4 ст. 1103 ГК РФ.

Указанное согласуется с позицией Верховного Суда Российской Федерации, высказанной по конкретным делам (например, определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16 августа 2016 г. № 18-КГ16-71; определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 23.10.2018 № 14-КГ18-39) [7, 8].

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что само по себе существование дистанционного способа заключения кредитных договоров расширяет сферу возможностей для совершения мошенничеств с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Нарушенные в результате таких преступлений имущественные права потерпевших могут быть восстановлены только в рамках гражданско-правовых отношений. Вместе с тем выбор истцом (потерпевшим) ненадлежащего способа защиты прав и интересов к такому восстановлению не приведет. Из предложенных потенциальных требований, которые могут быть заявлены потерпевшим как истцом, надлежащим является требование о признании порочного кредитного договора незаключенным. Удовлетворение данного требования констатирует факт изначального отсутствия каких-либо договорных правоотношений между кредитором и потерпевшим, что, в свою очередь, освобождает последнего от обязанности выплаты денежных средств в пользу кредитной организации (банка).

Литература

1. Васьковский Е.В. Учебник гражданского права. М.: Статут, 2003. 381 с.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 09.03.2021) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 09.03.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

4. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2020 г. // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/22678184/ (дата обращения: 15.04.2021).

5. О некоторых вопросах разрешения споров о поручительстве: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.12.2020 № 45 // Российская газета. 2021. 15 янв. № 6.

6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 02.04.2019 № 5-КГ19-25. Документ опубликован не был [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 23.10.2018 № 14-КГ18-39. Документ опубликован не был [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16 августа 2016 г. № 18-КГ16-71. Документ опубликован не был [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 05.04.2021, с изм. от 08.04.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

10. Частное право: проблемы теории и практики / А.Ю. Беспалов, Ю.Ф. Беспалов, Д.В. Гордеюк и др.; отв. ред. Ю.Ф. Беспалов. М.: Проспект, 2016. 144 с.

УДК 347.1
П.М. Филиппов, *доктор юрид. наук, профессор*
Волгоградская академия МВД России
E-mail: civillaw34@yandex.ru;
А.Н. Садков, *канд. юрид. наук, доцент*
Волгоградский государственный университет
E-mail: sadkov@volsu.ru;
Н.В. Котельников, *канд. юрид. наук, доцент*
Волгоградская академия МВД России
E-mail: kotelnikov2612@yandex.ru

КАДАСТРОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И НЕОБХОДИМОСТЬ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЕЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ УЧЕТОВ ОБЪЕКТОВ НЕДВИЖИМОСТИ

По результатам исследования нормативных правовых актов, регламентирующих кадастровую деятельность в России, на основании проведенного анализа работ российских и зарубежных ученых, посвященных специфике оказания кадастровых услуг населению, авторами отстаивается тезис о необходимости дальнейшего развития цифровых технологий в сфере кадастровой деятельности, что позволит обеспечить большую доступность кадастровых услуг для населения посредством снижения затрат на их оказание, упростить доступ к получению юридически значимой информации, обеспечить прозрачность механизмов оказания кадастровых услуг и, как следствие последнего, снизить коррупционную составляющую в деятельности лиц, оказывающих кадастровые услуги.

Ключевые слова: кадастровые услуги, кадастровые работы, регистрация прав на недвижимое имущество.

P.M. Filippov, *Doctor of Juridical Sciences, professor*
Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia
E-mail: civillaw34@yandex.ru;
A.N. Sadkov, *Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor*
Volgograd State University
E-mail: sadkov@volsu.ru;
N.V. Kotelnikov, *Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor*
Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia
E-mail: kotelnikov2612@yandex.ru

CADASTRAL ACTIVITY AND THE NEED TO IMPROVE ITS LEGAL REGULATION IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION ACCOUNTING OF REAL ESTATE OBJECTS

Based on the results of the study of normative legal acts regulating cadastral activities in Russia, based on the analysis of works by Russian and foreign scientists devoted to the specifics of providing cadastral services to the population, the authors defend the thesis about the need for further development of digital technologies in the field of cadastral activities, which will ensure greater accessibility of cadastral services to the population by reducing the cost of their provision, simplify access to legally relevant information, ensure «transparency» of mechanisms for providing cadastral services and, as a result, reduce the corruption component in the activities of persons providing cadastral services.

Key words: cadastral service, cadastral works, registration of rights to immovable property.

В настоящее время в России вопросы правовой регламентации оказания кадастровых услуг отражены в таких правовых источниках, как Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ [4]; Гражданский кодекс РФ (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ [5]; Федеральный закон РФ от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (далее – ФЗ «О государственной регистрации недвижимости») [10]; Федеральный закон РФ от 24 июля 2007 г. № 221-ФЗ «О кадастровой деятельности» (далее – ФЗ «О кадастровой деятельности») [12]; Федеральный закон Российской Федерации от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» (далее – ФЗ «Об оценочной деятельности») [16]; Федеральный закон РФ от 27 октября 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (далее – ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг») [15] и др.

В соответствии с п. 4 ст. 1 ФЗ «О кадастровой деятельности» под кадастровой деятельностью понимается выполнение работ в отношении недвижимого имущества в соответствии с установленными федеральным законом требованиями, в результате которых выполняются разработка документов, отражающих необходимые для государственного кадастрового учета недвижимого имущества сведения об объекте недвижимости, и в установленных федеральным законом случаях оказание иных услуг. К признакам этой деятельности законодатель относит ее специальный субъектный состав. Требования к субъекту осуществления этой деятельности установлены законодателем в императивном порядке – ее могут осуществлять только кадастровые инженеры.

Цель кадастровой деятельности заключается в организации стабильного гражданского оборота недвижимого имущества, а задачи – в создании гарантий прав собственников недвижимости, совершенствовании механизма сбора налогов на недвижимое имущество, формировании предпосылок для рационального использования недвижимости. Winfried Hawerk обоснованно утверждает, что кадастр является частью базовых данных, необходимых в любой государственной земельной информационной системе [24].

Общепризнано, что устойчивость общественных отношений в кадастровой сфере обеспечивает правовое регулирование. По справедливому утверждению А.О. Иншаковой, именно право выступает основой инфраструктурного обеспечения экономики [6].

Что же касается правовой формы, опосредующей взаимодействие кадастрового инженера с клиентом, то в качестве таковой следует рассматривать договор, основанный на соглашении сторон. Именно поэтому деятельность кадастровых инженеров относится к сфере частного сектора экономики, а возникающие при этом отношения классифицируются как частноправовые.

Несомненно, что только надлежащим образом организованная кадастровая деятельность позволяет эффективно вести государственный учет объектов недвижимости; определять налогооблагаемую базу на основе определения кадастровой стоимости объектов недвижимости; снабжать граждан, представителей бизнеса, органы государственной власти и управления полными и достоверными юридически значимыми сведениями об объектах недвижимости, их состоянии, правовом режиме и кадастровой стоимости. Мы солидарны с точкой зрения Kaufmann Jürg, который говорит, что управление земельными ресурсами должно осуществляться на комплексной основе, а кадастр в данной системе играет роль бухгалтерского учета [25].

Сутью государственного кадастрового учета недвижимости является признание и подтверждение государством существования индивидуально-определенного объекта недвижимости, обладающего характеристиками, отраженными в государственном реестре недвижимости. Это, по справедливому мнению В.Н. Баранова, требует надлежащего информационного обеспечения [1].

Кадастровая деятельность имеет двойственный характер – технический и правовой. С технической стороны основной задачей такой деятельности является обеспечение оперативности доступа к соответствующей информации. Тогда как в правовом аспекте следует сосредоточиться прежде всего на обеспечении возможности получить достоверную информацию об объекте недвижимости и его качественных характеристиках: местоположении, границах, свойствах, владельческой принадлежности и др.

Объективность такой информации зависит от качества работы кадастровых инженеров, в т.ч. и от правильности измерений, расчётов объёма и площади и других необходимых показателей. При наличии ошибок, допущенных при фиксировании вышеуказанных показателей и размещаемых в информационной среде, неизбежно возникновение конфликтов. Ошибка в правильности определения предмета гражданского договора обуславливает возникновение спорных ситуаций с их последующим разбирательством, что, в свою очередь, значительно замедляет гражданский оборот. Только надлежащее оказание услуг и выполнение работ в кадастровой сфере гарантирует качество информации об объекте недвижимости, что в конечном счете обеспечивает должное юридическое оформление документации и удовлетворение интересов участников гражданского оборота.

В правилах, прописанных в п. 2 ст. 8 ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», закрепле-

ны требования к составу информации об объекте недвижимого имущества, подлежащей внесению в кадастр недвижимости. В этом информационном массиве в обязательном порядке размещаются сведения, позволяющие определить объект кадастрового учета в качестве индивидуально-определенной вещи, а также установить его признаки, свойства и характеристики, которые формируются и изменяются в результате совершения действий, влекущих образование земельных участков, уточнения местоположения их границ, строительства и (или) реконструкции зданий, сооружений, помещений, машино-мест, перепланировки помещений. Помимо перечисленных выше основных сведений, в кадастр недвижимости вносится ряд дополнительных сведений, в т.ч. о кадастровой стоимости объекта недвижимости, об ограничении оборотоспособности земельного участка и др.

В настоящее время в Российской Федерации оперативность в ведении кадастрового учета недвижимости, а также доступность сведений, содержащихся в кадастре недвижимости для населения, обеспечиваются использованием в качестве картографической основы Единого государственного реестра недвижимости (далее – ЕГРН) единой электронной картографической базы, созданной в соответствии с законодательством о геодезии и картографии. Сведения о такой картографической основе размещаются на официальном сайте Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (далее – Росреестр) в информационно-телекоммуникационной сети Интернет [18]. В соответствии с п. 3 ст. 7 ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» ЕГРН, кадастровые карты и книги учета документов ведутся в электронной форме, а реестровые дела ведутся как в бумажном исполнении, так и в электронной форме. Ведение ЕГРН в РФ осуществляется в рамках специальной информационной системы, которая подпадает под действие Федерального закона РФ от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [14].

Сегодня в России проводится значительная работа по внедрению новых технологий, направленных на повышение качества кадастровой деятельности, оперативности реагирования на запросы граждан и юридических лиц [2, 19]. Несомненно, что ведение ЕГРН, кадастровых карт и других кадастровых документов в электронной форме обеспечивает оперативность в получении сведений, своевременность внесения изменений, единомоментную доступность сведений для большого числа пользователей электронных ресурсов. Думается, что внесение сведений о состоянии земельных участков и других объектов недвижимости в электронные реестры, хранение информации, касающейся характеристик объектов недвижимости в электронной форме, позволяют обеспечить простоту и легкость получения этой информации для бизнеса и граждан, препятствуют необоснованной концентрации недвижимости в одних руках, противодействуют неосновательному обогащению недобросовестных участников гражданского оборота. Полагаем, что именно руководствуясь этими соображениями, российский законодатель в п. 5 ст. 7 ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» прописал тезис об общедоступности сведений, содержащихся в ЕГРН.

В соответствии с нормами ст. 18 ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» заявление о государственном кадастровом учете и (или) государственной регистрации прав с прилагаемыми к нему документами предоставляется заявителями как на бумажном носителе, так и в форме электронных документов и (или) электронных образов документов.

По общему правилу подача заявления в электронной форме осуществляется с использованием информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, в т.ч. сети Интернет. Использование возможностей единого портала государственных и муниципальных услуг значительно упрощает взаимодействие потребителей кадастровых услуг с органами власти, снижает коррупционную составляющую деятельности государственных служащих в вопросах своевременности оказания кадастровых услуг, предоставления необусловленных законом приоритетов при рассмотрении обращений граждан и организаций. Несомненно, что закрепление в правовых нормах требований, регламентирующих общедоступность информации, содержащейся в кадастровых учетах, введение прозрачных механизмов, опосредующих выполнение кадастровых работ и оказание кадастровых услуг, – это один из важных элементов обеспечения публичных интересов всего общества, это свидетельствует о феномене социализации частного права, что мы неоднократно подчеркивали в своих предыдущих публикациях [8, 21, 22].

В то же время, положительно отмечая перемены в организации ведения кадастровой деятельности, произошедшие в Российской Федерации с вступлением в силу ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», нельзя не отметить, что правовое регулирование общественных отношений в данной сфере далеко от совершенства. Одной из причин, негативно влияющих на качество предоставления кадастровых услуг, является несовершенство юридической техники, демонстрируемое российским законодателем в рамках регламентации кадастровой деятельности, использование правовых конструкций, характерных для подрядных отношений, для правового регулирования деятельности по оказанию услуг.

Давая определение категории «кадастровая деятельность» в п. 4 ст. 1 ФЗ «О кадастровой деятельности», российский законодатель не раскрывает перечня действий, составляющих категорию «кадастровые услуги», определяя лишь, что эти услуги оказываются в «установленных федеральным законом случаях» без четкого обозначения таких случаев.

Использование отсылочного способа построения правовой нормы в п. 4 ст. 1 ФЗ «О кадастровой деятельности», нечеткое обозначение российским законодателем перечня кадастровых работ и кадастровых услуг приводят к тому, что даже организации, специализирующиеся в области осуществления кадастровой деятельности, допускают смешение категорий «кадастровые работы» и «кадастровые услуги». В частности, на главной странице сайта ООО «Геодезия Строй Сервис» [9] прописано, что данная организация выполняет «самые разные виды геодезических и кадастровых, а также топографических и землеустроительных работ». Однако раздела «Работы» (в котором приводилась бы детализация видов выполняемых работ) на сайте нет, тогда как имеется раздел «Услуги», в котором имеются такие подразделы, как «Геодезическое сопровождение строительства», «Инженерно-геодезические изыскания для строительства», «Топографическая съемка для строительства», «Технический план здания», «Оформление домов (ИЖС и СНТ), ввод объекта в эксплуатацию», «Межевание (постановка границ земельного участка на кадастровый учет)», «Вынос границ (проектов) земельных участков в натуру», «Топографическая и кадастровая съемка земельного участка», «Комплексное оформление недвижимости».

Однако нам думается, что такое смешение категорий «кадастровые работы» и «кадастровые услуги» недопустимо, т.к. они относятся к разным видам объектов гражданских прав и их выполнение (оказание) опосредуется различными правовыми конструкциями.

В доктрине гражданского права разграничение таких объектов гражданских прав, как результаты работ и оказание услуг, поименованных в ст. 128 ГК РФ, осуществляется по специфике результата. Общепризнано, что результат работ должен проявляться в овеществленной форме и быть отделимым от самого процесса деятельности. То есть он должен представлять собой самостоятельный объект права, имеющий потребительскую стоимость. В отличие от этого результат услуг проявляется в неовеществленной форме и неотделим от самой деятельности исполнителя [20].

Основной целью выполнения кадастровых работ являются постановка объектов недвижимости на кадастровый учет и регистрация права собственности. В качестве основания для проведения кадастровых работ нормы ст. 35 ФЗ «О кадастровой деятельности» обозначают заключение между сторонами договора на выполнение кадастровых работ, требования к которому установлены законодателем в ст. 36 вышеназванного закона. Договор на выполнение кадастровых работ является разновидностью договора подряда на выполнение проектных и изыскательских работ, регламентация которого осуществляется нормами п. 2 ст. 702 и § 4 «Подряд на выполнение проектных и изыскательских работ» гл. 37 «Подряд» (ст. 758-762) ГК РФ. В качестве результата выполнения кадастровых работ российский законодатель в ст. 37 ФЗ «О кадастровой деятельности» рассматривает межевой план, технический план или акт обследования.

Что же касается кадастровых услуг, то к ним следует относить прежде всего услуги по кадастровой оценке объекта недвижимости и государственные услуги, оказываемые органами кадастрового учета. Для правового регулирования данных отношений, помимо вышеназванных нормативных правовых актов, большое значение имеют Федеральный закон РФ от 30 декабря 2015 г. № 431-ФЗ «О геодезии, картографии и пространственных данных и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования регулирования» [11]; приказы Министерства экономического развития РФ от 13 ноября 2015 г. № 848 «О требованиях к планам, картам, являющихся основой для Единого государственного реестра недвижимости» [13], от 24 ноября 2015 г. № 877 «Об утверждении порядка кадастрового деления территории Российской Федерации, порядка присвоения объектам недвижимости кадастровых номеров, номеров регистрации, реестровых номеров границ» [17] и др.

Суть услуг по кадастровой оценке объекта недвижимости заключается в установлении его кадастровой стоимости. Содержание понятия «кадастровая стоимость» может быть установлено на основании положений ст. 3 ФЗ «Об оценочной деятельности», которая определяет в качестве кадастровой ту стоимость недвижимого имущества, которая устанавливается в результате осуществления государственной кадастровой оценки либо в ходе рассмотрения и разрешения споров о результатах определения кадастровой стоимости в комиссии по рассмотрению споров о результатах определения кадастровой стоимости или в суде.

Несомненно, что правовая природа договора о проведении кадастровой оценки объектов недвижимости определяется общим пониманием оценочной деятельности как деятельности по оказанию услуг [3, 7, 23]. Однако законодатель, регламентируя отношения по проведению кадастровой оценки объектов недвижимости, допускает применение к этим отно-

шениям категорийного аппарата, характерного для подрядных отношений. Так, в нормах главы III.1 ФЗ «Об оценочной деятельности» (наименование главы «Государственная кадастровая оценка») неоднократно употребляется термин «работы» применительно к деятельности по определению кадастровой стоимости объектов недвижимости. Например, в ст. 24.15 вышеназванного федерального закона неоднократно используются термины «исполнитель работ» и «заказчик работ». Думается, что это противоречит природе отношений по определению кадастровой стоимости, которую стоит рассматривать как деятельность по оказанию информационных услуг.

Авторы полагают, что правильное понимание правовой природы договора, предметом которого является проведение кадастровой оценки, позволит не только привести эту деятельность в соответствие с устоявшимися положениями российской цивилистической доктрины относительно разграничения подрядных отношений и отношений по оказанию услуг, но и добиться повышения качества такой деятельности. Исходя из вышеизложенного, для устранения противоречий в правовом регулировании деятельности по проведению кадастровой оценки в нормах ФЗ «Об оценочной деятельности» в главе III.1, посвященной правовой регламентации государственной кадастровой оценки, предлагается заменить слово «работ» на «услуг» применительно к сторонам договора на проведение такой оценки (в частности, в статье 24.11 заменить словосочетание «исполнителя работ» на «исполнителя услуг», в статье 24.14 заменить словосочетание «исполнитель работ» на словосочетание «исполнитель услуг», в ст. 24.13, 24.19 заменить словосочетание «заказчику работ» на «заказчику услуг», в статьях 24.17-24.19 заменить словосочетание «заказчик работ» на словосочетание «заказчик услуг», а в ст. 24.18 заменить «заказчика работ» на «заказчика услуг»).

Литература

1. Баранов В.Н. и др. Информационное обеспечение кадастров и землеустройства пространственными данными: монография. М.: ГУЗ, 2006. 303 с.

2. Варламов А.А., Гальченко С.А., Аврунев Е.И. Кадастровая деятельность: учебник / под общ. ред. А.А. Варламова. 2-е изд., доп. М.: ФОРУМ, ИНФРА-М, 2016. 280 с.

3. Волкова М.А. Предмет договора на проведение оценки // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика: мат-лы ежегодной международной научной конф-ции памяти Ф.М. Рудинского (23 апреля 2015 г.). Рязань, 2015. С. 364-367.

4. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Гражданский кодекс РФ (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Иншакова А.О. Право как основа инфраструктурного обеспечения цифровой экономики и технологии Интернета вещей // Legal Concept = Правовая парадигма. 2019. Т. 18. № 3. С. 6-11.

7. Истратов Е.А. Требования к договору на проведение оценки, отчету об оценке. Виды стоимости объектов оценки // Акционерное общество: вопросы корпоративного управления. 2014. № 11. С. 20-23.

8. Котельников Н.В., Мородумов Р.Н., Садков А.Н. Свободное использование объектов интеллектуальных прав // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 3 (46). С. 66-72.

9. Межевание земельных участков в Москве и Московской области // Сайт ООО «Геодезия Строй Сервис». URL: http://mezhevanie-zemelnyh-uchastkov.ru/msk/ (дата обращения: 15.09.2020).

10. О государственной регистрации недвижимости [Электронный ресурс]: федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. О геодезии, картографии и пространственных данных и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования регулирования [Электронный ресурс]: федеральный закон от 30 декабря 2015 г. № 431-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. О кадастровой деятельности [Электронный ресурс]: федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 221-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. О требованиях к планам, картам, являющихся основой для Единого государственного реестра недвижимости [Электронный ресурс]: приказ Министерства экономического развития РФ от 13 ноября 2015 г. № 848. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Об информации, информационных технологиях и о защите информации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

15. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг [Электронный ресурс]: федеральный закон от 27 октября 2010 г. № 210-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

16. Об оценочной деятельности в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

17. Об утверждении порядка кадастрового деления территории Российской Федерации, порядка присвоения объектам недвижимости кадастровых номеров, номеров регистрации, реестровых номеров границ [Электронный ресурс]: приказ Министерства экономического развития РФ от 24 ноября 2015 г. № 877. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

18. Официальный сайт Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии Российской Федерации (Росреестр). URL: http:// rosreestr.ru (дата обращения: 10.09.2020).

19. Радчевский Н.М. Кадастр недвижимости: учебное пособие. Краснодар: КубГАУ, 2016. 64 с.

20. Садков А.Н. Правовые механизмы оказания публичных услуг: монография. Волгоград: ВА МВД России, 2016. 130 с.

21. Садков А.Н. Элементы социализации частного права в нормах Гражданского кодекса Российской Федерации // Актуальные проблемы ведомственной цивилистики (к 50-летию образования Волгоградской академии МВД России): сборник научных трудов Всероссийской научно-практ. конф-ции. Волгоград: ВА МВД России, 2018. С. 119-123.

22. Рыженков А.Я., Садков А.Н. Социализация частного права: природа и основные направления (на примере гражданского права) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 1 (52). С. 22-28.

23. Ситдикова Л.Б., Незнамова А.А. Субъекты и элементы договора возмездного оказания оценочных услуг // Юрист. 2016. № 20. С. 4-8.

24. Hawerk W. Cadastral Systems In Developing Countries – Technical Options. URL: https://www.fig.net/organisation/comm/7/activities/reports/events/ penang97/penang9710.htm (дата обращения: 17.09.2020).

25. Kaufmann J. Cadastre 2014: A Vision for Future Cadastral Systems // Presented at the 1st Congress on Cadastre in the European Union Granada, Spain May 15-17, 2002. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/ (дата обращения: 10.09.2020).